

O'zbekiston Respublikasi
Oliy va o'rta maxsus ta'lim vazirligi
SAMARQAND DAVLAT CHET TILLAR INSTITUTI

XORIJIY FILOLOGIYA

til • adabiyot • ta'lim

Ilmiy-uslubiy, adabiy-badiiy jurnal

Samarqand

3 (28) / 2008

Ministry of Higher and Secondary Education
of the Republic of Uzbekistan
SAMARKAND STATE INSTITUTE OF FOREIGN LANGUAGES

FOREIGN PHILOLOGY

language • literature • education

Quarterly scientific-methodical, belles-lettres journal

Samarkand

Хорижий филология: тил, адабиёт, таълим.
№ 3, 2008.

*Уч ойда бир марта чиладиган илмий-услубий,
адабий-бадиий журнал*

Муассис: Самаръанд давлат чет тиллар
институту

Бош муқаррир: Шакриёр САФАРОВ
Масъул котиб: Абдували ЭШЎБИЛОВ

Тақрир қайғати:

Гуландом БОЎИЕВА
Анатолий БУШУЙ
Татьяна БУШУЙ
МУЯССАР МАХМУДОВА
Ибодулла МИРЗАЕВ
Сотиболди РАҲИМОВ
Бақодир РИЗАЕВ (муқаррир ўринбосари)
Неъмат ТУРНИЁЗОВ (муқаррир ўринбосари)
Людмила АБДУЛЛАЕВА

Жамоатчилик кенгаши:

Жованна ВИАЛЕ (Италия)
Абдузуккур АБДУАЗИЗОВ
Сано САИДОВ
Иноятулла СУВОНЎУЛОВ
Рустам ШОДИЕВ
Дўстмамат ЎУЛМАМАТОВ
Салим ЖАББОРОВ

Журнал Олий Аттестация комиссиясининг
филология фанлари бўйича эксперт кенгаши
тавсияси билан (2006 йил 11 сентябрдаги 1-сонли
баённома) зарурий наشرлар рўйхатида
қиритилган.

Тақририят манзили:

Ўзбекистон Республикаси
Самаръанд ш., Бўстонсарой кўчаси 93,
СамДЧТИ.
Телефонлар: (998-662) 233-76-21.
Факс: (998-662) 235-66-19.

Журнал Самаръанд вилоят матбуот ва
ахборот бошқармаси томонидан
№ 09-12 раъам билан рўйхатга олинган.
Журнал 2001 йилдан чиља бошлаган.

© Самаръанд давлат чет тиллар институти,
2008 йил

Foreign Philology: Language, Literature, Education.
№ 3, 2008.

Scientific-methodical, belles-lettres journal

Founder: Samarkand State Institute of
Foreign Languages

Editor-in-Chief Shahriyor SAFAROV
Executive Secretary Abduvali ESHKOBILOV

Editorial Board:

Gulandom BOKIEVA
Anatoliy BUSHUY
Tatyana BUSHUY
Muyassar MAHMUDOVA
Ibodulla MIRZAEV
Sotiboldi RAKHIMOV
Bahodir RIZAYEV (vice editor)
Ne'mat TURNIYOZOV (vice editor)
Lyudmila ABDULLAEVA

Public Council:

Jovanna VIALE (Italy)
Abdusukhur ABDUAZIZOV
Sano SAIDOV
Inoyatulla SUVONKULOV
Rustam SHODIYEV
Dustmamat KULMAMATOV
Salim JABBOROV

The journal is included into the of required
publications according to the recommendation of the
expert council in filological sciences of Higher
Attestation Committee (Proceeding #1 from
September 11, 2006).

Address of Editorial Office:

Samarkand, Bustansaray str. 93, SamSIFL.

Phone: (998-662) 233-76-21

Fax: (998-662) 235-66-19

The journal was registered with No 09-12 by
Samarkand Regional Department of press and
information. The journal has been published
since 2001.

© Samarkand State Institute of Foreign Languages,
2008

МУНДАРИЖА

ТИЛШУНОСЛИК

Т.Бушуй, Ш.Сафаров К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИСТИКИ (Синтаксический уровень языка)	5
А.Бушуй ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СТРУКТУРНОЙ СЕГМЕНТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	23
Н. Жалилова ЊЗ ЉАТЛАМ АСОСИДА ЉОН-ЉАРИНДОШЛИК ТЕРМИНЛАРИ ШАКЛЛАНИШИГА ДОИР	33
А. Маматкулов К ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСА «LE POLITIQUEMENT CORRECT» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	36
Ғ.Мирсанов ЎЗБЕК ТИЛИДА ФЕЉЛЛАРНИНГ АКЦИОНАЛЛИГИ ХУСУСИДА	40
А.Раҳимов ДЕРИВАЦИЯ - ТИЛ ТИЗИМИДАГИ УНИВЕРСАЛ ҚОДИСА СИФАТИДА	42
И.Сиддикова ПРИНЦИПЫ СЛОВАРНОЙ МИНИМИЗАЦИИ СИНОНИМИЧЕСКОЙ МИКРОСИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА	45
Х. Хайруллаев ТИЛ САТҲЛАРИ ВА УЛАРНИ ТАШКИЛ ЭТУВЧИ БИРЛИКЛАРНИНГ ЎЗARO МУНОСАБАТЛАРИ ХУСУСИДА.....	50
А.Яхшиев ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИАЛОГА.....	53
Ғ. Каюмов SINTAKTIK PARADIGMATIKA TUSHUNCHASI VA UNING TALQINI XUSUSIDA	58
АДАБИЁТШУНОСЛИК	
О. Гибралтарская СВОЕОБРАЗИЕ КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ «ЖЕЛЕЗНОЙ МИСТЕРИИ» Д. АНДРЕЕВА.....	61
М.Насруллаева ХРОНОТОП В “A ROSE FOR EMILY” У. ФОЛКНЕРА (ФРАГМЕНТЫ)	64
Ф. Норбеков «ЙЎЉОЛГАН ДУНЁ» РОМАНИДА А. КОНАН ДОЙЛ ФАНТАСТИКАСИНННГ ЎЗИГА ХОСЛИГИ.....	65
Б. Сайфуллоев А. КАМЮНИНГ «ВАБО» РОМАНИ ТАРЖИМАСИ ХУСУСИДА	67
ТАЪЛИМ	
Н.Сулейманова ВОЗРАСТНОЙ ФАКТОР В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (ФРАГМЕНТЫ)	69
ХАБАРЛАР	
Ш. Мухитдинов СВЯЗАВШИЕ ЕВРОПУ С АЗИЕЙ	71

CONTENS

LINGUISTICS

T. Bushuy, Sh. Safarov. ON THE HISTORY OF STUDYING SPANISH (syntactical level of the language).....	6
A. Bushuy. DERIVATIONAL GROUNDS OF STRUCTURAL SEGMENTATION IN THE PROCESS OF FORMATION OF THE SYNTACTICAL LEVEL OF FRENCH.....	24
Jalilova N. ABOUT FORMATION OF TERMS DENOTING FAMILY RELATIONS.	34
Mamatkulov A. «LE POLITIQUEMENT CORRECT» AS LINGUOSTILISTIC AND SOCIOLINGUISTIC PHENOMENON AND WAYS OF EXPRESSING IT IN FRANCE.	37
Mirsanov G. AKTIONSART IN UZBEK VERB SYSTEM.	41
Rahimov A. DERIVATION AS A UNIVERSAL PHENOMENON IN THE LANGUAGE SYSTEM.	43
Siddikova I. PRINCIPLES OF VOCABULARY MINIMIZATION OF SYNONYMIC MICRO SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE.	46
Khayrullayev Kh. LEVEL OF LINGUISTICS AND INTERACTION ITS UNITS.	50
Yachschiew A. GRUNDASPEKTE DER LINGUISTISCHEN INTERPRETATION DES DIALOGS.	54
Kayumov F. O. ON SYNTACTICAL PARADIGMATICS AND ITS STUDY.	59
LITERATURE	
Gibraltarskaya O. COMPOSITION IN “IRON MYSTERY” BY D. ANDREEV.	62
Nasrullaeva M. NOTES ON THE CHARACTER OF TIME AND SPACE IN W. FALKNER’S NOVEL “A ROSE FOR EMILY”.	65
Norbekov F. PECULIARITIES OF A. K. DOYLE’S FANTASTIC IN HIS NOVEL “THE LOST WORLD”.....	66
Sayfullaev B. ABOUT TRANSLATION OF THE NOVEL “PLAGUE” BY A. KAMYU	68
EDUCATION	
Suleymanova N. AGE FACTOR IN LANGUAGE LEARNING.	70
NEWS	
Muhitdinov Sh. EUROPE AND ASIA: CULTURAL RELATIONSHIP AND FUTURE PLANS	72

Т.Бушуй, Ш.Сафаров

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИСТИКИ (СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКА)

1. Сочетаемость слов как основа синтаксиса. В основе синтаксической структуризации любого языка лежит сочетаемость слов. Она формирует так называемые синтагматические (или линейные) отношения [Ф.де Соссюр, 1990, с.110-111]. Эта проблема является центральной для общей и романской теории синтаксиса. Так, Л.Теньер [L.Tesnière, 1976, p.12] писал, что «понятие связи (connexion) лежит в основе всего структурного синтаксиса. Поэтому трудно переоценить важность этого понятия». Без фундаментального изучения синтаксической сочетаемости слов невозможно постичь сущность словосочетания и предложения. В связи с этим О.К.Васильева-Шведе и Г.В.Степанов [1972, с.4] замечают: «Как любая наука, теория грамматики или теоретическая грамматика в процессе своего развития создала систему основных понятий, с помощью которых она определяет как предмет науки, так и метод его изучения. Предметом грамматики является грамматический строй языка, т.е. совокупность закономерностей, управляющих способами образования и изменения слов и определяющих правила сочетания слов в предложении и сочетания предложений между собой».

В современной испанистике активно исследуются синтаксические связи знаменательных слов, замещающих в предложении определённую синтаксическую позицию, т.е. анализируются синтаксические связи синтаксисом [Ю.А.Рылов, 1985]. При этом рассматриваются преимущественно лишь связи с взаимной направленностью и субординативные. Проблема исследуется с опорой на семантические отношения, выражаемые при помощи того или иного способа связи, и с учётом фактора актуального членения предложения [О.К.Васильева-Шведе и Г.В.Степанов, 1963, с.32]. При этом часто подвергается критике трактовка синтаксических связей слов как явления двойного порядка, т.е. критикуется противопоставление синтаксических связей на уровне предложения, или на «коммуникативной ступени» (подлежащее-сказуемое, детерминант-предложение,

сказуемое-формальное дополнение в пассивных конструкциях), и на уровне словосочетания, или на «докоммуникативной ступени» (согласование, управление, примыкание).

Так, по мнению Ю.А.Рылова [1985], все синтаксические связи осуществляются в предложении, т.е. на «коммуникативной ступени». «Если предположить обратное, то придётся принять тезис о том, что предложение формируется из уже готовых сочетаний (что верно лишь в отношении фразеологических единиц) [Т.А.Бушуй, 1988, с.74; 1992, с.158], а не словосочетания создаются в предложении и вычлениваются из него. Кроме того, дифференцированный подход к синтаксическим связям предложения и словосочетания подрывает единство предложения как диалектического целого, поскольку одни его компоненты оказываются соединёнными по законам предложения, другие - по законам словосочетания. Между тем, все синтаксические связи, имеющие место в предложении, при всей формальной и семантической разнородности, подчинены одной цели — «обеспечению акта коммуникации» (с.4). Поэтому в предложении не может быть компонентов (за исключением некоторых вводных слов и выражений), формально не связанных с тем или иным компонентом предложения. Скажем, ситуанты в содержательном плане связаны и с глаголом-сказуемым и с предложением в целом; в формальном же отношении они связаны лишь с глаголом и именно с ним образуют словосочетание [J.Roca Pons, 1968, p.156].

Если касаться вопроса о соотношении семантической, динамической и формальной структур предложения, то первые две относят к плану содержания, а последнюю — к плану выражения.

Выделяются следующие виды семантических отношений между компонентами простого (неосложнённого) предложения: предикативные, объектные, обстоятельственные, определительные (атрибутивные). Реализуясь в предложении, они могут сопровождаться отношениями восполнения (комплексивности), например, в

испанском предложении, построенном на базе прямопереходного глагола, обязательно наличие объектного компонента, часто просто формального: ¿Conoces a este hombre? – Si le conozco. В аналогичном русском предложении объект не выражается: «Ты знаешь этого человека? – Да, знаю».

Что касается динамической структуры предложения, то она в принципе бинарна, но в осложнённых предложениях, выражающих несколько пропозиций, выделяют внутри темы и внутри ремы дополнительные элементы: Contando con la señorita Miranda los iavitados somos ocho (A.Casona) [«Вместе с синьоритой Мирандой нас приглашённых восемь (человек)»] // Por tres pesetas, el visitante tiene derecho a recorrer los jardines desiertos, escalanados en terrazas (J.Coytisoló) [«За три песеты посетитель имеет право обойти расположенные террасами пустынные сады»].

Каждое из приведённых предложений состоит из двух пропозиций, скреплённых общим предикативным оформлением. В составе комплексной темы первого предложения, представленной герундиальным оборотом и грамматическим подлежащим, выделяется рематичный элемент – герундиальный оборот, опорный элемент которого является в семантическом плане квазипредикатором. В составе комплексной ремы второго предложения выделяется тематический элемент – субъект семипредиката (los jardines «сады») и элемент вторичной рематизации – семипредикат, представленный обособленным причастным оборотом [V.García de Diego, 1992, p.248].

С опорой на понятие синтаксемы различают:

- 1) элементарные синтаксемы (замещают при сказуемом ту или иную синтаксическую позицию при помощи одной словесной формы);
- 2) сложные синтаксемы (различные аналитические образования);
- 3) дискретные синтаксемы (комплекс словесных форм, замещающих при сказуемом одну синтаксическую позицию).

В любом случае синтаксема репрезентирует один компонент семантической структуры предложения [E.Alarcos Llorach, 1991, p.67].

Синтаксемы могут быть центральными, т.е. непосредственно связанными со сказуемым, и периферийными, т.е. непосредственно с ним не связанными. Периферийные синтаксемы входят в состав дискретных. Причём периферийные

синтаксемы, зависящие от центральных, – это периферийные синтаксемы первой ступени; синтаксемы, зависящие от периферийных синтаксем первой ступени, – это периферийные синтаксемы второй ступени и т.д. Например, в предложении Aún no ha llegado el momento oportuno para su aparición [«Ещё не наступил подходящий момент для его появления»] дискретная синтаксема el momento oportuno para su aparición [подходящий момент для его появления] состоит из существительного el momento [«момент»] – опорного компонента дискретной синтаксемы, прилагательного oportuno [«подходящий»] – периферийной синтаксемы первой ступени, предложного сочетания para aparición [«для появления»] – периферийной синтаксемы второй ступени, притяжательного местоимения su – периферийной синтаксемы третьей степени [A.Badía Margarit, 1992, t. I, §190-196]. Соответственно синтаксические связи дифференцируются на центральные, периферийные и конституирующие (соединяют субъектную и предикативную синтаксемы).

Средства оформления синтаксических связей разбиваются в испанистике на две группы:

- 1) сегментные (аффиксы и служебные слова)
- 2) суперсегментные (порядок слов и интонация).

Совокупность средств связи, используемых для выражения однотипных семантических отношений, образует способ связи.

В теории синтаксиса испанского языка считается, что термин «синтаксема» предпочтительнее (применительно к испанскому языку) термину «форма слова»; в силу отсутствия падежного изменения имени форма прямого дополнения по сегментным признакам не отличается от формы подлежащего, в то время как неотъемлемой чертой синтаксем является формально-позиционная характеристика, а это позволяет ограничения, имплицитные термином «форма слова». Последний используется для обозначения единиц, обладающих парадигмой форм изменения, связанных с позицией этих единиц в предложении (глаголы в личной форме, личные местоимения в косвенной форме и т.д.). [M.Criado de Val, 1999, p.107-108].

По проблеме «Конституирующие синтаксические связи (синтаксические связи при оформлении предикативных отношений)» в испанистике полемизируют со сторонниками

традиционной точки зрения, согласно которой предикативные отношения оформляются при помощи согласования, т.е. атрибутивной связью, хотя глагольная форма всё же обладает известной самостоятельностью и независимостью в отличие от адъективного компонента атрибутивных построений.

Самостоятельность глагольного сказуемого проявляется, например, в следующем:

1) подлежащее, с которым согласуется глагольное сказуемое по линии числа и лица (*el niño corre* «ребёнок бежит») не является обязательным компонентом сочетания двух синтаксис в отличие от субстантивного компонента в атрибутивных сочетаниях. Нормой испанского языка является опущение прономинального подлежащего;

2) в случаях субстантивного выражения подлежащего возможны колебания в выборе формы числа глагола в зависимости от согласования по форме или по смыслу [E.Coseriu, 1962, p.235].

К особым случаям адаптации главных членов предложения относятся конструкции разговорного характера, в которых сказуемое не согласуется с подлежащим ни в числе, ни в лице:

1) предложение с застывшей глагольной формой сослагательного наклонения *venga de*, обозначающей внезапное начало действия, выраженного инфинитивом: ... *que tú venga de mirar como un rubecillo* «что ты показался таким жалким»;

2) предложения с отглагольной частицей *dale*, распространяемой субстантивной синтаксисом с предлогом *con* «с». Отсюда делается вывод, что связь между подлежащим и сказуемым разнородна как в семантическом, так и в формальном отношении [S.Fernández Ramírez, 2004, p.209-210].

По проблеме «Центральные синтаксические связи (подчинительные связи глагола)» анализируются объектные и обстоятельственные отношения (управление и примыкание) и их модификации. При этом считается, что постпозиция управляемой синтаксисы по отношению к глагольной - основное средство выражения объектных отношений при беспредложном управлении. Соответственно роль предлога возрастает при немотивированном предложном управлении. Здесь возможна нейтрализация порядка слов, как средства оформления объектных отношений (*Pero a esto se opuso el Alcalde* «Но алькальд был против этого»). При

мотивированном предложном управлении предлог и порядок слов, в основном, взаимодействуют.

Прослеживаются также тенденции в сочетаемости управляемых синтаксисом. Так, при глаголе не может быть более одной связанной / полусвязанной синтаксисы. Связанные синтаксисы (кроме квазипредложных) сочетаются с полусвободными, полусвободные – между собой. Синтаксисы, присоединяемые при помощи квазипредложного и в большинстве случаев немотивированного предложного управления, не сочетаются с другими управляемыми синтаксисами. Все управляемые синтаксисы сочетаются с примыкающими, т.е. свободными синтаксисами [S.Gili y Gaya, 1991, p.287-288].

В проблеме «Периферийные синтаксические связи» рассматриваются связи в дискретных синтаксисах, используемых для присоединения к опорному слову дискретной синтаксисы компонентов, не связанных с глагольным сказуемым. «Опорное слово дискретной синтаксисы – центральная синтаксиса в позиции подлежащего, дополнения, обстоятельства или присвяточной части сказуемого» (Ю.А.Рылов, 1985, с.113).

Синтаксическая семантика компонентов, присоединяемых при помощи периферийных связей, отличается от семантики компонентов, непосредственно связанных с глагольным сказуемым: входя в состав дискретной синтаксисы, первые не занимают в структуре предложения «отдельного места». Это вызвано тем, что «периферийные синтаксисы не репрезентируют какой-либо отдельный компонент семантической структуры (хотя иногда и бывают структурно необходимы)» [Ю.А.Рылов, 1985, с.113].

Из вышесказанного очевидна особая сложность грамматического изучения испанского языка. Так, О.К.Васильева-Шведе и Г.В.Степанов пишут: «Трудность научного описания грамматики современного языка состоит, помимо всего прочего, в выборе самого объекта описания. Испанский язык существует на огромной территории, включающей два десятка самостоятельных национальных государств, и являет собой сложное единство местных национальных норм речи и вариантов социальной нормативности в каждом национальном ареале... Из всех ярусов языка грамматика обнаруживает наименьшую вариативность. Основу местной дифференциации составляют фонетика и лексика. Однако грамматическая вариативность

всё же существует. Поэтому вопрос о выборе грамматической нормы не может игнорироваться. В качестве такой единой образцовой нормы должен, очевидно, быть выбран испанский (европейский) языковой стандарт» (1972, с.18-19).

II. Номинально-синтаксические высказывания. В современной испанистике рассматривается грамматическая организация и функционирование в тексте различных групп, синтаксических структур, объединённых общностью формального состава. К примеру, описываемые единицы строятся на базе беспредложной формы имени существительного, находящегося в абсолютной позиции. Имеются в виду «номинальные» построения типа: *Sol. Una torre.* Это повествовательные по своей коммуникативной направленности высказывания, которые бывают нераспространёнными, однословными (*Silencio*) и распространёнными. Распространение структуры номинального высказывания, организованного абсолютной позицией имени существительного, может идти по линии атрибутивных (*Silencio absolute. Silencio de noche*) или обстоятельственных связей (*Silencio otra vez*).

При обращении к номинальным структурам испанские грамматисты, как правило, довольствуются констатацией их наличия в языке и отмечают принадлежность этих единиц разговорному стилю. Авторы многих грамматик и специальных работ по синтаксису рассматривают безглагольные структуры как напольные предложения или окказиональные образования, опирающиеся в своем функционировании на ситуацию речи.

В процессе коммуникации номинальные структуры выступают как высказывания, то есть единицы сообщения, связанные с определённой ситуацией. Основным признаком этой единицы является её отнесённость к речевой ситуации, формально выражающаяся в наличии разрешающей (фразовой) интонации. Поскольку в процессе общения происходит постоянное соотношение структуры сообщения с ситуацией речи, высказывание может быть лишено жесткой грамматической организации [José Pedro Rona, 2002, p.397-398].

“Учение о предложении, - пишет Е.А. Реферовская, - обычно не даёт ответа на вопросы, связанные с несовпадением языковых форм с формами логического мышления: является ли точка концом предложения и можно ли считать предложениями присоединенные отрезки, стоящие между

двумя точками?” [Е.А.Реферовская, 1969, с.227]. Известно, что в акте коммуникации происходит приспособление структуры сообщения к ситуации речи. В определённых коммуникативных условиях могут использоваться высказывания, которые в силу своего значения не являются самостоятельными грамматическими единицами, но обладают способностью передавать информацию, необходимую для целей общения. В ряде случаев интонационное обособление служит для актуализации элемента, сегментированного из соседней синтаксической структуры.

В формальном плане необходимым признаком предложения является его синтаксическая автономность, а именно: отсутствие показателей на его включённость в большую синтаксическую единицу (С.Fries, 1952. p.19).

В плане внутренней структурной организации предложение должно соответствовать одной из существующих в языке моделей – отвлечённому образцу синтаксического строения, по которому может быть построено сообщение в речи. Следовательно, другим обязательным признаком предложения является его синтаксическая и интонационная завершенность.

Сама по себе формальная организация предложения не безразлична для его семантической структуры. Под семантической структурой предложения понимается «его информативное содержание, представленное в абстрагированном виде как закреплённое в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла» [Н.Ю.Шведова, 1973, с.461]. Поскольку повествовательное предложение, независимо от содержания обобщаемой информации, всегда высказывает что-то о чём-то, его внутреннему, смысловому содержанию также свойственна относительная законченность, некоторая функциональная автономность, ставящая предложение выше его компонентов. Этим свойством предложения, по-видимому, объясняется его синтаксическая функция относительно независимого сообщения в речи.

Названные признаки позволяют как бы с внешней и внутренней стороны отграничить номинальные предложения от тех именных конструкций, которые представляют собой актуализированные фрагменты единой синтаксической структуры, возникающие вследствие интонационного обособления.

Так, критерий синтаксической автономности и относительной смысловой завершенности даёт право считать предложениями лишь те номинальные образования, грамматическое и функциональное качество которых целиком не предопределяется предшествующим или последующим предложением (т.н. опорное предложение). Наоборот, синтаксически неавтономные высказывания могут функционировать в составе сложных синтаксических единств (под «сложным синтаксическим единством» понимаются сложные образования, состоящие из основного компонента, структурно соответствующего обычному предложению, и одного или более препозитивных или постпозитивных отрезков речи, не входящих в его состав, но тесно связанных с ним в грамматическом и смысловом отношении), в опоре на соседствующую с ним синтаксическую структуру. При этом между опорным предложением и номинальной конструкцией обнаруживается тесная смысловая и грамматическая связь.

Грамматическая зависимость номинального высказывания проявляется в том, что между компонентом опорного предложения и именной структурой устанавливаются либо подчинительные, либо соотносительные, либо предикативные отношения, то есть такие внутренние синтаксические связи, которые могут быть реализованы в пределах целостной грамматической структуры-предложения [A.Llorente Maldonado, 1995, p.300-301].

Естественно предположить, что если между именной конструкцией и элементами опорного предложения обнаруживаются названные грамматические отношения, номинальная структура может быть признана синтаксически зависимым отрезком опорного предложения, который в результате интонационного обособления помещён в автономную позицию [Luis Juan Piccardo, 1992, p.48-49]. В зависимости от места, занимаемого относительно опорного предложения, различаются постпозитивные и препозитивные сегменты. Среди постпозитивных номинальных структур можно выделить две основные разновидности - присоединительные и уточняющие конструкции. Присоединительные конструкции возникают как добавочное сообщение к основному высказыванию.

Существенным для понимания номинальной присоединительной конструкции

является один компонент предшествующего предложения – его сказуемое, выраженное личной формой глагола.

Наиболее отчётливо грамматически связанный характер номинальной конструкции и ее синтаксическая функция выявляются при наличии в опорном предложении переходных глаголов, не реализовавших свою валентность на объект. Сложнее определить синтаксическую природу номинальных образований, следующих за грамматически завершенными структурами: *Siente cansancio. Desgana. Deseo de que pase pronto el día* (Matute) [J.A.Pérez-Rioja, 1990, p.200-202].

Номинальная структура и соотносительный элемент предложения обнаруживают тождественность синтаксической позиции, одинаковую грамматическую оформленность и находятся в отношении логической однородности, то есть принадлежат одному семантическому классу имен, обозначая референты, относящиеся к одной и той же сфере явлений действительности. Поэтому именные конструкции и соотносимый с ними компонент опорного предложения представляют собой однородные члены. Отсюда способность номинальных конструкций вступать с компонентом предложения в отношения перечисленности и сочинения: *Siento cansancio y desgana, deseo de que pase pronto el día*.

Уточняющие номинальные структуры соотносятся с одним из компонентов предшествующего предложения, содержание которого они конкретизируют. Уточняющие структуры представляют собой многозвенные стилистические образования, связанные между собой отношениями перечисления: *En los escaparates muestran los objetos adornados con los símbolos de la Navidad. Muérdago. Ramas de abeto. Escarcha. Algodón en rama* (Medio).

Коррелирующие с номинальными конструкциями слова называют явления действительности в обобщенной форме с той или иной степенью абстрактности [Rafael Seco, 1990, p.61-62].

Между номинальной конструкцией и её коррелятом в опорной структуре устанавливаются отношения уточнения. Уточняемое (компонент предложения) и уточняющее (номинальные структуры) в дифференцированной форме представляют один и тот же член предложения, и уточняемое и уточняющее находятся в одинаковых грамматических отношениях со сказуемым соотносительной структуры (ср. *muestran los*

objetos; muestran muérdago; muestran ramas de abeto, etc.).

Между уточняемым словом соотносительного предложения и именными образованиями устанавливаются отношения, параллельные тем, которые существуют в рамках единой синтаксической структуры с перечислением однородных членов при обобщающей единице: En los escapates muestran los objetos adornados con los símbolos de la Navidad: muérdago, ramas de abeto, escarcha, algodón en rama.

Сложное синтаксическое единство может включать структуры с антиципацией: Odio. Ahora de Arco se dio cuenta de que en aquella voz había verdadero odio (Aldecoa). Несмотря на внешнюю изолированность, препозитивный сегмент находится в тесной грамматической и смысловой зависимости от следующего за ним предложения: Un salero. Debo comprar un salero. (Medio): La Gazusa. Nunca había oído hablar de la Gazusa (Sender) [A.Rosenblat, 1991, p.248-249].

Актуально описание семантико-синтаксических и функциональных свойств номинальных предложений [A.Rosenblat, 1997, p.112].

При этом основной формой для выражения обобщенно-грамматического значения квалификации, утверждения качеств и свойств предмета является двусоставная структура предложения с именным сказуемым (La casa es nueva. Su padre está enfermo).

Первичная форма с типовым значением утверждения наличия предмета представлена в испанском языке моделью предложения с экзистенциальными глаголами, наиболее обобщенным и универсальным представителем которых является безличный глагол *hay* (Hay silencio). Такие высказывания, построенные по одному из отвлечённых образцов грамматической организации, обладают собственным структурно-смысловым и функциональным значением.

Полные и неполные предложения, передавая одинаковое вещественное содержание, относятся к одному структурно-смысловому типу предложения и отличаются друг от друга степенью грамматической завершенности конструкции. При этом полное предложение характеризуется структурной законченностью, завершением синтаксических связей в его конце, а неполное предложение, опирающееся на контекст или ситуацию, имеет незамкнутую синтаксическую структуру. Так, сопоставляя высказывания *Hay una mesa* и *Una mesa*, следует признать, что первая структура,

наделённая признаком грамматической завершенности, обладает определённой, свойственной ей коммуникативной значимостью и в отрыве от контекста и в различных контекстуальных условиях, в то время как второе высказывание становится понятным только в опоре на конкретную ситуацию речи.

Если в высказывании *Su padre es albañil* представлены все структурно-необходимые компоненты модели, то в его фразовом корреляте *Albañil* отсутствует указание на субъект (носитель признака, который не называется в силу его очевидности в соответствующем речевом окружении). В испанском языке, где, как и во французском языке, доминирующим принципом организации предложения является его структурная полнота, формальная двучленность, именные предложения могут интерпретироваться как неполные фразовые варианты двупозиционных моделей предложения.

В испанистике традиционно выделяются две основные семантико-синтаксические разновидности номинальных предложений – характеризующие и бытийные (экзистенциальные).

Обобщенно-грамматическим значением характеризующих предложений является значение квалификации, утверждение свойств и качеств предмета: *Cobarde. Un hecho claro*. Такие предложения рассматриваются как речевой вариант связочных предложений типа: *Fulane es cobarde; Su cobardía es un hecho claro*.

Выделяются два структурных типа характеризующих предложений – распространённые и нераспространённые. Степень необходимости распространения обусловлена лексико-грамматическими свойствами основного конституента номинальной структуры. Нераспространённые предложения могут быть сформированы лексемами, в значение которых входит оценочный элемент: *Pobrecito; Mentira*.

Характеризующие предложения включают указание на носителя признака, представляющее собой вторичное наименование ранее обозначенного в данном контексте денотата.

В зависимости от характера анафорического элемента и его взаимоотношений с «подхватываемым» им членом предшествующего сообщения устанавливается несколько разновидностей характеризующих структур:

1) предложения, главный член которых лексически дублирует компонент предыдущего высказывания: *Le peinó el cabello, largo y rubio que le caía más abajo de los hombros. Un cabello liso y metálico en su brillo (Matute);*

2) предложения, содержащие вариантный повтор (отношение более общего наименования к более частному): *Pasó por detrás de una iglesia y se detuvo. Un edificio feo, anodino ... (Laforet);*

3) предложения, главный компонент которых служит для обобщения содержания некоторого фрагмента предшествующего текста: *Con tal motivo hubo grandes fiestas en el Palacio: Capilla con señores obispos y cantantes de le Opera: Besamanos y parada: Banquete de gala y rigodón diplomático. Todo el lúcido y barroco ceremonial de la Corte de España (Valle-Inclán).*

Обобщённо-грамматическим значением бытийных предложений является утверждение наличия предмета как явления. Безглагольные бытийные предложения преимущественно возникают в определённых, фиксированных условиях.

Рассматривая контекст имени существительного-главного члена номинальной структуры, в его окружении можно выявить указание на присутствие в описываемой ситуации одушевлённого субъекта, который устанавливает наличие того предмета или явления, сообщение, о котором содержится в бытийном предложении.

Наличие в соседствующих с номинальной структурой глаголов *mirar, observar, oír, sentir*, обстоятельственных конструкций, близких по своему значению к глаголам восприятия (*ante él, delante de los ojos, a su alrededor*), глаголов физического действия, которые предваряют акт восприятия или содержат указание на смену угла зрения (*abrir los ojos, levantar la mirada, volver la cabeza*), показывает, что между названным субъектом и содержанием бытийного предложения устанавливаются отношения чувственного восприятия. Однако значительно чаще бытийному высказыванию предшествуют предложения, содержащие глаголы движения (*ir, caminar, entrar, salir, pasar*) или перемены физического состояния (*volverse, pararse, despertarse*).

Смысловое отношение между описываемыми фактами выявляется из сопоставления содержания предшествующего предложения и бытийного высказывания. Между этими сообщениями существует тесная внутренняя, но эксплицитно невыраженная связь. Смысловой разрыв, возникший в результате опущения одного из звеньев единой

логической цепи, легко восполняется включением промежуточного звена со значением восприятия. *Entramos. Un largo pasillo (Proel) [Cp. Entramos. (Vemos) in largo pasillo].* В зависимости от семантики основного конституента выделяются бытийные предложения с процессуальным (действие, состояние) и конкретно-предметным значением.

Главный член бытийного предложения может получать распространение второстепенными членами, выполняющими определительную и обстоятельную функцию. Атрибутивные отношения выражаются посредством прилагательных, предложно-именных сочетаний, числительных, местоимений, причастий, придаточных относительного подчинения и герундия в определительной функции. В роли обстоятельств используются предложно-именные сочетания и наречия. Наречия, входящие в состав бытийных предложений, выполняют функцию обстоятельственной «локальной кулисы» или указывают на последовательность действий и их кратность.

В предложениях, описывающих состояние внешней среды, бессубъектное и безобъектное по своей природе, прилагательные и предложно-именные сочетания, распространяющие главный член, содержат качественные, модальные или фазисные характеристики процесса. В бытийных высказываниях, констатирующих определённое состояние человека, основной конституент нередко выражается семантически неполными именами (*sensación, deseo, satisfacción*), предполагающими наличие расчленённой информации о событии. Раскрытие содержания главного члена в таких предложениях осуществляется посредством именных сочетаний, вводимых предложением *de*. Предложно-именные сочетания также служат для указания на локальные состояния.

Прилагательные, входящие в состав высказываний, используются для выражения модальной оценки или качественных признаков изображаемого явления. При этом если бытийные предложения фиксируют ощущения, замкнутые сферой уже обозначенного воспринимающего субъекта, то название этого лица становится излишним. Cp. *Otra vez los Dolores, la fiebre, el frío en los huesos (Abren).* Поскольку целью экзистенциальных высказываний является сообщение о самом наличии предметов или явлений, такие высказывания часто бывают однословными,

имеют нераспространённую структуру: Pasillos. Puertas. Escaleras (Alvarer). Codazos. Pisotones (Medio).

Если главный член бытийного предложения распространён характеризующими его второстепенными членами, то распространитель, выражающий сопутствующие бытию признаки, утверждается вместе с основным конституентом как единое целое. Сопоставив высказывания *Una requeña mariposa en la telaraña* (Abreu) и *Una mariposa*, следует признать, что в обоих предложениях утверждается наличие бабочки. Устранение определений и обстоятельств приводит к обеднению содержания высказывания.

Помимо бытийных предложений с предметным и процессуальным значением существуют еще интродуктивные локальные предложения со значением временного и пространственного фона: *Madrid. Once la mañana. Calle de Alcalá* (Medio). Такие высказывания не утверждают наличие названного места или время происшествия и соотносятся с двусоставными предложениями, выражающими локальную предикацию типа: *Esto era en Madrid las de la mañana*. Локальные предложения, начинающие повествование, выполняют функцию своеобразных обстоятельств, которые нередко очерчивают временные и пространственные рамки всего текста.

Для понимания содержательной ценности бытийных и характеризующих предложений в большинстве случаев существенным оказывается предыдущее сообщение. При этом основная роль в объединении высказываний принадлежит не формальной, а внутренней смысловой связи. Характеризующие предложения теснее, чем бытийные связаны с предшествующим предложением потому, что в них обязательно присутствует уже отмеченная лексическая преемственность. Синтаксическая связь между характеризующим высказыванием и его коррелятом в ряде случаев проявляется в том, что в главном члене именной структуры дублируется выражение грамматических категорий рода и числа соотносимого с ним наименования.

Смысловая объединённость бытийных предложений с контекстом основывается на внутренней имплицитной связи. Спаянность текста достигается при помощи разнообразных связующих средств. Основная роль среди них принадлежит артиклям, обстоятельственным сочетаниям в роли локальных детерминантов,

неопределённым местоимениям и логическим наречиям.

Номинальные структуры используются для создания зрительно-наглядных и конкретно-чувственных образов. Сферой применения описываемых структур являются фрагменты описательного характера (портрет, пейзаж, обстановка), нередко номинальные высказывания присутствуют в повествовании в форме воспоминаний героя, создавая иллюзию сдвига во времени. В силу своей грамматической специфики именные образования представляют собой удобное средство для описания процессов, происходящих в сознании героя: его физическое и психическое состояние, эмоции, сновидения и т.д.

Очевидно, что номинальные структуры, характеризующиеся в устной речи, в диалоге, как явление закономерное и нейтральное, в сфере художественного повествования обретает особую выразительность. Специфический характер изображения, представленного в форме номинальных структур – это художественный приём, цель которого – вовлечь читателя в поток событий, вызвать у него аналогичные ощущения и ассоциации.

Активизация именных структур – закономерный процесс, который обусловлен влиянием как внеязыковых, так и внутриязыковых факторов. Известно, что сама форма имени существительного таит в себе богатые функциональные возможности, она способна на основе грамматического значения предметности передавать многообразие вещественного содержания (обозначение лиц, предметов, действий, качеств, состояний, отношений и т.д.). Сочетаясь с различными определениями и сохраняя структурное единство, обобщённая и сжатая группа существительного может значительно расширить свои границы, служить для выражения сложного и разнообразного содержания. Развитие номинальных конструкций определяет ещё одна, собственно синтаксическая причина: слабая грамматическая связь (примыкание), возникающая в линейной конструкции с цепочкой несогласованных определений. Именно слабая синтаксическая связь является той структурной предпосылкой, на основе которой происходит как бы разрыв синтаксических объединений, в результате чего зависимая часть превращается в отдельную конструкцию: *Vi venire un hidalgo de portante*,

con su capa puesta, espada, calzas atacadas y botas; el cuello abierto, el sombrero de lado (Quevedo).

В современном испанском языке происходит расширение диапазона употребления номинальных структур. Теперь их можно встретить уже в различных жанрах художественной прозы. Широко представлены эти структуры и в поэтической речи.

Проведённый анализ показал, что испанские номинальные высказывания представляют собой многоплановое и сравнительно новое явление, объединяющее под одной рубрикой различные синтаксические образования. «Это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвистов, так как именно здесь подготавливаются те факты, которые потом функционируют в исторических грамматиках, иначе говоря, так как здесь мы присутствуем при эволюции языка» (Л.В.Щерба, 1958, с.35-36).

III. Сложно-синтаксические высказывания. В современной испанистике рассматриваются структурно-семантические типы сложного предложения. Среди наименее изученных синтаксических явлений остаётся соотношение 'подлежащее-сказуемое' с последующей его дифференциацией на два типа связей: 'подлежащее - глагольное сказуемое' и 'подлежащее – связка - предикатив'.

Описание соотношений между синтаксическими элементами сложного предложения, например, с придаточным предложением – подлежащим (ПП) подводит к решению целого ряда как теоретически, так и практически важных проблем синтаксиса, из которых прежде всего целесообразно выделить следующие:

1. Семантическая нагрузка составных частей рассматриваемого типа сложного предложения с позиции их информативного / семантически необходимого для данного высказывания / или неинформативного характера.

2. Коммуникативная и стилистическая функции семантической нагрузки компонентов комплекса.

3. Критерии дифференциации составных частей данного вида сложного предложения.

4. Зависимость лексико-грамматического типа сказуемого главного предложения от структурно-семантических особенностей ПП.

5. Выявление основных моделей сложного предложения с ПП в соотношении

'подлежащее – глагольное сказуемое' и 'подлежащее – связка - предикатив'.

6. Степень фиксированности места составных частей в различных моделях сложного предложения с ПП.

Анализ сложных предложений с ПП проводится в последнее время на материале художественной литературы испанских авторов XX века, а также современных латиноамериканских.

Сложным предложением именуется такое синтаксическое единство, в котором наблюдаются два или более предикативных ядра. Придаточное предложение определяется как часть сложного комплекса, обладающая собственным предикативным ядром, но зависящая от основной части комплекса таким образом, что сообщение, даваемое в придаточном, тесным образом связано с тем, которое даётся в главном. Эта связь исключает возможность выделения придаточного как самостоятельной по форме и законченной по содержанию синтаксической единицы.

Грамматическая традиция приравнивает придаточные к членам предложения. Такой подход характерен и для многих видных современных испанских языковедов [E.Alarcos Llorach, 1991, p.10; A.Alonso y Ureña, 2007, p.14; A.Badia Margarit, 1992, p.18; S.Fernandez Ramirez, 2004, p. 16-18; и др.]. Именно этот тезис является отправным моментом в настоящей работе, посвящённой синтаксису испанского языка (например, используется при классификации придаточных). Правда, характерное для традиционной испанистики сопоставление придаточных предложений с частями речи оценивается нами как неприемлемое.

Основной проблемой исследования испанского гипотаксиса является категория подлежащего. Основным критерий его выделения: подлежащее – тот грамматически независимый элемент в предложении, по отношению к которому определяется смысловое содержание предикативной части высказывания.

Суть проблемы сводится к тому, что ПП представляет собой такое придаточное, которое: 1) выполняет функцию подлежащего всего сложного предложения; 2) обладает собственным предикативным ядром; 3) исключает возможность употребления вводящего местоимения *el que* в качестве подлежащего ПП.

Обычно разграничение основных типов сложного предложения с ПП по глагольному

признаку сказуемого главного состава: «S es P» и «S → P» (K.Bühler) исходя из необходимости описания соотношений 'подлежащее – связка – предикатив' и 'подлежащее – глагольное – сказуемое'.

Противопоставление «S es S» и «S→P» вскрывает различие в предикации предложения с разнохарактерным соотношением компонентов. При этом внимание уделяется, главным образом, первому типу сложных предложений с ПП, т.е. связочным предложением с придаточным предложением-подлежащим.

В связочных предложениях подлежащее и предикатив не являются элементами тождества, однако, сопоставимы как части структурного равновесия элементов при копулятивном глаголе.

В различных источниках сложными предложениями с ПП именуются резко различающиеся между собой синтаксические модели: El que me ha pegado ha sido papa (R.Sender); El que sea linda es cosa de bien poco (R.del Valle-Inclán); Es necesario que usted cambia el ultimo acto (W.Fernández Flórez).

Критерии вычленения ПП в связочных предложениях в испанской грамматике отсутствуют. Вычленение ПП требует отграничения его от других видов придаточных, когда оба элемента при структурном равновесии (S es P) смещены вправо, либо меняются местами: Fue D. Antonio quien lo liberó (Í. Alvarez de Toledo); La barca es suya, y é les quien me metió en la arenture (V.Blasco Ibáñez).

Обнаружить семантическую несимметричность в плане соотношения «частное / общее» для выделения подлежащего и предикатива оказывается невозможным или недостаточным для отграничения ПП от придаточных предложений-сказуемых в сложном предложении.

Определение типа придаточного дополнительно осложняется в тех случаях, когда оба компонента структурного равновесия выражены придаточными предложениями: Entre los cuentos crueles, el que más impresiona siempre es el que se titular «Él secreto de la Iglesia» (R.Gómez de la Serna). Здесь изменение порядка следования элементов может вызвать в лучшем случае изменение речевого стиля, а трансформация упрощения может быть проведена двумя различными способами, дающими противоречивые результаты: ... el que más impresioná siempre el que se titular «El secreto» ...и ... más impresioná siempre el que se

titular «El secreto» ..., так что остаётся неясным, какой член был переведён в позиции предикатива [S.Fernández Ramirez, 2004, p.400-401].

Связочные сложные предложения с ПП различаются прежде всего структурой и характером семантики предиката La que me impresiona es tu conducta (ПП+Pn' ge Pn – именное сказуемое), Es preciso que me ayudes (P'n + ПП, причём P'n- безличный модальный оборот), а также предложения, в которых роль связки выполняет глагол estar. В этих предложениях чётко видна реализация валентности глагола ser, понимаемая как необходимая сочетаемость этого глагола с предикативом. Сочетание ser с предикативом сообщает высказыванию структурную и смысловую завершённость. Сочетание ser с подлежащим незафиксировано и невозможно в принципе, поскольку сам по себе факт наличия в предложении связки предполагает соотнесение той или иной характеристики исходному элементу, т.е. подлежащему [V.Garcia de Diego, 1992, p.321]. Таким образом, кратчайшей структурой с этим глаголом является его сочетание с предикативом, т.е. именное сказуемое. В эмфатически нейтральной структуре предикатив всегда располагается справа от глагола ser, что даёт возможность говорить о правой атрибутивной валентности этого глагола.

В случае структурного равновесия элементов в эмфатически нейтральном связочном предложении предикативом будет являться тот элемент, который находится справа. В подобном предложении возможен только один вариант модели сложного предложения с ПП: ПП + Cop + PA (Cop.-связка, PA-предикатив-атрибут, сообщающий подлежащему характеристику). Порядок следования элементов в данной модели не фиксирован, запись условна в порядке его отражения, т.е. El que me lo dice Juan может быть записано как És Juan el que me lo dice, так что единственным ограничением свободного следования элементов является обязательное наличие хотя бы одного из двух справа от глагола ser [José Pedro Rona, 2002, p.194-195].

В случае следования обоих элементов справа от глагола ser (Cop+PA+ПП) придаточное обязательно является подлежащим, если исключается обладание категорией предметности элементом, ближайшим справа от связки. Придаточное, следующее за этим элементом, не может

выполнять никакой иной функции кроме функции подлежащего, иначе при изъятии глагола *ser* сочетание предикатива с придаточным не меняло бы характера, т.е. эта конструкция представляла бы собой неопредикативную синтагму и её члены соотносились бы как определяемое и определяющее, что неверно: *Era falso*) (*lo que declaraba ensu carte al dean (J.Valera), но не Era*) (*falso lo que declaraba en su carte al dean*. Итак, определение подлежащего характера придаточного строится на выявлении предикатива [A.Llorente Maldonada, 1995, p.398].

Предложения вида *Pn+ПП* (*Es preciso que me ayudes*) отличны от модели *ПП+Cor+PA*. При учёте обязательной правой атрибутивной валентности глагола *ser* сделан вывод о том, что второй элемент в безличном обороте – предикатив. Однако функция придаточного, следующего за таким именным сказуемым, требует уточнения. Это не придаточное дополнительное, так как характер копулятивного *ser* не сопоставим с понятием переходности либо непереходности. Оно не выполняет никакой иной функции, отличной от функции подлежащего, так как при изъятии связки в остатке не получится двучленной структуры, члены которой соотносились бы как определяющее и определяемое. Значит, эти элементы соотносятся через глагол *ser*. Элемент, ближайший справа от связки – предикатив. Следовательно, придаточное – подлежащее. В практическом анализе *ПП* в этих предложениях различимы, если учесть возможность уподобления их функции – функциям подлежащего в простом предложении: *Es preciso que me ayudes* → *Esto es preciso*.

Главное отличие этих предложений от предложений 1-ой модели в том, что в них *ПП* – всегда выразитель невещественного понятия, а в предложениях I-ой модели это понятие вещественно. *ПП* в I-ой модели вводится местоимениями *el que*, *la que*, *lo que*. Предикатив в данных предложениях – выразитель качества в области абстрактных понятий. Здесь *Pn* можно обозначить как *Cor III s + M*, где *M*-модификатор (термин заимствован из традиционной испанистики), обозначающий именную часть безличных модальных оборотов, а *CorIII s* – связка в форме 3-его лица единственного числа.

2-ая модель связочных предложений – *CorIII+s+M+ПП*, порядок следования элементов в которой относительно фиксирован,

т.е. его изменение всегда связано с эмфазой. В конструкции *CorIII s +M* валентность *ser* реализована. Вся же конструкция в целом обладает подлежащей валентностью, так как во второй модели *ПП* нередко является либо носителем «нового», либо приобретает коммуникативную ценность в связи с даваемой ему оценкой.

Предложения 2-ой модели не следует смешивать со сложными предложениями с придаточным предложением-сказуемым, имеющими с ними весьма близкие внешнее сходство: *Lo extraño era que nada de esto se le habe ocurrido antes (V.Blasco Ibañez)*. Конструкция «*es que+придаточное*» является синтаксическим средством эмфатического выделения содержательной части, которая переходит в позицию предикатива. Эмфаза усилена такими элементами, как *lo importante*, *la verdad* и т.д. Признак здесь опредмечен, вынесение этих элементов влево от связки нормативно и свидетельствует об их частном значении.

Эмфаза предложения нередко комбинируется с эмфатической альтерацией порядка следования элементов, т.е. подлежащее может интеркалироваться между связкой и придаточным предложением-сказуемым, не утрачивая при этом своей функции: *Es lo cierto que yo tuve el presentimiento (R.del Valle-Inclán)*.

В модели *ПП+Cor+PA* расположение обоих компонентов справа от глагола-связки не подчинено целям чётко представленного эмфатического характера.

Расположение элементов относительно связки в этой модели способно придать характер «данного» или «нового» тому или иному элементу.

В I-ой модели элементы структурного равновесия могут меняться местами, т.е. влево выносятся предикатив, вправо – *ПП*: *Una porrado es lo que están necesitando! (L.Alvarez de Toledo)*. Однако здесь имеет место сильная эмфаза; при перемене мест подлежащим и предикативом произойдёт нейтрализация стилистических акцентов. Вынесение предикатива влево в этих случаях преследует цель соотношения акцента «новому», заключённому в предикативе, в плане противопоставления его другому элементу в тексте.

При внешней эмфазе предложение обладает информативными и неинформативными компонентами: *El que va con é les algún maestro de espade (E.Larreta)*. К I-ым здесь относится предикатив и *ПП* (без

вводящего слова), ко вторым - связка и вводящее слово в ПП. Из такого предложения легко изымаются неинформативные компоненты. Трансформ сравнивается с исходным предложением, и становится ясным, какой элемент простого предложения подвергся внешней эмфазе, а следовательно, перешёл в позицию предикатива. Если предикатив известен, можно легко обнаружить ПП. Этот приём удобен для разбора предложения с комбинацией внешней эмфазы и внутренней: *Allí era donde estaba allí*, - значит, придаточное – ПП. Все неинформативные структуры относятся к I-ой модели 1-го типа сложных с ПП.

Итак, ПП в связочных предложениях вычленимо, если найден предикатив, который можно обнаружить при помощи следующих факторов:

1. Учёт соотношения «частное / общее».
2. Учёт соотношения «данное / новое».
3. Учёт сочетаемости 'Cоп+Pa+(M)' - возможность изъятия ПП без разрушения структуры остатка.
4. Учёт соотнесённости подлежащего с предикативом через связку (невозможность изъятия связки без разрушения структуры).
5. Учёт правой атрибутивной валентности глагола *ser* в эмфатически нейтральных предложениях.
6. Учёт внутренней эмфазы (перестановка элементов относительно глагола – связка.).
7. Учёт внешней эмфазы (выделяемый элемент переходит в позицию предикатива).

Для особого вида связи между ПП и главным составом характерно то, что по отношению к последнему ПП не обнаруживает чётких признаков подчинённости. Главный состав не является также вполне независимой единицей, особенно при структурном равновесии с внешней эмфазой. Смысловая связь между ПП и главным составом обозначена как взаимообусловленность, а синтаксическая – как взаимное подчинение.

Анализ предложений с *hay* в качестве сказуемого с позиции критического отношения к традиционной трактовке функциональных связей в таких предложениях подводит к выводу о том, что элемент справа от *hay* является подлежащим, выступает в качестве копулятивного в некоторых региональных латиноамериканских вариантах испанского

языка, и в этом плане он может быть сопоставлен с *ser* и *estar* в качестве копулятивных. *Haber (hay)* сопоставим с *ser* и *estar* как значимыми глаголами, обозначающими существование или местонахождение, так как выражает идею наличия. Придаточные при таких глаголах разнятся новизной сообщаемого факта («новое» в придаточном при *hay*). Так же как и *ser*, *hay* обладает обязательной правой валентностью, однако, это подлежащая валентность в отличие от атрибутивной валентности *ser*. Расположение символов в модели *hay*+ПП отражает жёстко фиксированный порядок следования элементов.

Сопоставление конструкций *lo es* и *lo hay* приводит к выводу о том, что в предложении типа *Los hay quienes dicen esto* ПП утрачивает значение «нового».

Выделяются сложные предложения с ПП и полнозначным глаголом – сказуемым. Основным критерием «узнавания» ПП в таких предложениях явилось понятие подлежащего как элемента структуры предложения, по отношению к которому определяется содержание высказывания.

К смешанному типу относятся сложные предложения с ПП и значимым глаголом-сказуемым, обладающим признаками копулятивности. В предложениях смешанного типа 1-го порядка в состав сказуемого включён глагол *ser*: *El que va a ser sacerdote, debe ser humilde, pacífico (J.Valera)*. В составе сказуемых предложений 2-го порядка имеются глаголы с модальным значением, сближающиеся по функции с глаголом *ser*: *Resultaba extraño que accediese a hacerlo delante de Roberto (J.Arcocha)*; *Le pareció extraño que una muchacha fumara cigarillos fuertes (J.Arcocha)*.

Модель предложений 1-го порядка смешанного типа – ПП+М (Cоп+PA), где М (Cоп+PA) выражает модальное атрибутивное.

Для выведения моделей 2-го порядка большое значение имеет вещественный / невещественный характер референта ПП:

- 1) Pvn (Vsign→Cоп)+PA+ППвещ. – parece imposible lo que has hecho;
- 2) Pvn (Vsign→CопIIIs)+M+ППневещ. – parece imposible que lo hayas hecho.

В итоге в испанском синтаксисе систематизированы элементарные структуры сложного предложения с ПП (*El que busca halla*) и установлено, что они имеют абстрактный характер и приближаются к типу условных (*Si buscas hallas*). Им противопоставлены все

протяжённые структуры, в которых соотношение 'условие / следствие' отсутствует. В плане абстрактности / конкретности с элементарными структурами соприкасаются предложения 2-ой модели 1-го типа (CопШs+M+ПП) как обладающие абстрактной атрибуцией и конкретным ПП, а с последними соприкасаются протяжённые структуры 1-го и 2-го типов, обладающие конкретным ПП и конкретным главным составом.

Отдельную группу составляют сложные предложения с ПП и сказуемым, выраженным глаголами *ocurrir, suceder* и т.д. Выяснено, что утрата характера процессуальности этими глаголами и преобладание презентативного характера предикации в сочетании с новизной информации, заключённой в придаточных предложениях, исключает отнесение их к ПП [Luis Juan Piccardo, 1992, p.324-325].

Среди предложений 2-го типа выделяется группа, характеризующаяся модальными свойствами глаголов-сказуемых типа *extrañar, precisar*. Установлено, что часть таких предложений имеет дублетную форму в 1-ом типе: *Me extraña que haya venido – Es extraño que haya venido*.

С моделью *Нау+ПП* сопряжена группа сложных предложений с ПП и глаголом наличия в качестве сказуемого: *baster, faltar, quedar, sobrar, abundar, etc. и estar*. На примере замены *hay – no faltar, no faltar – hay, no hay – faltar, faltar – no hay* показано, что синонимическое выражение идеи наличия обуславливается в значительной степени модальным характером высказывания – с одной стороны, и характером предиктируемого ПП в плане оппозиций с 'одушевлённость / неодушевлённость' и 'вещественность / невещественность' – с другой. В предложениях типа *No bastaba con que yo lo creyera* (R.Sender) употребление *con* выполняет не синтаксическую задачу, а лексическую: привносит оттенок частичного охвата объёма значения, выраженного в ПП. В этом смысле *con* приближается по функции к усилительным частицам типа *solamente*.

При рассмотрении так называемых «субстантивированных» ПП (*Ahora era como un castigo el que el llanto se me hubiera acasado – C.Laforet*) оказалось, что неверно полагать, будто «субстантивация» сообщает предметность придаточному предложению-подлежащему: она служит целям превращения содержания ПП в рему, т.е. весь объём его информации становится «данным».

Некоторые вводящие слова программируют отдельные характеристики референта ПП: 'вещественность / невещественность', 'одушевлённость / неодушевлённость'. ПП, вводимые союзом *que*, всегда невещественны, что автоматически исключает их из сферы оппозиции 'одушевлённость / неодушевлённость'.

Вводящее слово, представленное местоимениями *lo que, el que [los que], la que (las que), quien (quienes)*, всегда программирует вещественный характер референта ПП. В зависимости от того, каким из этих местоимений вводится ПП, можно судить об одушевлённости / неодушевлённости его референта. *Lo que* почти исключительно соответствует неодушевлённому референту ПП. Местоимения *el que (los que), la que (las que)* соответствуют как одушевлённому, так и неодушевлённому референту ПП. Местоимения *quien (quienes)* программируют только одушевлённость референта ПП.

Итак, сложное предложение с ПП представляет собой двусоставную синтаксическую единицу, в которой подлежащее обладает собственной предикативностью и выражено придаточным предложением.

Все сложные предложения с ПП подразделяются на два класса: предложения, в которых ПП атрибутируют определённые характеристики, и предложения, для которых характерно предиктирование в виде действия, состояния, наличия и т.п. В зависимости от этого все данные синтаксические единицы исчерпываются двумя основными типами: 1-ый тип – связочные предложения; 2-ой тип – предложения со значимым глаголом в качестве сказуемого. Выделяется также смешанный тип с двойственным характером сказуемого главного состава: приближаясь семантически и формально к связочному характеру предикации 1-го типа, оно по семантическим признакам глагола-сказуемого тесно соприкасается с предикацией 2-го типа.

Разработаны приёмы отграничения ПП от иных придаточных в связочных предложениях, сходных с изучаемым синтаксическим комплексом, и отнесения придаточных к ПП в различных рядах связочных предложений. Установлены критерии разграничения ПП и предикатива в эмфатически нейтральных предложениях, которые представляют собой учёт следующих факторов: соотношение 'частное / общее' и 'данное / новое', а также правой атрибутивной валентности глагола *ser*.

В таких предложениях результаты грамматического членения оказываются, как правило, адекватными результатам актуального членения.

В предложениях, представляющих результат внешней эмфазы (выделение элемента в исходном простом предложении), учитывается переход выделяемого элемента в позицию предикатива.

В предложениях с внутренней эмфазой (перестановка элементов относительно связи по сравнению с эмфатически нейтральной конструкцией) учитывается формальное отклонение от положения с правой атрибутивной валентностью глагола *ser*.

Для всех связочных предложений важна возможность выделения именного сказуемого (Cоп+РА), т.е. возможность изъятия ПП без нарушения структуры остатка.

На основании разделения ПП по признаку 'вещественность / невещественность' референта (в зависимости от того, выражен ли факт, отражённый в ПП, сквозь призму предметного понятия или сквозь призму действия) выделяются две модели 1-го типа: ПП+Cоп+РА и CопPPs+M+ПП. В этих моделях чётко просматриваются различия в характере атрибуирования ПП присущих ему характеристик: неограниченный в 1-ой модели и лимитированный – во 2-ой.

Установлено, что порядок следования элементов в 1-ой модели не фиксирован, т.е. справа от связи может находиться не один элемент, а оба, причём без выраженного эффекта эмфатического порядка. Только перемена мест относительно связи ведёт к эмфазе. В 2-ой модели любое отклонение от зафиксированного в ней порядка следования элементов приводит к эмфазе. К этим моделям условно подключается модель Hay+ПП на основании того, что её выделение связано с необходимостью сравнения и сопоставления валентных связей глаголов *ser* и *haber* (hay). Порядок следования элементов в этой модели жёстко фиксирован. При её выделении производится анализ глагола *haber* (hay) как такового, поскольку в традиционной грамматике существует устоявшееся мнение, согласно которому этот глагол является безличным в том плане, что элемент, присоединяемый им, не является подлежащим.

Для сложных предложений с ПП смешенного типа выводятся два вида моделей 1-го и 2-го порядка: 1) ПП+М (Cоп+РА); 2a (Pvn sign - Cоп)+РА+ППвещ.; 2б (P vn)Vnign →CопPPs+M+ППневещ.

18

Среди сложных предложений 2-го типа выделяются такие, в которых глагол-сказуемое выражает идею наличия процессуальности, является модельным и безличным.

В целом же, испанские грамматисты толкуют любой глагольный тип по основному категориальному признаку глагола, а именно по его семасиологическому свойству передавать значение действия. Так, Амадо Алонсо и П.Энрикес Уренья [A.Alonso у P.H.Ureña, 2007, p.102], исходя из идей о логических понятиях и их отношении к действительности, определяют глаголы как «такие формы языка, при помощи которых реальность (действительность) мыслится нами как поведение подлежащего (субъекта)» и дальше: «Роль глагола в предложении – быть ядром сказуемого, так как к нему прямо или косвенно относятся все дополнения».

IV. Некоторые итоги изучения грамматики испанского языка. Исходя из вышесказанного, традиционно исследуется следующая теоретическая и прикладная проблематика. Рассматривается классификация словосочетаний, и систематизируются основные типы сочетаний, изучаемые синтаксисом. Сочетания подразделяются на свободные (*esta libro – mi libro* «эта книга – моя книга») и несвободные (*hacer caso de algo* – «обращать внимание на кого-то или на что-то» - сочетание слов не совпадает по смыслу с отдельными словами, входящими в словосочетание). Синтаксис изучает только свободные словосочетания, подразделяемые на подчинительные и сочинительные. В сочинительных словосочетаниях элементы выполняются однородными членами. Наиболее распространёнными в испанском языке являются подчинительные словосочетания, основанные на согласовании, управлении или примыкании [J.A.Pérez-Rioja, 1990, p.204].

Тип подчинительного словосочетания определяется лексико-грамматической природой ведущего, подчиняющего компонента. Ведущими компонентами в испанском языке могут быть существительное, прилагательное, местоимение, глагол и наречие, что позволяет различать следующие типы подчинительных словосочетаний:

1) именные (субстантивные) словосочетания, например: *Era este el menor de los hijos de don Sebastián y se educado on Caracas* [= Он был младшим из сыновей дона Себастьяна и воспитывался в Каракасе]; тип связи между компонентами – согласование;

2) адъективные словосочетания, например: Algo calmado me recuesto en mi hamaca [= «Немного успокоившись, я снова устроился в своём гамаке»]; ведущие компоненты – прилагательное или причастие;

3) местоимённые (прониминальные) словосочетания, например: Ninguno de los dos pronuncio una palabra [«Никто из двоих не произнёс ни одного слова»];

4) глагольные (вербальные) словосочетания, например: Saltando de contento, Esteban aplandia tambien [«Подпрыгивая от удовольствия, Эстебан тоже аплодировала»]; тип связи - управление или примыкание;

5) адвербиальные (наречные) словосочетания, например: Jo hice muy bien las cosas – se habia dicho este [«Я сделал очень хорошо», - сказал тот] [Rafael Seco, 1990, p.400].

Предлагается следующая классификация предложений современного испанского языка:

1) по цели высказывания, по коммуникативной направленности предложения делятся на повествовательные, вопросительные, побудительные, десидеративные, восклицательные;

2) в зависимости от структуры предложения делятся на простые и сложные; среди простых предложений, в свою очередь, различаются односоставные и двусоставные, распространённые и нераспространённые, полные и эллиптические;

3) по характеру выражаемого в них отношения к действительности различаются предложения утвердительные и отрицательные [J.Roca Pons, 1968, p.244].

При анализе простого предложения испанского языка рассматриваются главные и второстепенные члены предложения. По поводу специфики организации простого предложения испанского языка приводятся такие соображения:

1) обстоятельственные детерминативы, относящиеся не к сказуемому непосредственно как обстоятельства образа действия, а ко всему содержанию предложения, практически могут занимать любое место по отношению к предикативному ядру предложения. Например: Aquello terminó a los pocos mese – [«Это закончилось в несколько месяцев»] или Sin Hacer alto ni una so la vez, llegamos a ‘ bequil [«Не делая ни единой остановки, прибываем в Текил »];

2) место членов предложения определяется смыслом высказывания, законами

актуального членения высказывания, законами организации текста;

3) предикативному ядру предложения может предшествовать лишь один необособленный детерминант (одно дополнение, выраженное существительным, или одно обстоятельство);

4) члены предложения, связанные между собой отношениями подчинения, располагаются в непосредственной близости друг к другу по законам формирования словосочетания.

Одно из типичных толкований сложного предложения следующее: «Сложное предложение – это синтаксическая структура, которая имеет два или более предикативных центра и характеризуется интонационным, структурным и смысловым единством» [Ю.А.Смычковская, 1979, с.137]. При этом подчёркивается, что сложное предложение строится из предикативных единиц, подобных (но не аналогичных!) простым предложениям, связанных по смыслу и объединённых структурно по определённой схеме [Rafael Seco, 1990, p.61-62].

Характерной особенностью испанского языка является наличие целого ряда структур, занимающих промежуточное положение между простыми и сложными предложениями. Это предложения, в состав которых входят абсолютные обороты с неличными формами глагола: инфинитивом, причастием, герундием, например, конструкция с абсолютным причастным оборотом: Hecho el emuncio con la formalidad debida, la discreta Autoñona se zetiro de la sala [= «Сделав объявление с соответствующими формальностями, благоразумная Антоньона вышла из комнаты»]. Формально эта структура может рассматриваться как простое предложение с абсолютным оборотом в функции обстоятельства времени. Однако наличие самостоятельного предикативного центра P-S позволяет рассматривать первую часть этого сложного целого как «свёрнутое» придаточное предложение времени, а всю структуру – как сложноподчинённое предложение.

В основу общей классификации сложных предложений включаются предложения союзные / бессоюзные и сложносочинённые / сложноподчинённые. Далее следуют все типы сложноподчинённых предложений с различными придаточными (причины, времени, условия и т.д.) [E.Alarcos LLorach, 1991, p.92-93; S Fernández Ramírez, 2004, p.184].

В испанистике активно развивается грамматическая стилистика [Amado Alonso, 1994, p.181].

Общие основы грамматической стилистики современного испанского языка подтверждают правомерность функционального подхода к исследованию языковых явлений. Признавая основной задачей грамматической стилистики изучение экспрессивных и функциональных возможностей единиц грамматического уровня, особо подчеркивается необходимость изучения стилистических ресурсов морфологии (и словообразовательных средств, и категориальных грамматических форм), которая в этом аспекте исследована значительно меньше, чем синтаксис.

Значение грамматической формы разлагается на два элемента: денотативное значение (её собственно грамматическое значение) и коннотативное (осложнённость формы любым видом стилистической информации). В соответствии с парадигматическим и синтагматическим аспектами различается стилистическое значение морфологической единицы – постоянной величины парадигматического плана (экспрессивно-эмоциональная, оценочная, функционально-стилевая и нормативная окраска элемента) и стилистическая значимость морфологической единицы, которая рождается в речи и является переменной величиной синтагматического плана (например, социальная, композиционная, эстетическая, ненормативная функции).

Стилистические свойства словообразовательных средств и грамматических форм неодинаковы – в отличие от первых вторые в составе структуры стилистического значения могут иметь лишь одну окраску, а именно функционально-стилевую (так, глагольные формы простого и сложного будущего сослагательного наклонения – «fuere, hubiere, sido» чётко закреплены за официально-деловым стилем; форма претерито антериор – *hubo sido* - за стилем художественной литературы). Отмечается специфичность и стилистического значения, и стилистической значимости для каждого конкретного языка.

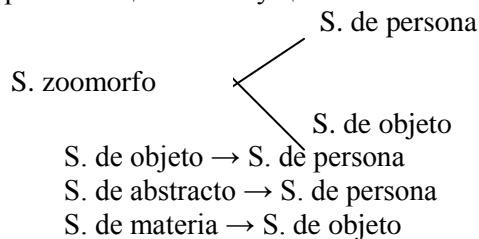
Постулируется наличие у грамматических форм (в частности, у временных с их морфологической выраженностью) основных (первичных) и частных (вторичных) значений. Основное значение устанавливается на базе системы оппозиций по дифференциальным

семантическим признакам внутри данной грамматической категории, оно является непереносным, независимым от контекста значением. Частные значения - контекстуально обусловленные варианты основного значения формы. Частные значения чётко разграничиваются на так называемые семантически сдвинутые (переносные, метафорические) значения как результат противоречия грамматического значения формы значению контекста (форма имеет значение настоящего времени, а контекст указывает на события в прошлом) и структурно (конструктивно) сдвинутые (при нарушении «*consecutio temporum*»).

В связи с вышесказанным важной считается синтаксическая (структурная) обусловленность значений грамматических форм, лексическая и территориальная обусловленность частных значений грамматических форм, вопросы языковой, литературной, стилистической норм, вопросы грамматической синонимии, при этом грамматические синонимы определяются по принципу сходства грамматических значений и структурной близости сопоставляемых единиц. Целесообразным представляется разделение грамматических синонимов на синтаксические и морфологические. При этом, последние характеризуются как разные, но одноуровневые формы, сближающиеся по своему денотативному значению и расходящиеся по коннотативному. Метод исследования подобного материала – семантико-стилистический [Amado Alonso, 1994, p.10-11].

Если объектом исследования избираются стилистические возможности имени существительного, то такой анализ открывается рассмотрением транспозиции лексико-грамматических рядов как одного из наиболее продуктивных стилистических средств, ведущих к возникновению как эмоционально-экспрессивных окрасок, так и функциональных характеристик (транспозиция понимается как употребление языкового знака в нетипичной для него функции).

В качестве наиболее типичных выделяются, например, такие модели транспозиции имён существительных:

(S. zoomorfo – зооморфизмы, зоосемы; S. de persona – существительные, обозначающие название лица; S. de objeto – предметные существительные; S. abstracto – абстрактные; S. de materia – вещественные существительные).

Стилистические возможности категории рода используются в приеме метафорической персонификации при образном олицетворении, для создания грамматической метафоры (при определённой транспозиции родовых форм), как средство выражения функционально-стилистических и экспрессивно-оценочных оттенков.

При описании стилистического употребления категории числа указывается, обычно, на следующие случаи повышения экспрессивности высказывания: использование формы единственного числа со значением обобщённости, собирательности; использование единственного числа имён существительных с конкретным значением для обозначения множественности; использование во множественном числе существительных с вещественным значением; реализация в форме множественного числа ряда собирательных существительных (*gente-gentes* «люди», *dinero-dineros* «деньги») и др. Особо отмечается многообразие коннотативных значений артиклевых форм [Н.М.Фирсова, 1984, с.124].

При исследовании стилистических возможностей временных форм глагола (прежде всего системы индикатива) показывается, что наиболее нейтральными (неэкспрессивными) являются основные значения (виды) глагольных форм: настоящее момента речи, расширенное обобщающее будущее простое; претерит точечный, пресечённый; описательно-повествовательный имперфект; перфект точечный, пресечённый (данной формам присущи некоторые функциональные характеристики); контактный, дистантный плюсквамперфект; будущее сложное временное, модальное (эти формы также характеризуются одним – двумя стилистическими признаками).

Все остальные частные значения глагольных форм описываются с точки зрения наличия у них пяти основных стилистических оттенков: эмоционально-экспрессивного, функционального, социального (возвышенного / сниженного), нормативного, ненормативного.

При выведении типологии коннотативных значений грамматических форм устанавливаются три типа коннотации: экспрессивный, эстетический (зависит от той роли, которую играет данная форма в

эвфонической организации текста), функциональный (прикреплённость к определённым функциональным стилям).

Соответственно в экспрессивном типе коннотации различаются пять видов: собственно экспрессивный (суффиксы субъективной оценки; при переносе формы – Ср.: *Oye, loca! Qué tonta tú eres!* (по отношению к мужчине) и др.); композиционный (перестановка последовательности временных планов; выдвижение некоторых употреблений временных форм; и др.); диспозиционный (в повторах-цепочках; в использовании «синонимических стыков»; и др.); трансплантированный (преднамеренное перенесение грамматической формы из одного хронологического пласта или функционального стиля в другой); характерологический (для речевой характеристики героя).

В итоге грамматико-стилистического изучения испанского языка подчеркивается большой стилистический потенциал морфологии и указывается ряд практических выводов, имеющих общезыковое значение. Так, к примеру, указывается, что количественный анализ позволяет вносить уточнения в понимание стилистической дистрибуции и функционального распределения временных форм. В частности, установлено, что на современном этапе развития испанского языка плюсквамперфект чаще встречается не в придаточных предложениях, как утверждают многие грамматик, а в независимых сложносочинённых и главных предложениях сложноподчинённых целых.

Прослеживается рост употребления некоторых глагольных перифраз, а также сокращение сфер использования ряда временных форм.

Выделяется распространённостью форма претерита индефинито (особенно в разговорной речи и газетной информационной хронике).

Наполняется новым модальным содержанием форма будущего сложного.

Отмечается, что система времён становится всё более синтаксически независимой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушуй Т.А. Фразеология в русско-испанском словаре // Актуальные вопросы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков в вузе. – Самарканд: СамГУ, 1988. – С.74-75
2. Бушуй Т.А. Фразеографические основы современной контрастивной лексикографии // Общелингвистические проблемы романских и германских языков. – Самарканд: СамГУ, 1992. – С. 158-164
3. Васильева-Шведе О.К. и Степанов Г.В. Грамматика испанского языка. – М.: Высшая школа, 1963.
4. Васильева-Шведе О.К. и Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. – М.: Высшая школа, 1972. – 342с.
5. Реферовская Е.А. Синтаксис современного французского языка. – Л.: Наука, 1969. – 420с.
6. Рылов Ю.А. Синтаксические связи слов в испанском предложении. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985. – 187с.
7. Смычковская Ю.А. Синтаксис современного испанского языка. – Киев: Вища школа, 1979. – 190с.
8. Соссюр де Ф. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1990. – 280с.
9. Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка: Имя существительное. Глагол. – М.: Высшая школа, 1984. – 272с.
10. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. – М.: 1973. – С. 460-466
11. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонотике, Т. I.- Л.: ЛГУ, 1958. – 183с.
12. Alarcos Llorach E. Gramática structural. – Madrid: 1991. – 498 p.
13. Alonso A. y Ureña P.H. Gramática castellana. Segundo curso. Decimosexta edición. – Buenos Aires, 2007. – 448 p.
14. amado Alonso. Estilística y gramática del artículo en español // Estudios lingüísticos. Temas españoles. – Madrid: 1994. – 480 p.
15. Badia Margarit A. Gramática catalana. [Biblioteca románica hispanica]. I-II. – Madrid: 1992. – T.I – 440 p.; T. II – 502 p.
16. Coseriu E. Logicismo y antilogicismo en la gramática // Teoría del lenguaje y lingüística general. – Madrid: 1962. – P. 235-260
17. Criado de Val M. Gramática española y comentario de textos. – Madrid: 1999.
18. Fernández Ramírez S. Gramática española. – Madrid: 2004. – 640 p.
19. Fries Ch.C. The structure of English. – New York: 1952. – 368 p.
20. García de Diego V. Gramática histórica española. – Madrid: 1992. – 470 p.
21. Gili y Gaya S. Curso superior de sintaxis española. – Barselona, 1991. – 454 p.
22. José Pedro Rona. Sobre sintaxis de los verbos impersonales en el español americano [Estratto da "Romania" Scritti offerti a Francesco Piccolo]. – Napoli, 2002. – 568 p.
23. Llorente Maldonado A. Morfología y Sintaxis. El problema de la division de la gramática. – Granada: 1995. – 440 p.
24. Luis Juan Piccardo. Estudios gramaticales. – Montevideo: 1992. – 480 p.
25. Pérez-Rioja J.A. Gramática de la lengua española. 3a ed. corregida y aumentada. – Madrid: 1990. – 388 p.
26. Rafael Seco. Manual de gramática española. 4 a ed. –Madrid: 1990.– 494 p.
27. Roca Pons J. Introducción a la gramática. – T II. – Habana: 1968.- 384p.
28. Rosenblat A. El pensamiento gramatical de Bello. – Caracas: 1991.–499 p.
29. Rosenblat A. El criterio de corrección lingüística. Unidad o pluralidad de normas en el español de España y América. – Bogotá: 1997. – 410 p.
30. Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. – Paris: Éditions Klincksieca, 1976. – 674 p.

Т.Бушуй., Ш.Сафаров. Замонавий испанистикани ўрганиш тарихига доир (тилнинг синтактик стаќи). Маъллада испанистика соќасида тилнинг синтактик латламини ўрганиш

(синтактик лъурилмаларда сўзларнинг бирикиши, номинал синтактик ва мураккаб синтактик тузилмалар) бўйича эришилган асосий натижалар умумлаштирилган.

T. Bushuy, Sh. Safarov. On the history of studying Spanish (syntactical level of the language). The article summarizes main results of Spanistics in studying syntactic level of the language (combination of words in syntactic structures, nominal and complex syntactic structures).

А.Бушуй

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СТРУКТУРНОЙ СЕГМЕНТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Известно, что язык представляет собой систему, в которой функционирование отдельных языковых единиц и их взаимодействие находит, естественно, своё определённое место. Эта проблема представляет интерес в ракурсе формирования нормы синтаксического уровня французского языка. При этом здесь важен учёт следующей общей установки: «Практически важнее всего установить отношения между подклассами внутри каждого из главных классов, а иногда отдельными членами каждого подкласса. Эта задача решается описанием позиции. Каждая позиция есть не что иное, как часть общей дистрибуции данного класса или элемента» [Ю.Степанов, 1965, с.15]. Исходя из вышесказанного, системно-функциональный анализ позволяет решать такие лингвистические задачи как:

1) лексико-грамматическая: различные системные представления современного французского языка; вычленение синтаксических семантически маркированных конструкций как подсистемы специально определяемого порядка и разработка её соответствующих системно организуемых членений (с общим выходом на периодизацию современного французского языка);

2) статистическая: определение объема репрезентативной выборки синтаксических конструкций и установление у них базовой формы ряда значений целевого признака; разработка способов группировки значений связываемых признаков с учётом решения соответствующих лексико-грамматических задач; выбор методов фиксации существенных связей между отдельными признаками и поиск критериев их релевантности.

Решение указанных задач осуществляется во взаимосвязи на основании использования принципов системного подхода к рассматриваемому семантико-синтаксическому явлению, получившего в романистике

следующее теоретическое обобщение: «Грамматическое описание имеет целью выявить грамматическую систему в языке. Такое описание требует, следуя Ф.де Соссюру, различения значимостей (valeurs), образующих систему, и значений (sens), возникающих в речи в сложных и разнообразных условиях контекста. Под многообразием фактов речи, - иногда внешне противоречивых, практически не имеющих границ, - лингвист ищет инвариантную систему языка. Значения форм, обусловленные контекстом, рассматриваются как варианты структурных значимостей» [Л.И.Илья, 1970, с.8].

В современном французском языке можно выделить ряд синтаксических конструкций, которые при довольно широкой распространённости (особенно в устной разговорной речи) до сих пор всё ещё не закреплены в литературной норме: *La suite, vous allez voir* [BMC]. *Immortelle la petite crapule* [ibid.]. *Métamorphosée, crèmerie* [ibid.]. *Un mot sec, il bafouille* [ibid.]. *Un homme très intelligent, commandant* [MB]. *Princhard, il s'appelait, ce professeur* [CVBN]. *Fortune elle se mit à faire en quelques mois* [ibid.]. Для их толкования необходимо исходить из того, что в XVI веке порядок слов французского предложения становится из свободного фиксированным. Так, Л.Теньер [L.Tesnière, 1976, p.147-148] в связи с этим замечает: «Можно сказать, что во французском языке нормальный порядок слов, тот, который действует в современном языке, является центробежным, поскольку говорят *un livre rouge, un chien intelligent*, в то время как совершенно немыслимо сказать *un rouge livre, un intelligent chien*». Поэтому с этого времени нельзя выносить в начало фразы любой член предложения в целях подчёркивания его смысловой значимости. Так, оказывается невозможным выносить в начальное положение дополнение и сказуемое, без того чтобы оставшаяся часть предложения оказалась

перестроенной. В языке получают развитие другие способы выделения. Скажем, чтобы выделить прямое дополнение, используется презентативный оборот *c'est ... que*. Другое средство заключается в вынесении прямого дополнения в начальный сегмент и повторении его в глагольной части в форме местоимения: *Des histoires, j'en ai cent, j'en ai mille, ... vécues, saignantes, vibrantes ...* [BMC].

Конечно, разговорный язык идёт дальше в поисках более экспрессивных способов выражения. Это проявляется в практике возврата к разного рода перестановкам во фразе, что связано с общей тенденцией французского языка к дислокации [Ch.Bally, 1951, с.283; G.Le Bidois, 1967, с.915-920; W.Wartburg, P.Zumthor, 1997, с.1223-1238]. В частности, подобные тенденции в разговорном синтаксисе ведут к возникновению всевозможных «сегментированных построений», на что обращает внимание Н.А.Шигаревская [1977, с.21]: «Широкое распространение получают в современном диалоге и внутренней речи персонажей так называемые сегментированные или расчленённые построения. Сегментированные построения состоят как бы из двух неравных по объёму частей – предикативной группы (подлежащее и сказуемое), составляющей полносоставное законченное предложение, и сегмента, представляющего обычно один из членов предложения, чаще нераспространённый. В сегмент выносятся все именные члены предложения за исключением определения, выраженного прилагательным, и обстоятельства образа действия и времени, ибо они не имеют соотносимых с ними заместителей-местоимений».

Деривационно активны здесь прежде всего те конструкции, в которых начальное положение занимает дополнение, а в предикативной группе нет репрезы: *Un mot sec, il bafouille* [BMC, p.45]. *Jules Vallès, tu connais?* [AP, p.398]. *Ca j'ai bien distingué ...* [BMC, p.78]. *La suite, vous allez voir* [ibid., p.51]. *Dix kilos de lard ..., ca représentait* [ibid., p.253]. В указанных случаях дополнение может быть выражено как существительным, так и местоимением (обычно ударенными *ça, cela*). Фразы этого типа Шарль Балли называет экстрапросторечными и предлагает их отграничивать от синтаксических конструкций с идентичным порядком архаической разновидности: *Le cerf il dépeça* [Ch.Bally, 1951, p.35].

Что касается лексического наполнения сказуемого, то зачастую здесь используется глагол *savoir*, но отмечаются также ещё и глаголы *connaitre, croire, dire, distinguer, voir*. Как видно, это наиболее употребительные глаголы. Поэтому Жорж и Робер Ле Бидуа [G.et R. Le Bidois, 1967] замечают, что семантическим центром в этих конструкциях является дополнение, а сказуемое просто обладает значительным весом. Соответственно М.Л.Мюллер-Хаузер [M.L.Müller-Hauser, 1993, p.95] утверждает, что говорящий, начиная предложение с маленького слова *ça*, не дает себя труда повторить его в форме местоимения перед глаголом.

Предложения типа *Ça, je sais* близки по структуре к нормативным «*Ça, je le sais*», «*C'est ça que je sais*». Очевидно, здесь речь идёт об омонимичности:

- 1) $C + S + P \leftarrow C + S + Cpr + P \leftarrow S + P + C$
- 2) $C + S + P \leftarrow C'est + C + que + S + P \leftarrow S + P + C$

[C – complément direct (nom ou pronom *ça*), S – sujet, P – prédicat, Cpr – complément direct (pronom conjoint)].

Первая конструкция восходит к сегментированному предложению с репризой прямого дополнения, которое вынесено в абсолютное начало, а вторая – к презентативной конструкции *c'est ... que*.

Если (следуя за Шарлем Балли, 1951) считать, что в сегментированном предложении с репризой обособляемый элемент играет роль данного, темы высказывания, а в конструкции с оборотом *c'est ... que* элемент, помещённый в рамку, является новым, ремой I, то можно предположить, что графически омонимичные конструкции $C + S + P$ различимы актуальным членением: 1) CT + (S + P)P; 2) CP + (S + P)T, т.е. в первом случае вынесенное в начало фразы прямое дополнение – тема, во втором же – рема.

Подобные графически омонимичные конструкции различаются и интонационно. Так, фразы *Ça j'ai bien distingué // La suite, vous allez voir* [из книги A.Boudard «*Métamorphose des cloportes*»] имеют интонацию сегментированного предложения с репризой (восходящий тон сегмента, пауза между сегментом и глагольной частью, плавно нисходящий тон глагольной части). В то же время нижеследующие предложения должны произноситься с интонацией презентативного оборота, т.е. с эмфатическим ударением на дополнении [все примеры из BMC]: *Quarante-*

cinq jours on étudie l'animal [p.22]. Pas pour moins de dix briques il bougerait [p.38]. Un mot sec, il bafouille [p.45]. Un rat qui rit, moi, j'y ferais [p.198]. Dix kilos de lard ça représentait [p.253].

В разговорном французском языке (прежде всего в просторечии) конструкция «прямое дополнение – подлежащее – сказуемое» имеет вариант, где глагольная часть предваряется релятивом *que* [G. et R. Le Bidois, 1967, § 905, 2; M.L.Müller-Hauser, 1993, p.152; L.Spitzer, 1995, p.202-203]: 500 francs qu'on paie par mois [G. et R. Le Bidois, 1967, § 905, 2]. Des pêches Melba qu'on se dégustait [BMC, p.48]. Un petit temps anglais qu'il fait [CE, p.103].

Фраза «500 francs qu'on paie par mois» является промежуточной между «C'est 500 francs qu'on paie par mois» и «500 francs on paie par mois». В символической записи это можно представить так: S + P + C - - - C'est + C + que + S + P - - - C + que + S + P - - - C + S + P. Иначе говоря, релятив *que* есть сохранившаяся вторая часть презентатива *c'est ... que*. Действительно, релятив *que* присутствует обычно в синтаксических конструкциях, которые имеют коммуникативную структуру «рема - тема»: CP + (S + P)T.

Косвенным подтверждением предположения родства фраз «500 francs on paie par mois» и «500 francs qu'on paie par mois» является продуктивность в просторечии конструкций, в которых отсутствует первая часть презентатива (ср. по тексту: A.Boudard. *Métamorphose des cloportes*. – Paris, 2002): Plutôt moi qu'étais gêné, qu'avais un peu honte de les laisser là [p.18]. Bien pour cela que sa femme l'avait jabolé avec un employé de gaz ... [p.46]. Une odeur de charogne que j'ai aspiré à la surprise et qui m'a soulevé les entrailles [p.68]. Dans la boucherie que tout a commencé, il y avait un peu plus de deux ans [p.106]. На письме конструкция CT + (S + P)P отмечается обычно запятой после прямого дополнения, тогда как при CP + (S + P)T запятая зачастую отсутствует.

Наблюдения показывают, что вследствие всё более широкого распространения рассматриваемых видов конструкций в разговорной речи, препозиция дополнения закрепляется. Такие конструкции произносятся (подобно любому клише) быстрее, а это заметно ослабляет силу ударения в сегменте. Поэтому в таких случаях запятая (как формальный признак выделения в сегмент) отсутствует: CT + (S + V)P.

В современном французском языке отмечается и другой вариант синтаксических

построений, который поддерживает тенденцию к нарушению спаянности синтаксических конструкций. Он наблюдается в оборотах, где в начало выносится именная часть сказуемого, а связки нет (A + S), ср. в BMC: Angevin l'air [p.42]. Immortelle la petite crapule [p.58]. Très important, le self-contrôle [p.173]. Реже встречаются случаи, когда порядок слов иной: именная часть следует за подлежащим (S + A): Lui, le décortiqueur de clops [BMC, p.57]. Eh, toi; salopard, déjà collé au mur? [AP, p.407].

У многих французских лингвистов содержится лишь краткое упоминание о подобного рода конструкциях. Например, М.Гревисс [M.Grevisse, 1995, p.158] описывает их как эллиптические, а А.Соважо [A.Sauvageot, 1997, p.80] – как номинальные. Отмечается также, что безглагольность и вынесение в сегмент именной части (где заключена субъектная характеристика) обуславливаются стремлением разговорного языка к краткости и эмоциональности.

М.Л.Мюллер-Хаузер [M.L.Müller-Hauser, 1993, p.97-98], классифицируя безглагольные конструкции типа «Drôle, cette histoire», отмечает, что кроме прилагательного в начальный сегмент может быть вынесено причастие, а также существительное. Подобные конструкции уже всё чаще встречаются в современном французском языке: Un goujat, cet home, un dégoûtant personnage [ALB, p.39]. Rédacteur en chef, Jules Vallès [AP, p.309]. Etouffés sous les dossiers, les procès-verbaux d'aveux immédiat [BMC, p.97]. Métamorphosée, crèmerie [BMC, p.110]. Une glaviot, ma carte [BMC, p. 128]. De mauvaise humeur, la grande Léone [BMC, p. 196].

Как считает М.Л.Мюллер-Хаузер [M.L.Müller-Hauser, 1993, p.98], фраза типа «Drôle, cette histoire» идентична фразовому типу «Quel voyou, ce Bernard». Тем не менее вполне очевидно также следующее: несмотря на их близость, указанные фразы всё же разнятся семантически. Действительно, вариант с восклицательным словом выражает степень качества, а без него – само качество или же явную принадлежность субъекта к некоему классу. Кроме того, имеется и интонационная разница: дополнительное лексическое средство изменяет интонацию. Так, большая часть ударения переходит на слово *quel*.

Фраза, где актуализируется оборот типа «Drôle, cette histoire», отличается сильной степенью дислоцированности. Она характеризуется наличием срединной паузы, которая по Шарлю Балли есть один из

наглядных признаков сегментации [Ш. Балли, 1995, § 81-83], и интонацией, напоминающей интонацию сегментированной фразы типа “Elle est drôle, cette histoire” (т. е. фразы с коммуникативной структурой Р-Т, “рема-тема”). Кроме того, для нее показателен нисходящий тон в глагольной части и такой же в сегменте.

Из вышесказанного очевидно, что фразовый тип “Drôle, cette histoire” можно вывести из синтаксического инварианта через сегментированное предложение, ср.: Cette histoire est drôle → Cette histoire, elle est drôle → Elle est drôle, cette histoire → Drôle, cette histoire.

Вынесение именной части в сегмент и создание подобным образом инвертированной конструкции эмотивного характера обуславливается требованиями актуального членения предложения. Здесь верх над грамматическим порядком слов взяли ударение и интонация, которые обеспечили “субъективный порядок” [В. Метезиус, 1967, с. 244] актуальному членению предложения : “рема - тема”.

Синтаксическая конструкция типа “Drôle, cette histoire” (подобно обороту “Ça je sais”) дополняется иногда в просторечном речевом обиходе релятивом *que*. Это характерно особенно для случаев, когда предсказуемая часть выражена не прилагательным, а существительным с детерминативом. Ср., например: Une fille courageuse *que* cette Jvonne.

Поскольку для французского языка показательна связанность фразовым ударением и твердым порядком слов, постольку он почти не употребляет для выделения актуального членения предложения интонацию и порядок слов в чистом виде. Как правило, эти средства сочетаются с грамматическими конструкциями – структурно расчлененными предложениями. Именно в связи с тем, что французскому языку присущи так называемые лексико – синтаксические средства выделения нового в предложении и появились фразы типа “Ça je sais” и “Drôle, cette histoire”. Исходными для них явились фразы : презентативная “C’est ça *que* je sais” и сегментированные “Ça je le sais”, “Elle est drôle, cette histoire”.

Таким образом, очевидно, что актуальное членение нарушило во французском языке грамматический порядок слов. В итоге прямое дополнение оказалось вне предикативной группы в первом случае, а именно часть предшествует подлежащему – во втором. Постоянное же стремление сводить к минимуму умственные и физические усилия

приводят к экономии в языке [А. Мартине, 1967, с. 532], что обуславливает возникновение на начальном этапе ненормативных синтаксических конструкций (прежде всего в просторечном речевом обиходе).

Естественно, что весь предшествующий опыт изучения комплексной проблемы деривации синтаксического уровня языка (в данном случае -французского) имеет первостепенное значение для каждого нового подхода к ней, несмотря на то, что на каждом этапе этого изучения вскрываются свои противоречия, непоследовательность, зависимость частного от господствующих общих направлений. При этом большинство исследований не охватывает весь фактический материал, а методологические принципы чаще всего не формулируются с достаточной полнотой и чёткостью. Поэтому, стремясь использовать весь положительный опыт предшественников в разработке соответствующей проблемы (скажем, это принципы структуризации синтаксического уровня языка), следует уделять большее внимание сочетанию специальных методов исследования (в основном, традиционных: описательного, сравнительного и др.) с общим методом.

Согласно с его принципами (применительно к конкретной частной проблеме) вся совокупность материала должна предстать на первом этапе исследования в виде «целого», внутренние связи которого ещё неясны. Это хаотическое скопление фактов подлежит затем расчленению на всё более простые отношения и структурно-семантические образования.

На следующем этапе (воспроизведение конкретного целого в мышлении) исследование ориентируется в обратной направленности: от выявления простейших отношений к целому, совокупности наборов простейших репрезентаций определенного языкового явления. Здесь важно установить, как полученные путем расчленения целого простейшие внутренние отношения актуализируются во внешних формах рассматриваемого объекта. Непосредственное выражение этот этап лингвистического анализа должен найти в разработке новой классификации типов изучаемых конструкций по комплексу внутренних отношений, которые лежат в основе каждого из них.

Так, при интерпретации, например определительных конструкций, анализ начинается с их расчленения на внешние,

доступные непосредственному наблюдению формы (грамматические, лексико-грамматические, лексические) и понятия, резюмирующие их внутреннее содержание. Следовательно, в принципе описания синтаксического материала оптимален такой порядок: лексико-грамматические средства → концептуальное содержание (хотя естественно, что в целях более обстоятельного толкования каждого элемента рассматриваемого целого такой порядок может иногда и нарушаться).

Если обратиться к определительным конструкциям французского языка, то анализ их грамматических средств целесообразно начинать с предлогов. Они имеют для таких сочетаний существенное значение, поскольку оформляют один из ведущих их типов. Прежде всего предлоги интересны как грамматические средства в смысле выражения ими чисто формальных дистрибутивных связей, выделяя предложные конструкции по отношению к прочим определительным сочетаниям (например, состоящим из наборов «существительное + прилагательное», «существительное + беспредложное существительное», «существительное + относительное придаточное» и др.).

Не менее важны союзные средства, оформляющие также одну из типовых определительных конструкций. Это относительные местоимения и союзы (*que*, *comme*). Дистрибутивные связи, передаваемые союзными словами, выступают как признак, который выделяет подобные сочетания по сравнению, например, с предложными или же другими непропозитивными конструкциями.

К грамматическим средствам относится также порядок слов, передающий специфику определительных сочетаний по линии внешних явлений. Как правило, способ размещения слов несет во французском синтаксисе функцию различения типов в непропозитивных конструкциях: он служит как различению позиции компонентов в словосочетании (ср.: *un portrait type*), так и различению значений слова (ср.: *un home brave* – *un brave homme*). Что же касается пропозитивных конструкций, то порядок слов в них не несёт какой-либо особой функции: определяющий элемент всегда находится после определяемого.

Одним из важных средств в оформлении определительных сочетаний является артикль. Для различения типов рассматриваемых конструкций служит прежде всего артикль того или иного вида (определённый, неопределённый, партитивный). Учитывать

следует еще наличие или отсутствие его при компонентах словосочетания.

Особую актуальность в этом отношении имеют «внешний» и «внутренний» артикли.

«Внешний» артикль (как формальное выражение предметности) сопровождает определяемое существительное в конструкциях любого типа (с прилагательным, существительным, инфинитивом, предложением и т.д.).

«Внутренний» артикль, который вводится на основании оппозиции с «внешним», показателен лишь для комбинаций с субстантивным предложным определяющим. Наличие или отсутствие его, связанное соответственно с обозначением существительным отдельного предмета (ср.: *la table de la cousine*) или признаков других предметов (ср.: *une table de bois*), создает параллельные типы словосочетаний, более расчленённых или более слитных в семантическом и синтаксическом отношениях (Л.И.Илья, 1967, с.25).

В некоторых случаях грамматические средства сочетаются с лексическими, образуя грамматико-лексические формы. Вспомогательными формами в выражении грамматических связей определительных сочетаний выступают собственно лексические средства (семантика слова, контекст, вводные слова) [J. Moeschler, 1998, p 14-15]. Их специфика состоит в том, что в комбинации с грамматическими формами они выражают серию семантико-синтаксических отношений: посессивность, качественность, субъектность и т. д.

Наиболее конкретными категориями (доступными непосредственному наблюдению и выделению) являются синтаксические категории: с одной стороны, основные элементы рассматриваемых конструкций, её «члены предложения» – определяемое и «определяющее» (определение); с другой стороны, категории, фиксирующие связи, возникающие между элементами: управление, согласование, примыкание, подчинение.

Для выделения внутренних содержаний определительных конструкций необходимо выделение серии отношений, которые характеризуют функционирование их элементов в рамках более широких единиц, и в частности, предложений. Совокупность этих отношений передаётся рядом категорий (актуализация, детерминация, характеристика). Ввиду их абстрактного значения они называются генерализованными.

Механизм детерминации и характеристики в анализируемом материале раскрывается на основе актуализации, функция которой заключается в переводе языка в речь [Ш. Балли, 1955, с. 93], в установлении соотношенности понятия с реальной действительностью.

Любое неактуализированное понятие предстает неопределенным по объему и определенным по содержанию. Будучи актуализированным, элемент видоизменяет объем и содержание, реализуясь как индивидуализированное понятие: одновременно локализованное в части пространства или времени, по отношению к говорящему субъекту и определенное количественно (т. е. ограниченное в объеме).

Актуализация определительной конструкции подлежит рассмотрению применительно к обоим элементам такого сочетания: определяемому и определяющему.

В отношении определяемого здесь невозможна оппозиция “актуализированность” // “неактуализированность”, ибо этот элемент всегда актуализирован. Что касается определяющего, то он может быть или самостоятельно актуализированным (ср.: les yeux du chien), или несамостоятельным, неактуализированным (ср.: les yeux de chien).

В первом случае в конструкции налицо детерминация. Под ней понимается актуализация, но не как общий механизм, касающийся всех понятий при переходе из языка в речь, а “кваликативная” актуализация (здесь в рамках определительных сочетаний). Детерминатор ставит определяемое в какое-то отношение к тому, что его окружает, вносит о нем разного рода сведения, определяя его ситуативно, т. е. определяющее – детерминатор – ограничивает объем тех предметов, к которым он применим, тем самым конкретизируя (индивидуализируя) его.

Во втором случае (конструкция с характеристикой) определяющее, лишненное актуализирующей функции, не способно воздействовать на объем понятия с целью его определения, конкретизации. Будучи неопределенным (т.е. лишенным соотношенности с действительностью), оно служит уточнению определяемого, а именно: называет дополнительный признак, качество, которое его характеризует. Тем самым модифицируется содержание определяемого понятия.

С подобной функцией ограничения объема определяемого или модификации его содержания употребляется также

препозитивные детерминаторы и характеристики. Ср.: Mais je veux connaître l'homme que j'épouse [Mauriac, Distins, p. 110], где придаточное относительное ограничивая определяемое в объеме является детерминатором. Или же ср.: Ils étaient suivis d'un homme blond qui portait un uniforme belge [Sartre, Mur, p. 15]. В данном примере придаточное, не ограничивая объем, модифицирует содержание определяемого.

Вышеотмеченные группы значений определительных конструкций (грамматическое, семантико-синтаксическое, генерализованное) охватываются наиболее простой и абстрактной категорией атрибутивности. Если в анализе пойти от простейших отношений к конкретному целому, то в качестве первого (непрепозитивного) типа выделяется управляемая субстантивная детерминация. Её языковым воплощением будут сочетания типа le chant, des prisonniers, la maison du père и т. д. Этот тип включает в характеризующие его внутренние отношения управление в качестве связи, а определяющее в нем выражено существительным, соотношенным с предметом. Подобное актуализированное определяющее, соотношенное с предметом (реально существующим в действительности) передает признак, ограничивающий определяемое понятие в объеме, таким образом ситуативно индивидуализируя и конкретизируя его. Отмеченный тип является очень емким в выражении семантико-синтаксических отношений по поссесивности, идентификации, объектности, темпоральности, локальности, субъектности и партитивности.

Укажем, например, на такие подтипы:

1. Управляемая субстантивная характеристика в конструкции непрепозитивной разновидности une table de bois. Здесь субстантивное определяющее (не являясь актуализированным) передает соотношенность с предметом, не представленным в реальности, в речевой ситуации. Такое определяющее не влияет на объем понятия с целью его ограничения. Оно модифицирует содержание понятия, уточняя его во всем объеме. При этом развиваются группы конструкций со значением материала, качественности, релятивности, назначения, идентификации инструментальности.

2. Подчинительная реальная динамичная детерминация, конкретным языковым воплощением которой является сочетание типа la chaise qu'il lui désignait в

высказывании : Elle obéit, reculant un peu la chaise qu'il lui désignait [P. Benoit. Île Verte, p. 179]. Подобное словосочетание отличается такими простейшими внутренними отношениями: определяющее (qu'il lui désignait), обозначая признак определяемого antecedenta (la chaise), выражает идею детерминации. При этом оно представляет понятие вполне детерминированным. Действительно, придаточное модифицирует объем antecedenta, ограничивает его. Благодаря этому понятие, заключенное в antecedente, предстает вместе с определяющим как более узкое, а значит и вполне конкретное, чем то же понятие без относительного придаточного.

Конструкции вышеотмеченного типа отличаются по характеру связи (подчинительной) от всех непропозитивных, связь которых осуществляется без участия относительных слов.

Что же касается семантического содержания, то данный тип, выражая не предмет, не признак, а, скажем, процесс, представляет его как действие, т.е. признак является динамичным. Ср. со статичностью la chaise qui est en bois.

Кроме того, конструкции рассматриваемого типа отличаются особой (специфичной лишь для пропозитивных образований) модальностью, находящей конкретное воплощение в данном синтаксическом типе в обозначении реального признака (в отличие от потенциального или же ирреального).

Итак, последовательное движение сначала от внешних, лежащих на поверхности форм определительных конструкций, к внутренним, глубинным отношениям приводит снова к внешним формам исследуемых сочетаний как конкретного целого, но представленного уже в определенном количестве четких структурно оформленных типов.

На интенсивность развития деривационных процессов в ракурсе структуры и версификации синтаксического уровня языка (французского) оказывает существенное влияние взаимодействие морфологических, лексических и собственно синтаксических факторов. Это убедительно подтверждается, например, формированием и функционированием во французском языке сложных условных предложений, где в выражении условия и зависимого от него следствия активно реализуются

морфологические, лексические и собственно синтаксические средства.

Прежде всего отношение условия и следствия передается в сложном предложении морфологическими средствами – формами сказуемых главной и придаточной части. При этом определенное соотношение модально-временных форм протасиса и аподосиса выделяет отдельные структурные типы условных периодов, которые различаются по грамматическим средствам выражения модальности и временной отнесенности условия и следствия, варьируясь в тех или иных лексических контекстах. Если изменение аподосиса приводит к тому, что выражение связи условия и следствия обуславливается лексическим контекстом, то возникает лексико-семантический вариант в виде конструкции *si prés. de l'ind.- prés. de l'ind.*, выражающий синхронную связь двух явлений. Однако при использовании в аподосисе или протасисе модальных глаголов или обстоятельственных слов активизируется отношение условия и следствия. Подобная зависимость выражения связи условия и следствия от лексического значения глаголов-сказуемых наглядно прослеживается при сопоставлении высказывания *Sit u l'aimes vraiment, tu dois penser l'abord à son avenir* [R. Rolland. L'âme enchantée, t. 1, p. 195] с его парафразой “*si tu l'aimes vraiment, tu penses l'abord à son avenir*”. В первом примере налицо связь условия и следствия: условное значение возникает посредством модального глагола *devoir*, а при его устранении выражается только синхронная связь двух явлений, последовательность между действиями *aimer// penser*.

Сложное предложение *si prés. de l'ind. – prés. de l'ind.* получает условное значение и через обстоятельственные дополнения, которые уточняют отнесенность условия или следствия к будущему: “*Demain, si nous restons unis, la victoire est à nous*” [J. Laffitte. Les hirondelles du printemps, p. 269].

В итоге взаимодействия лексического фактора с морфологическим образуются варианты структурных типов, видоизменяются модальность и временная отнесенность условия и следствия структурных типов. Скажем, в определенных лексических условиях *si imparfait de l'ind.- cond prés.* получает отнесенность к настоящему с уточнением его значения ирреальной модальности: *Si maintenant, nous devons lutter contre les fascistes et ceux qui les soutiennent, nous serions des soldats terribles* [J. Laffitte. Ceux qui vivent, p. 187].

Взаимодействие морфологических и лексических факторов обуславливает развитие в структуре предложения эмоционально-оценочных оттенков. К примеру, при употреблении в условном периоде глаголов определенной семантики (терминативов) возникает оттенок уверенности в реализации следствия. Отсюда связь условия и следствия выражается с большей категоричностью: *Si l'esprit de la guerre n'est pas tué, t'auras des mêlées tout long des époques* [A. Barbusse *Le Fen*, p.414]. Тот же оттенок уверенности реализации следствия и та же категоричность в выражении связи условия и следствия получается при включении в аподосис пассивной формы или же *passé composé*: *Si nous pouvons y parvenir sans être remarqués, notre tâche est terminée* [J. Laffitte. *Nous retournerons cueillir les jonquilles*, p. 41].

Прежде всего интерес представляет *à condition que*. Так, часть сложного предложения, вводимая союзом *à condition que*, менее зависима в смысловом и синтаксическом отношениях от главной части, чем протасисы с союзом *si*. При этом предложение с союзом *à condition que* обретает даже функцию независимого предложения: *On peut se tquiner, si dire des vérités. Mais on ne réchigne pas sur le prix. A condition qu'on s'entendras le prix – dit le petit inconnu qui n'en avait pas encore sorti* [A. Stil. *Le premier choc*, p. 298].

В контексте союз *à condition que* получает возможность выражать всевозможные модальные и эмоционально-оценочные оттенки: побуждение, приказание, пожелание, ограничение, уступку. Так, приказание союз *à condition que* выражает в независимых предложениях типа: *Pas loin, pent- être, dit Alcide, à condition que l'on sate d'abord un sacré fosse* [A. Stil. *Le premier choc*, p. 397].

Если в сложноподчиненные предложения включаются декларативные глаголы, то союз *à condition que* передает побуждение: *Il parle meme sans hurler et se décide à condition que nous l'aidions au maintien de la discipline* [J. Laffitte. *Ceux qui vivent*, p. 217].

В сложноподчиненных предложениях с лексическим выражением согласия союз *à condition que* передает значение уступки (= “лишь бы только”): *L'amitié d'Henriette qu'elle amirait éperdument, et qui concentait à se laisser server – à condition que se fût à ses heures et sous la forme qui lui convenait* [R. Rolland. *L'âme enchantée*, t.1, p. 24].

В отрицательном высказывании союз *à condition que* может передавать значение

ограничения (= “если только”): *Annette apprit qu'on peut être un maîdu monde, et être moins libre qu'on qui n'a rien. A condition que qui n'a rien ait une âme – ou (ce qui est le même) croie qu'il l'a* [R. Rolland. *L'âme enchantée*, p.191].

При употреблении в гипотаксисе условного значения глаголов желания или чувства союз *à condition que* может привносить (кроме собственно условия), еще и семантику пожелания (= “лишь бы только”): *Il savoit qu'il pouvait compter sur sa complicité, et il lui savoit gré, car il aimait qu'on fût injuste, à son profit (à condition qu'on ne fûtpoint dupe: il était impitoyable pour les sots* [R. Rolland, *L'âme enchantée*, t. 1, p. 646].

Итак, в гипотаксисе с союзом *à condition que* преобладают лексические средства выражения условия. Тем не менее в формировании семантики, выражающей связи условия и следствия, играют роль также отдельные морфологические и синтаксические средства. К примеру, структурными особенностями гипотаксиса с союзом *à condition que* можно считать постпозиции придаточной части, соотношение изъявительного наклонения в главной части с сослагательным наклонением придаточной части. Впервые на специфику наклонения после выражения *à condition que* обратил внимание Ю. Степанов [1965, с. 89]: “После некоторых трансформаторов “сослагательное наклонение” довольно свободно чередуется с “изъявительным”. Следовательно, такие случаи представляют собой еще более мелкие подклассы, которые можно описать только при еще более конкретном анализе. Примером такого подкласса служит *à condition que*: *à condition que vous viendrez / à condition que vous veniez*”.

Кстати, в современном французском языке зачастую (независимо от союза) в придаточной части употребляется изъявительное наклонение. Ср. следующие типичные контексты с союзом *au cas que*: *Au cas oùle conflit éclaterait notre ville serait considérée comme un objectif straté* [A. Stil. *Le premier choc*, p. 189]. *On me donnerait la legion d'honneur au cas que je verserais assez de pèdans une affaire quelconque* [L. Aragon. *Les cloches de Bâle*, p. 86]. При этом сказуемое протасисов не выражает предшествования условия следствию. Чаще всего между сказуемыми главной и придаточной частей гипотаксиса выражается одновременность.

Отмечается гипотаксис, в котором между следствием и условием выражено

грамматическими средствами отношение последовательности, т. е. форма сказуемого придаточной части (протасиса) выражает следование по отношению к форме сказуемого главной части (аподосиса). Это обратное временное отношение условия и следствия возможно потому, что понятие условия передано семантикой составных союзов, лексическим значением их главного (основного) компонента: Annette lui demanda son adresse, pour le cas où elle aurait d'autres commandes à lui transmettre [R. Rolland. *L'âme enchantée*, t. 1, p. 385]. В итоге с составными союзами группы "cas" (ср. au cas que) сформировался особый структурный тип гипотаксиса.

Соответственно интерес представляет и структурный тип гипотаксиса с составным союзом *pourvu que*, характеризующийся чаще всего волеизъявительной модальностью. Когда они выражают связь условия и следствия, тогда их можно считать лексико-семантическим средством условия. Основная функция *pourvu que* – это функция вводного слова, которое оформляет гипотаксис волеизъявительной модальности. Предположения с *pourvu que*, выражающие пожелания, окрашены более эмоционально по сравнению с другими предложениями (в частности, это формы, содержащие сослагательное наклонение и употребляющиеся без *pour que*): *Pour qu'il soit honnête bon travailler, et qu'il te respecte* [R. Rolland. *L'âme enchantée*, t.1, p. 567].

Из релевантных показателей гипотаксиса с *pourvu que* выделим два:

1) часть, вводимая *pourvu que*, всегда постпозитивна; союз указывает на условие, а с выражением условия всегда сочетается значение пожелания (= "лишь бы только"): *Et s'il est éque "tu ne tueras point" il n'est écrit nulle part que tu ne dois pas honorablement fabriquer des instruments pour tuer, pourvu qu'ils soient de bonne qualité et qu'ils soient bien payés* [R. Rolland. *L'âme enchantée*, t.1, p. 592];

2) в грамматическом гипотаксисе с *pourvu que* может выражаться условно-ограничительное значение (= "если только"): *J'en e vois aucun inconvenient à ce qu'on entretienne... pendant des années des bandes armées... pourvu que ces bandes soient prêtes à me défendre* [L. Aragon. *Les cloches de Bâle*, p. 88].

Из прочих типов рассматриваемого гипотаксиса отметим также еще форму с *à moins que*. Придаточные предложения с этим союзом легко обособляются от главного, а независимое предложение, вводимое *à moins*

que, реализует волеизъявительную модальность (= "лишь бы только"): *Georgette a retourné la feuille pour regarder encore ce "Si vous pourriez me voir" barré de cette encre gris triste, rallongée d'eau à travers quoi on voyait encore le bleu du papier. A moins qu'il ne les ait pas rien coupées, a-t-elle achevé en regardant les autres femmes à la ronde, la question dans le regard.* [A. Stil. *Le premier choc*, p. 425].

Определяется и преимущественная роль синтаксического фактора в выражении связи условия и следствия, например, 1) в зависимости от позиции сказуемого в придаточной части, 2) в зависимости от позиции придаточной части с выражением условия, 3) по смысловому и интонационному обособлению члена предложения и сегментации предложения. При этом важно учитывать:

1) случаи инверсии подлежащего, сочетаемого с определенными формами глагола и выражающего условие (посредством позиции подлежащего); форму сказуемого, характеризующего модальность условия; в итоге инверсия в сочетании с морфологическим фактором актуализирует значение условия, ср.: *Cette "jeunesse" de vingt ans voulait être maîtresse chez soi, ne pas être commandée, commander à son tour, ne fût-ce qu'à son mannequin* [R. Rolland. *L'âme enchantée*, t.1, p. 106].

2) бессоюзные сложные предложения со значением условия, выражаемого препозицией одной части другой; здесь морфологический способ (формы сказуемого) участвует только при определении модальности условия, а связь условия и следствия выражается лишь посредством порядка следования частей, ср.: *Ils vivraient cent ans, il l'appelle – rait encore ainsi* [A. Stil. *Le premier choc*, p. 459];

3) роль обособления и сегментации как грамматических средств выражения условия и как приема расчленения высказывания на ряд отрезков (отделенных друг от друга паузой), ср. образец: *Et elles dépensent à ces spectacles toute la passion, toute la furie qui auraient pu, bien dirigées d'un coup d'écubuter toute l'oppression sociale* [R. Rolland. *L'âme enchantée*, t.ii, p. 247].

Как видно, изучение достаточно частного синтаксического вопроса – способов выражения условия – приводит к комплексной лингвистической проблеме межуровневого взаимодействия морфологии, синтаксиса и лексики в общей системе языка. Последовательное же сопоставление частного (подсистемного) и общесистемного позволяет существенно углубить имеющиеся

представления об исходном частном. Для рассматриваемого частного вопроса о формировании и функционировании условия можно провести следующий комментарий с позиций обще-системного характера:

1). На основе учета инверсии подлежащего в сложном предложении как способа выражения условия следует обратить внимание на сочетание инвертированного подлежащего с формами сослагательного или условного наклонения. При этом характер условия варьируется в зависимости от временной формы сказуемого при сохранении той же самой модальности. Скажем, при форме имперфекта сослагательного наклонения значение условия сочетается со значением уступки, а это приводит к эквивалентации конструкции с инвертированным подлежащим и условно-уступительного придаточного предложения. Ср.: “Car à chaque pas, fût-il faux pas, - elle prenait avec ses antennes d’autres parcelles, d’autres et d’autres, de cet univers en spasme de mort, et de renouvellement” [R. Rolland. L’âme enchantée, t.ii, p. 134].

Подобное выражение условия достигается, как правило, в тех случаях, когда конструкция с инвертированным подлежащим и сказуемым, оформленным в сослагательном наклонении, стоит на первом месте в сложном предложении. Ср.: Eût – elle dû y trouver la mort, qu’elle n’aurait pas reculé [J. Laffitte. Les hirondelles du printemps, p. 168].

При позиции же инвертированного подлежащего в конце сложного предложения в сочетании с сослагательным наклонением конструкция обретает уступительный смысл. Ср.: Il lui eût fallu prendre sa revanche par une autre action fût-ce en parole par écrit [R. Rolland. L’âme enchantée, t.ii, p. 342].

2). Если обратиться к фактам препозиции части сложного предложения с бессоюзным построением, то средством выражения условия здесь служит препозиция одного предложения другому. Дело в том, что при сходной морфологической структуре обеих частей сложного предложения лишь позиция одной части в начале сложного предложения является

грамматическим признаком условия. Причем в отношении морфологии различаются 1) сложные предложения или же сложные синтаксические целые с однородными формами сказуемых и 2) сложные предложения или сложные синтаксические целые с разнородными формами сказуемых. Ср.: Et qu’ils gagnassent contre elle: elle trouverait moyen que tout ne fût point perte pour elle [R. Rolland. L’âme enchantée, t. ii, p.46] // Les cochons, dit Frédéric Mignot. On leur lancerait une bouledans les pattes, ils rouleraient tous par terre [R. Vailland. Beau Masque, p. 43].

3). Определенную роль среди синтаксических способов выражения условия играет сегментация, возникающая при вклинивании конструкции условного значения между членами предложения, а также в результате противопоставления глагольного и безглагольного предложений. Ср. : Vous auriez à signaler la moindre alerte en projetant derrière vous une lumière rouge. Un simple déclic. L’alerte terminée, lumière blanche (т. е. “если тревога кончится, будет белый сигнал”) [J. Laffitte. Rose France, p. 151] // Tu tombais malade, tu prenais un jour, c’était la porte. Tu réclamaïs, la porte [A. Stil. Le premier choc, p. 213] // Un cheval déferre, il ne faut pas le laisser marcher sur sa sole, elle s’use n’importe comment, et après c’est le diable [L. Aragon. La semaine sainte, p.297]. При этом структурными типами можно считать бессоюзно построенные сложные предложения с однородной модальностью протасиса и аподосиса. Ср. потенциальный структурный тип “j’pour- rais, je ferais” и ирреальный структурный тип “j’aurais pu, j’aurais fait”. Кроме того, структурные типы образуют конструкции с местоимением qui (без antecedenta); они различаются по модальности: реальный qui peut- fait, потенциальный – qui pourrait ferait, ирреальный qui aurait pu aurait fait.

Итак, изучение различных средств языка в пределах конкретной микросистемы дает возможности оценить многообразие его ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. – М. : ИИЛ, 1955. - 416 с.
2. Илия Л. И. *Средства выражения синтаксической связи в словосочетании во французском языке // Иностранные языки в школе*. – М. 1967. - № 1. – С. 25
3. Илия Л. И. *Очерки по грамматике современного французского языка*. - М.: Высшая школа, 1970. - 176 с.

4. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М. : ИИЛ, 1967. – С. 366-566
5. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М. : Прогресс, 1967. – С. 239- 245
6. Степанов Ю. Структура французского языка. Морфология, словообразование, основы синтаксиса в норме французской речи. – М.: Высшая школа, 1965. – 181 с.
7. Шугаревская Н. А. Новое в современном французском синтаксисе. – М.: Просвещение, 1977. – 103с.
8. Bally. Ch. *Traité de stylistique française*. - Genève – Paris, 1951.
9. Le Bidois G. et R. *Syntaxe du Française moderne*. – Paris, 1967
10. Moescheler, Jacques. *Le temps dans la langue: de la grammaire à la pragmatique // Langues. Chahiers d'études et de recherches francophones*. – Montrouge – France, 1998. – Vol. 1. - № 1.- P. 14-23
11. Müller - Hauser M. L. *La mise en relief d'une idée en français moderne // Romanica Helvetica*.-Vol. 21.- Paris, 1993.
12. Spitzer L. *Une habitude de style chez M. Céline // Le français moderne*. – Paris, 1995.
13. Tesnière L. *Éléments de syntaxe stucturale*.- Paris: Éditionsa Klincksieck, 1976.- 674 p.
14. Wartburg W., Zumthor P. *Précis de syntaxe de français contemporain*. – Berne, 1997.

Принятые сокращения

- AP – A. Adamov. *Le printemps 71* (“Théâtre français d’aujourd’hui”). – М. 1969.
 BMC – A. Boudard. *Métamorphose des cloportes*. – Paris, 2004.
 CE – L. Céline. *L’église*. – Paris, 2003.
 MB. – P. et V. Margueritte. *Le désastre*. – Paris, 1998.

Бушуй А. Француз тили синтактик сатқининг шаклланиш жараёнида структур сегментациянинг деривацион асослари. Мальолада ҳозирги француз тили синтаксиси учун ҳос бўлган хусусиятлар: содда ва қўшма гап сегментацияси, сўз тартиби трансформацияси, тилнинг лексик-структуравий деривацияси соқасида турли конструкциялар турғунлигининг бузилиши кўриб чиқилади.

A. Bushuy. Derivational grounds of structural segmentation in the process of formation of the syntactical level of French. The most peculiar characteristics of modern French syntax are studied: segmentation of the simple and complex sentence, word order transformation, tendencies to transformation of various set expression to free ones in the light of lexico- structural derivation of the language.

Н. Жалилова

ЎЗ ЎАТЛАМ АСОСИДА ЎОН-ЎАРИНДОШЛИК ТЕРМИНЛАРИ ШАКЛЛАНИШИГА ДОИР

Маълумки, дунё тилларида мавжуд бўлган қариндошлик терминлари ва уларни қариндошлик тизими асосида илмий ўрганишни биринчи бўлиб америкалик этнограф олим Л.Г. Морган бошлаб берди. Л.Г. Морганнинг таснифига кўра, дунёда энг қадимги қариндошлик тизими малайя қариндошлик тизими деб қаралган бўлса, ундан қарийб 11 йил кейин Д.А. Ольдероггенинг тадқиқоти Турон-ганован тизими ундан қадимийроқ эканлигини исботлади. Шунингдек, Д.А. Ольдерогге туркий тиллар қариндошлик тизмининг шаклланишида туркий бўлмаган (бурят-муғул, хинд-европа, Америка)

тилларнинг таъсири мавжуд эканлигини ҳам этироф этади [1].

Демак, туркий тиллар хусусан, ўзбек тили қариндошлик терминларининг илдизи чет тилларга бориб тақалар экан. Уларни ҳозирги замон нуқтаи назаридан ўрганиш учун мазкур терминларнинг шаклланиш тарихини мукамал ўрганган ҳолда, ўз қатлам асосида қариндошлик терминларини тадқиқ этиш мақсадга мувофиқ бўлади.

Ўз ўатлам лексикаси ўзлашма ўатлам лексикасига нисбатан ажратилади. Ўз ўатлам таркибига ўзбек тили луўат таркибида тарихан ўадим даврлардан бери мавжуд бўлиб келган

туркий сўзлар ва ўзбек тилининг ўзида турли даврларда бир неча усуллар орляли қосил ўилинган ўзбекча сўзлар киради. Шунга кўра ўз қатлам таркибини иккига бўлиш мумкин:

1. Умумтуркий сўзлар.

2. Ўзбекча сўзлар.

Ўзбек тили генетик жикатдан туркий тиллар оиласига киради ва бу тил учун туркий тилларнинг негиз лексикаси ўадимий асос қисобланади. Шу сабабли қам ўзбек тили лексикасининг ўз негизини аслида туркий тилларнинг ўзиники бўлган туб туркий сўзлар ташкил этади.

Туб туркий сўзлар туркий тиллар оиласига мансуб бўлган барча тилларда учрайди. Бундай сўзлар туркий тиллар лексикасидаги энг ўадимий материал бўлгани учун қамда бу тилларда энг қаетий ва зарурий тушунчаларни ифодалагани учун туркий тиллар луўат таркибида маълум бир луўавий фондни ташкил ўилган.

Туркий тиллар, хусусан, ўзбек тили луўат таркибидаги ана шу луўавий фонд туркологияда умумтуркий сўзлар деб юритилади. Бу қалда Э.Бегматовнинг «Сўзнинг умумтуркий бўлиши сўзнинг бирдан ортий туркий тилда учрашида эмас, балки бу лексиканинг аслида битта туркий манбага тегишли эканидадир. Умумтуркий сўзлар ўадимги бир манба тил – умумтуркий тил даври мақсулидир» [2], деган фикрини келтириш жоиз. Демак, умумтуркий сўзларнинг барча туркий тилларда учраши бир туркий тилдан иккинчи туркий тилга ўтганлигини кўрсатмайди, балки уларнинг бу тилларда жуда ўадимдан туркий асос тил туфайли мавжудлигини кўрсатади.

Умумтуркий сўзлар фонди ва ундаги қар бир сўз қозирда мавжуд бўлган барча туркий тилларда бир вальда ва баравар учраши шарт эмас.

Қар бир туркий тилнинг тарихий таральиети маълум ўзига хос асосларга эга. Шунга кўра умумтуркий сўзларнинг қозирги туркий тилларда сальланиб ўолиш даражаси қам турличадир. Жумладан, қозирги ўзбек адабий тилида ўадимий ўарлуў тили элементлари ва структураси қамда ўўуз, ўипчоль тили элементлари сальланган. Бундай сальланган сўзлар эса ўз фонетик структураси ва семантик хусусиятларига кўра ўадимги давр умумтуркий сўзлардан фарўланади. Қозирги ўзбек тилида сальланиб ўолган ана шундай умумтуркий сўзлар мильдорини текширганимизда, «Ўзбек тили изокли луўати»

да берилишича уларнинг сони 3 мингтадан ортий эканлиги маълум бўлди [3].

Қозирги ўзбек адабий тилида сальланган умумтуркий сўзлар орасида ўон-ўариндошлик терминлари қам мавжуд бўлиб, улар ўадимий атамалар сифатида ўзбек тилида узоль даврлардан бери ўариндош-уруўчилик муносабатларини ифодалаш учун ўўлланиб келади. Улар бадий асарлар тилида маълум вазифани бажаришига кўра бошўа терминлар ўаторида муқим ўринни эгаллайди.

Умумтуркий асосдаги ўон-ўариндошлик терминларига *ота (ата), она (ана), ўўил (оўул), ўиз (кыз), опа (аба), сингил (синил), ака (аўа), эр (ер), хотин (ўатун), куўв (куўагу), амаки (ама+ака), тоўа (тайоўа)* ва бошўаларни киритиш мумкин.

Юўорида таўкидлаганимиздек, ўзбек тили таральиети жараёнида умумтуркий сўзларнинг баўзилари сальланган бўлса, кўпчилиги бутунлай истеъмолдан чильан, айримлари эса ўзбек халў шевалари лексикасида диалектал нормада сальланиб ўолган. Масалан, Махмуд Кошўарий «Девони»да қамда Алишер Навоий асарларида учровчи кўпгина умумтуркий терминлар қозирда истеъмолдан чильан. *Ача, аба, обоўа, езна, болдиз, ума, ута* терминлари ўзбек тили шеваларида ўўлланиб, ўзбек адабий тилида эскирган сўз қисобланади.

Умумтуркий асосдаги ўон-ўариндошлик терминлари ўадимги шаклига нисбатан фонетик структураси ва баўзи семантик хусусиятларига кўра фарў ўилади. Бу айниўса бадий асарлар тилида яльўол намоён бўлади. Масалан, *хотин* термини ўадимги туркий тилда ўадун//ўатын шаклида бирор эрак никоқиди аёл маўносини ифодалаган. Қозирги замон ўзбек тилида бу термин хотин шаклида ўадимий маўносини сальлаган қолда бошўа маўнода бирор ўрта ёшдаги аёл шахсини қам ифодалайди: Хотин кишининг кўнглини худодан бошўа кеч ким билмайди (Кеча ва кундуз, 202). Аммам жуда чиройли, юзида холи бор, ўош-кўзи чальмольдек хотин (Дунёнинг ишлари, 130).

Шунингдек, *хотин* термини ўз турмуш ўртоўлари томонидан хотинига мурожаат этишда фаол ўўлланилади: Мирзакарим ўутидор: – Хотин, сен қали эшикдаги совчилардан хабарсиздирсан? – деди (Ўтган кунлар, 42).

Куўв термини эса *куўагу* шаклида ўизнинг турмуш ўртоўини ифодалаган. Қозирда бу термин *куўв* кўринишида шаклланиб, маўно доираси қам кенгайиб борди.

Ўзининг турмуш ғартоғи маъноси билан бирга умуман ғзидан кичик ёшдаги аёл ғариндошнинг турмуш ғартоғига нисбатан ғълланила бошлади. Шунингдек, янги уйланаётган ёки уйланган йигитларга нисбатан куёв термини ишлатилиши кенг тарғалди: Номоз асрга яғин куёв катта оломон билан келди (Ўутлуғ ғон, 97). Куёв келар эди: икки томонни суриб олган хотин-ғизлар ғртасидан Отабек келар эди (Ўтган кунлар, 57). – Куёвинғизни бугунча кирғизмай турсак, – деди Пошшоҳон (Кеча ва кундуз, 110).

«Ўтган кунлар» да куёв термини ғғил сғзи билан бирикиб куёв ғғил шаклида ғълланиши учрайди: – Сизга куёв ғғил муборак бўлсин. (Ўтган кунлар, 44).

Ота, оға (ака), она терминлари кам ғз маъносидан ташғари турли семантик маъноларни ифодалаш учун ғълланади.

Ўзбек тилида умумтуркий сғзлардан ташғари бу тилнинг ғзида юзага келган, ғзиники бўлган сғзлари мавжудлиғи каммамизга маълум.

Ўзбек тилининг мустағил тил бўлиб шаклланган давридан то шу бугунга ғадар бу тилда ясалган сғзлар ғзбекча сғзлар кисобланади. Ўзбекча сғзлар ғзбек тилининг ғзида пайдо бўлиши жикатидан умумтуркий камда ғзлашма сғзлардан фарғланади. Ўзбекча сғзлар ғзга тиллардан олинган эмас, улар ғзбек тилининг ғз ички манбалари асосида яратилган сғзлардир.

Ўзбекча сғзлар билан умумтуркий сғзлар камда ғзлашма сғзлар орасида фарғлар мавжуд бўлиш билан бирга улар ғзаро алоғадор камдир. Чунки ғзбекча сғзлар учун материал, неғиз бўлиб туб туркий сғзлар ва ғзлашма сғзлар хизмат ғилади.

Демак, ғзбекча сғз учун унинг ғандай материалдан иборат экани муқим эмас. Аммо у, албатта, ғзбек тилида ясалган бўлиши шарт. Ўзбекча сғзларни яшаш учун хизмат ғилган ясовчи неғиз ва ясовчи ғғшимча тилнинг ғз материали ёки ғзга материалдан бўлиши мумкин. Ўайд ғилинган фикрлардан келиб чиғиб ғзбекча ғон-ғариндошлик терминларини иккига бўлиш мумкин: 1) ғз материал неғизида косил ғилинган ғзбекча терминлар; 2) ғзлашма материалдан косил ғилинган ғзбекча терминлар ёки аралаш материалдан косил ғилинган ғзбекча терминлар.

Ўз материалдан косил ғилинган ғзбекча терминларнинг ғзи икки хил тарзда юзага келади:

1) сғзлардан ғзбекча ғғшимчалар ёрдамида ғзбек тилининг ғзида ясалган ғон-ғариндошлик терминлари: *ғудача, кундош, келинчак, оповси* ва бошғалар: Тғрга Оғтоб ойим ва Моқира ғудачалар ғтирдилар (Ўтган кунлар, 308). Икки катта кундош душманларининг бу хилда ғзғариши сабабини билолмадилар (Кеча ва кундуз, 202). Келинчак онамизнинг мазалари ғочибдими? (Ўутлуғ ғон, 135). Ойимнинг кғзлари ташвиш билан жавдиради: – Нима ғилайлик, оповси, ғтган сафар баркашни олиб кетдинғиз (Дунёнинг ишлари, 181).

2) умумтуркий терминлар билан ғзбекча сғзлар ёрдамида юзага келган ғон-ғариндошлик терминлари: *катта она, катта ойи, ополь ойи, оппоғ дада, ичқуёв, ғгай она, ғгай ота, ғгай бола, келинойи, вакил ота, ғариши ғуда, келинбиби, катта ака, кичик синғил, катта хотин* ва бошғалар: Салтанатнинг онаси билан катта онаси уни ғзи тенғлик ёш ғизлар билан бирга олис жойга юбораркан, эктиёт томонини кам унутмаган эдилар (Кеча ва кундуз, 26).

Катта ойи, опполь ойи терминлари тарихий асарларда икки маънода, яғни биринчидан, бир эркак никокидаги бир неча хотинларнинг энг каттасига нисбатан, иккинчидан, кекса аёлларга нисбатан курмат сифатида ғўлланилган: – Катта ойимнинг юмушлари бор экан (Ўутлуғ ғон, 90). Аравакаш: – Катта ойи, ғани йигитчаларни хурсанд ғилинғ (Ўутлуғ ғон, 99). Зайнаб: – Яхши боринғ, опполь ойи (Ўтган кунлар, 347). Козирғи ғзбек тилида бу терминлар она ёки отанинғ онаси маъносини ифодалайди.

Келинойи, келинбиби терминлари янға сғзининг синонимлари сифатида ғълланилади: Хадичахон: –Энахоннинг келинбибисига рашким келади...Давлат асари йнь...Эри камиша ёнида...(Кеча ва кундуз, 47). – Келинойи, акам бировнинг томини тешиб ғамалган эмас, ё бировнинг кағини еган эмас (Ўутлуғ ғон, 106).

Ўгай сғзининг луғавий маъноси ёт, бегона демакдир. Бу сғз *ота, она, ғғил, ака, она* каби терминлар билан бирикиб янғи турдаги ғон ғариндошлик терминини косил ғилади: Ўайси бир йил олис бир ғишлоғдан ғгай акаси келиб, уч-тғрт кун ғғниб кетган эди (Кеча ва кундуз, 14). Келинойи: – Ўгай (ғизинғиз) бари бир ғгайлиғини ғилади. Ундан сизга нима фойда? (Дунёнинг ишлари, 106).

Ўзга материалдан косил ғилинган ғзбекча терминлар кам мавжуд бўлиб, улар

асосан форс-тожикча сьзларга умумтуркий сьзларни лььшиш орляли юзага келган: амакивачча, холавачча, тођавачча, амакивачча, набира куёв, набира келин кабилардир.

Ушбу терминлар ъзбек адабий тили камда шеваларида умумий маънога эга бьлиб, биринчи шахсга иккинчи шахсинг ким эканлигини аниьлаш зарур бьлгандагина ишлатилади. Мурожаат этишда шахс сьзловчидан катта бьлса ака, она, кичик бьлса сингил, ука, жиян камда келин, куёв, ъђлим,

болам сьзларидан фойдаланадилар. Бу кол бадий асарлар тилига кам хосдир: Афзалхон акам, аммам айтганидек, «Тошкентнинг суви менга каром», деб бош олиб кетгани ънь, бироль анчагача уйланмай юрдилар (Дунёнинг ишлари, 178). Нури: – Њльчибой ака, ъаерда жим бьлиб кетдингиз, далада кали кам иш борми? (Њутлуђ ъон, 91). – Жиян, сен ростдан кам биз билмаган амманинг ъђлимисан, деди Салимбойвачча (Њутлуђ ъон, 86).

АДАБИЁТЛАР

1. Ольдерогге Д.А. Малайская система родства. Родовое общество. Материалы исследования. – Москва, 1951, стр. 30-46.
2. Бегматов Э. Козирги ъзбек адабий тилининг лексик ъатламлари. -Тошкент: Фан, 1985, 86-бет.
3. Њзбек тилининг изокли луђати, I, II. -Москва, 1981.

Джалилова Н. О формировании терминов, обозначающих степень родства. Статья посвящена анализу путей формирования терминов, обозначающих степень родства, за счет внутренних ресурсов языка.

Jalilova N. About formation of terms denoting family relations. This article is about the lexical-semantic peculiarities of relative terms which formed by inner sources of Uzbek language that their features were explained on the grounds of fictional texts.

А. Маматкулов

К ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСА «LE POLITIQUEMENT CORRECT» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема культуры речи вообще и языковой нормы в частности необычайно широка и сложна. Данный вопрос включает в себя целый ряд очень обширных тем как чисто теоретического, так и практического характера.

Язык как живой организм находится в состоянии бесконечного движения и развития. Это чуткий инструмент, служащий не только для передачи и организации мыслей, но и для интерпретации структуры окружающего мира в нашем сознании. Перемены, происходящие в обществе, сразу же находят свое отражение в языке а значит, любое социальное явление можно изучать в лингвистическом аспекте.

«Le politiquement correct» как новая языковая манера появилась относительно недавно, в конце прошлого столетия. Актуальность данного понятия в современном обществе стала одной из основных причин его изучения.

«Le politiquement correct» - это новая языковая манера, состоящая в построении своего речевого поведения таким образом,

чтобы избежать выражения в языке какой бы то ни было дискриминации того или иного меньшинства (расового, социального и др.), а также скрыть, «завуалировать» негативные явления действительности, повысить статус говорящего и предмета речи. В связи с этим в языке появляются многочисленные новые номинации, которые иносказательно, в смягченной форме обозначают те предметы, прямое указание на которые избегается. Новая манера «le politiquement correct» характеризуется употреблением различных средств языка – тропов и развернутых синтаксических конструкций, а также обилием научной терминологии, слов иностранного происхождения. Все вышеперечисленное позволяет рассматривать новую языковую манеру с точки зрения лингвостилистики.

Начнем с выделения и описания основных тропов и фигур речи, характерных для новой языковой манеры «le politiquement correct» в современном французском языке.

«Троп (от греч. *tropos*-поворот, оборот речи)- перенос наименования (иногда называемый переносом значения), заключающийся в том, что слово, словосочетание, предложение, традиционно называющие один предмет (явление, процесс, свойство), используются в данной речевой ситуации для обозначения другого предмета (явления и т.д.), связанного с первым той или иной формой содержательного смыслового отношения» [1].

Тропы и фигуры речи известны с очень давних времен. Наиболее ранние из дошедших до нас классификаций образных средств языка были созданы древнегреческими и древнеиндийскими философами. «Украшения речи» занимали почетное место в римской, а затем и средневековой риторике. Большинство современных классификаций образных средств восходит к античным риторикам [2]. Римские риторики делили «украшения речи» на тропы и фигуры. Разница между ними состояла в том, что тропы представляют собой отдельные слова, а фигуры – сочетания слов.

В настоящее время предложена теория разграничения парадигматических и синтагматических образных средств: «Тропы-выражения, перенесенные по сходству или так или иначе представляемому подобию одного предмета другому. Такое понимание тропов позволяет соотносить их с представлением о парадигматическом уровне языка. Фигуры, в отличие от тропов, являют собой сочетания слов, почему и представляется правомерным соотносить их с новейшими данными о синтагматическом и линейном уровне анализа» [3]. С этой точки зрения метафору, метонимию, синекдоху можно отнести к тропам, или прагматическим образным средствам, а сравнение и эпитет- к синтагматическим, или фигурам. Можно также выделить как изобразительные средства языка метафору, сравнение, метонимию а как выразительные – гиперболу, литоту, антитезу и др.

Однако мы не будем строго придерживаться того или иного деления, поскольку не ставим перед собой цели дать исчерпывающие списки и описание тропов и фигур, которые можно встретить в политкорректных текстах. Мы стремимся указать на наиболее характерные стилистические средства, т.е. те средства, которые являются своего рода «визитной карточкой» политкорректности. На наш взгляд, такими средствами являются эвфемизм, перифраза, гипероним и литота. Основным

приемом, используемым для замены табуизированной, политически некорректной лексики, является привлечение эвфемизмов («тропов, состоящих в непрямом, прикритом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления») [4].

Явление эвфемизации, лежащее в основе новой языковой манеры «*de politiquement correct*», само по себе не ново свойственно практически всем сферам функционирования языка во все времена и эпохи.

В словаре-справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А.Теленковой мы находим следующее определение эвфемизма: «*Эвфемизм (от греч. *euphemismos* - «еи» хорошо и «*phemi*» говорю)-смягчающее обозначение какого-либо предмета или явления, более мягкое выражение вместо грубого*» [5].

Американский лингвист Р.Фаулер пишет, что «*эвфемизм есть мягкое, расплывчатое, иносказательное выражение, заменяющее собой резкое или грубое наименование, нелицеприятную правду*» [6].

Французский исследователь Ж.Вандриес дает очень лаконичное, на наш взгляд, определение эвфемизма: «*эвфемизм-это только более вежливая и более культурная форма того, что называется запрещенным словом*» [7].

А в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» под редакцией В.Н.Ярцевой оговаривается, что «*под эвфемизмами понимаются также окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого*».

В данной статье под «политически корректными» эвфемизмами понимаются не прямые, «смягченные» слова и выражения, которые употребляются вместо выражений нежелательных, не вполне вежливых, слишком резких или несоответствующих нормам приличия в конкретной речевой ситуации.

Различные исследователи по-разному определяют содержательную природу эвфемизма.

Д.Н.Шмелев называет эвфемизмами «*слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими*» [8]. Исследователь приводит следующие примеры:

Он поправился - вместо "потолстел".

Он взял - вместо "украл" ("подпоручик[...] из какого-стыдливого и деликатного чувства не мог выговорить настоящее слово "украл")

Согласно точке зрения Д.Н.Шмелева в первом случае слова являются языковыми синонимами, а во втором случае пары слов выступают как окказиональные, маскирующие обозначения отрицательных явлений.

Таким образом, Д.Н.Шмелев разграничивает "контекстуальные эвфемизмы" (взял - вместо украл) и языковые синонимы (поправился - в место потолстел).

В настоящей статье мы придерживаемся более широкой трактовки понятия "эвфемизма", которая включает в рассмотрение и контекстуальные синонимические эвфемизмы.

Р.Бове полагает, что в основе новой языковой манеры лежит либо стремление "красиво" говорить, либо необходимость замены грубых и неприятных слов и выражений. Среди основных причин эвфемистических замен Р. Бове выделяет: желание произвести впечатление на собеседника, страх обидеть, желание избежать неприличных, грубых слов [9].

Как полагает Б.А.Ларин, эвфемизм по своей семантической структуре есть "одна из разновидностей тропа, т.е. метафоры, метонимии, синекдохи и т.д.". Однако, по словам Б.А.Ларина, эвфемизмы имеют целью передать не образное представление действительности, как тропы поэтического языка, а "затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни или нескромных мыслей, намерений"[10].

Л.П.Крысин соотносит понятие эвфемизма с литотой и мейозисом. "Литота -1. Троп, состоящий в употреблении антонимии с отрицанием, как средство риторического "умаления": *pas mal* вместо *bien*.

2. То же, что мейозис. Фигура речи, состоящая в заведомом преуменьшении степени или свойства чего-либо".

Поскольку не все эвфемизмы являются литотами и не все литоты -эвфемизмами, то литота представляется нам лишь одним из механизмов политкорректной передачи негативной информации, несущим эвфемистическую функцию: *il n'est pas très beau* (он не очень красив) вместо "*il est laid*" (он уродлив).

Использование эвфемистической лексики в речи можно рассматривать

в качестве основного языкового средства, характеризующего политкорректную манеру подачи информации.

Главная цель эвфемизации в явлении политкорректности состоит в том, чтобы избежать, по словам Б. Шоу, "серьезнейшего вреда, который может нанести людям язык, что со всей очевидностью демонстрируется намеренными усилиями тиранов и поработителей принизить и лишить человеческой гордости тех, кого они собираются угнетать или истреблять".

«Политически корректный» эвфемизм-это всегда эвфемизм, введенный с целью избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения, прикрыть, «завуалировать» негативные явления действительности, а также повысить социальный статус говорящего.

В предисловии к своему словарю «A dictionary of Euphemisms» (Oxford University Press, 1995) Р.Холдер отмечает, что «эвфемизмы кажутся неотъемлемой частью современного языка». Незаметно для носителей языка старое слово заменяется новым. Эвфемизм может долгое время существовать наравне с исконным наименованием, а может и сразу же вытеснить его из употребления. Причем, часто носители языка даже не замечают подобной подмены одного слова другим. К названию своей книги Р.Холдер не случайно добавляет подзаголовок «Now not to say what you mean» (Как не сказать то, что ты имеешь в виду).

Действительно, именно эвфемизмы помогают нам «завуалировать высказывание», передать нужный смысл не прямо, а опосредованно, косвенно. Таким образом, мы указываем на предмет, не называя его. Автор выделяет четыре основные цели употребления эвфемизмов:

1. С целью уклонения от прямого наименования предмета (the language of evasion- «язык уклончивости»);
2. В лицемерных высказываниях (language of hypocrisy-«язык лицемерия»);
3. В выражениях притворной стыдливости, либо излишней щепетильности (language of prudery- язык стыдливости»);
4. И, наконец, с целью схитрить, обмануть собеседника (language of deceit- «язык хитрости, лживости»).

Явление эвфемизации стало предметом изучения лингвистов не так давно, однако, само понятие эвфемизма встречается уже в античных трудах по риторике (например,

Деметрий, О стиле//Античные риторика, М, 1978, с.281). В своей книге "О стиле" Деметрий пишет, что "эвфемизм превращает брань в похвалу, а нечестие в благочестие".

Уже в глубокой древности замене подвергались слова, обозначающие понятия опасности, болезней, смерти и физических недугов, то есть слова, которые вызывали негативные эмоции. Например, латиняне употребляли глагол "decedere" (удалиться) вместо «грозного» *morire* (умереть). Смерть - одно из древнейших человеческих табу.

Эвфемизмы по своей природе тесно связаны с табу, ведь они являются своего рода словесным выражением общественного запрета.

Табу - "полинезийский термин (буквально - священный, запретный), принятый языковедами для обозначения словарных запретов, преимущественно суеверного характера, которые встречаются, главным образом, у менее цивилизованных народов" [11].

Явление табуирования связано с верой в магическую функцию языка (речи), то есть верой в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир при помощи языка. Табу характерны для языков народов с архаичной культурой (Африка, Австралия, Океания, народы Севера и т.п.), однако в большей или меньшей степени встречаются во всех языках мира.

В первобытном обществе вместо запретных слов создавались "подставные наименования" [12]. Таким образом, появлялись древнейшие эвфемизмы, перифрастические и образные, скрывающие реальное обозначаемое".

Табу для одного поколения не всегда является таковым для другого. Если одно табу теряет свою силу, ему на смену приходит новое.

Современный язык не смог полностью избавиться от «классических» запретов, за исключением табу из интимной

сферы. Произошли всего лишь вариации на тему» [13].

Среди «классических» сфер табуированной лексики П.Мерль в книге "Lexique du français tabou" ("Табуизированная лексика во французском языке") выделяет, прежде всего, сферы религии, смерти, болезни и денег.

В 1993 году, вместе с фильмом "Les survivants" ("Оставшиеся в живых"), где спасшиеся после кораблекрушения герои поедали трупы погибших, появляется целая работа, посвященная древнейшему табу на Земле - каннибализму или людоедству (Бернхейм и Ставридес "Каннибалы"). Наше время принесло с собой новые сферы табуированной лексики: политкорректным заменам подвергаются слова, обозначающие понятия, связанные с цветом кожи, внешностью человека, с его социальным и экономическим статусом, с политическими и экономическими проблемами.

В последнее время табуированию подвергается все, что в той или иной мере связано с понятием "исключительности". Особенно остро стоит расовый вопрос. Само слово *race* (раса) становится запретным и заменяется на "*ethnie*", "*groupe humain*" и др.

Мы попытались показать, что в основе новой языковой манеры лежит явление эвфемизации и определения того, какие новые сферы жизни общества подвергаются табуированию и каковы области распространения новых «политкорректных» эвфемизмов.

Таким образом, явление «*de politiquement correct*» приносит нечто новое в процесс эвфемизации, и это новое связано с использованием эвфемистических замен не столько в традиционных, сколько в новых сферах: социально-экономической и политической. Именно там находятся наиболее «болезненные» точки современного общества: бедность, безработица, проблемы дискриминаций, экономическая и социальная нестабильность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулова Р.Н. Русский язык. Энциклопедия, -М., 2003, с.572
2. Guiraud P. La stylistique (Collection «Que sais-je?») -P., 1963, p. 19-21
3. Ахманова О.С., Натан Л.Н., Полторацкий А.И., Фаюшенко В.И. О принципах и методах лингвостилистического исследования. – М.: МГУ, 1966, с 135.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. -М., 1986 с. 485.
5. Розенталь Д.Э., Теленькова М. А., Словарь-справочник лингвистических терминов. -М., 1976 с. 533.

6. Fauler R. *Modern English Usage*, 1957.
7. Вандриес Ж. *Язык*, -М., 1937, с. 206.
8. Шмелев Д. Н. *Современный русский язык. Лексика*. -М., 1977 с. 199.
9. Beauvais R.I. "Hexagonal tel qu'on le parle. -P., 1970. p.7.
10. Ларин Б.А. *Об эвфемизмах || История русского языка и общее языкознание*. -М., 1977, с.110.
11. Marouzeau J. *Lexique de la terminologie linguistique*. -P., 1951.
12. Ларин Б. А. Там же с. 101.
13. Merle P. *Lexique du franzaiz tabou, Editions du Seuil*. -P., 1993.

Маматкулов А. «Le politiquement correct» ходисасининг француз тилида ўрганилишига доир. Ушбу маълола нутъ одобини таъминлаш учун ишлатиладиган тил воситаларининг лингвостилистик ва социолингвистик жиҳатларини тақлил қилишга бағишланган.

Mamatkulov A. «Le politiquement correct» as linguostilistic and sociolinguistic phenomenon and ways of expressing it in France. This article is devoted to the analyses of linguostilistic and sociolinguistic features of language means used in achieving speech politeness.

F.Мирсанов

ЎЗБЕК ТИЛИДА ФЕЪЛЛАРНИНГ АКЦИОНАЛЛИГИ ХУСУСИДА

Туркологияда биринчи бўлиб Ф.А. Ганиев чегараланганлик, чегараланмаганлик тушунчаларини қўлайди. У ушбу ходисаларни татар тилидаги лексик-семантик ходиса, деб қисоблайди. Муаллиф татар тилидаги чегараланган хусусиятли феълларга *капларга-*копламоқ, *төшергә-*тушмоқ, *табарга-*топмоқ, *сындырырга-*синдирмоқ, киритса, чегараланмаган феълларга *уйларырга-*ўйламоқ, *эзләргә-*изламоқ, *түзәргә-*чидамоқ, *аңқырга-*анқимоқ, сасимоқ ва контекст таъсирида чегараланган ва чегараланмаган бўладиган нейтрал феълларга *укырга-*ўқимоқ, *язарга-*ёзмоқ, *утырырга-*ўтирмоқ феълларини киритади. Муаллиф келтирган *укырга*, *язарга* феълларининг ўзбек тилидаги *ўқимоқ*, *ёзмоқ* эквивалентлари чегараланмаган хусусиятли феъллар гуруҳига тегишли ҳисобланади. Жумладан, "Ўзбек тилининг изоҳли луғати"да *ёзмоқ* феълнинг иккита ва *ўқимоқ* феълнинг еттита лексик маънолари келтирилади. Келтирилган ушбу лексик маъноларда якуний чегарага интилганлик хусусиятлари кўзга ташланмайди [6; I, 254, II, 527].

А.Н. Тихонов туркий тиллардаги тусни категория сифатида эмас, балки аспектual нуқтаи-назардан талқин қилиш муҳимлигига эътибор қаратади ва «феъл шаклларидаги турли тус маъноларини ўрганишда феълнинг чегараланганлик / чегараланмаганлик хусусиятларини ҳам эътиборга олиш муҳим», - деб ёзади [4; 11]. Р.Д. Лизунова ўзининг «Юриш-ҳаракат феълларининг аналитик конструкциялар семантикаси» номли

номзодлик ишида татар тилидаги юриш-ҳаракат феълларини Э.Р. Тенешев таснифига асосланган ҳолда бир йўналишли юриш-ҳаракат феълларининг семантик таснифи билан боғлайди ва шу йўналма юриш-ҳаракат феъллари ҳосил қиладиган аналитик шаклларнинг аспект хусусиятларига ҳам эътиборини қаратади [2; 22]. Муаллиф юриш-ҳаракат феъллари кўмакчи феъл вазифасида қисман ёки тўлалигича ўзларининг асосий лексик маъноларини йўқотиши натижасида, грамматикализация содир бўлади ва аспектual семантика касб этади, натижада аналитик шакл ясалади, ёки йўналиш маъносини сақлаган ҳолда мураккаб феъл ҳосил қилиши натижасида лексикалашув пайдо бўлади, деган хулосага келади. Р.Д. Лизунованинг фикрига қисман қўшилган ҳолда, аспектual семантика аналитик шакллар билан бир қаторда мураккаб феъл бирикмаларига ҳамда феъл лексемаларининг акционал хусусиятига тегишлилигини қўшимча қилишимиз мумкин, чунки ҳаракатнинг бошланиши, давомийлиги, тугалланганлиги каби семантика мураккаб феъл бирикмаларига ва феъл семантикасига ҳам хос ҳисобланади. Бу каби аспектual маънолар аналитик шаклларда етакчи ва кўмакчи феъллар ҳар бирининг акционал хусусиятига кўра ҳосил бўлса, мураккаб феъл бирикмаларида эса иккала компонентнинг ҳам акционал хусусиятига боғлиқ бўлади.

Ф.А. Ганиев, шунингдек аналитик шаклларни таҳлил қилар экан, қуйидаги фикрни келтиради: "таркибли феълнинг

чегараланганлик / чегараланмаганлиги кўмакчи феълга боғлиқ, агарда кўмакчи феъл чегараланган бўлса, таркибли ҳам чегараланган, агарда кўмакчи феъл чегараланмаган бўлса, таркибли феъл ҳам чегараланмаган” деган хулосага келади [1; 104]. Бизнинг фикримизча, феълларнинг чегараланганлик / чегараланмаганлик хусусиятлари феъл семантикасига тегишли бўлиб, у феъл лексемасида аниқланиши керак. Чегараланганлик, деганда феълнинг лексик-семантик хусусияти тушунилиб, унда феълнинг ички тугал чегараси мавжуд ҳисобланади. Чегараланмаганликда - ўша ички чегаранинг йўқлиги тушунилади. Чегараланганлик / чегараланмаганлик лимитатив нейтрал феъллар семантикасида мавжуд бўлади, улар контекст доирасида аниқланмайди. Феълларнинг чегараланганлик / чегараланмаганлик хусусиятлари акционал фразеда аниқланади. Акционал фраза деганда, феъл лексемасидаги чегараланганлик / чегараланмаганлик хусусиятлари аниқланадиган синтагма тушунилади. Масалан: *уйга кетмоқ* ва *далада санқимоқ* фразаларини олсак. Уларнинг биринчисида чегараланган хусусият, иккинчисида чегараланмаган хусусият ифодаланган. Лимитатив нейтрал хусусиятли феъллар семантикасида ҳам чегараланган, ҳам чегараланмаган хусусиятлар мавжуд бўлади. Масалан: *уйга бормоқ*-чегараланган, *кўчада бормоқ*-чегараланмаган. Хусусан туркий тиллардаги аналитик шакллардаги етакчи ва кўмакчи феъл бирикмаларидаги акционал (чегараланган / чегараланмаган) хусусиятларни алоҳида талқин қилиш мақсадга мувофиқдир. Масалан, *ўқимоқ* феъли чегараланмаган хусусиятга эга, *чиқ-*кўмакчи феъли чегараланган ҳисобланади. *Ухламоқ* феъли чегараланган хусусиятга эга. Ушбу феъл етакчи феъл вазифасида *қол-*, *ёт-*, *ол-*, кўмакчи феъллари билан бирикканда мазкур кўмакчи феъллар *ухламоқ* феъли ҳаракатининг бошланганлик, давомийлик, тугалланганлик каби аспектual маъноларни ҳосил қилган. Шундай қилиб, ҳар қандай етакчи феъл ўзининг акционал хусусиятини сақлайди. Кўмакчи феъллар эса аспект семантикасини ифодалаш учун хизмат қилади. Уларнинг аналитик бирикмаси (*ўқиб чиқмоқ*, *ухлаб қолмоқ*, *ухлаб ётмоқ*, *ухлаб олмоқ*) акционал хусусиятни эмас, балки, бошланган, давомийлик, тугалланганлик каби аспект маъноларини билдиради. Проф. А. Ҳожиев ўз тадқиқотларида ўзбек тилида кўмакчи феъллар ифодалайдиган ҳаракат усулларининг етти хил

тавсифини беради, лекин бу фазаларнинг ички алоқаларини, яъни акционал хусусиятларни изчил ёритиб беришга ҳаракат қилмайди [5; 220].

Ушбу мақолада феълларни лексик-семантик гуруҳларга ажратган ҳолда, уларнинг акционал (чегараланганлик / чегараланмаганлик, лимитатив нейтрал) хусусиятларини таҳлил қилиб чиқамиз. Бу акционал хусусиятлар аналитик шакллар ўзаро бирикишида мураккаб бирикмаларнинг аспектual маъноларини тўлалигича ойдинлаштиради. Ўзбек тилидаги чегараланганлик хусусиятга эга феъллар қуйидагича кўриниш олиши мумкин: 1) юриш-ҳаракат феълларидан: а) сўзловчи ёки объектга йўналган феъллар *‘келмоқ’*, *‘қирмоқ’*, *‘яқинлашмоқ’*, *‘етмоқ’*, *‘қайтмоқ’* *‘чиқмоқ’*, *‘қирмоқ’* ва бошқ.; б) объектдан «узоқлашиш» маъносини ифодаловчи юриш-ҳаракат феъллари *‘кетмоқ’*, *‘жўнамоқ’*, *‘бормоқ’*, *‘чиқмоқ’*, *‘чекинмоқ’*, *‘узоқлашмоқ’*, *‘йироқлашмоқ’* ва *‘йўлга тушмоқ’*, *‘йўлга чиқмоқ’*, *‘йўл олмоқ’* кўшма феъллари; в) объектдан «ўтиш» маъноли феъллар *‘ўтмоқ’*, *‘ошмоқ’* ва бошқ.; 2) объектга таъсир этиш маъноли феъллар: а) *тешимоқ*, *синдирмоқ*, *майдаламоқ* ва бошқ. б) *йиғмоқ*, *тўпламоқ* ва ҳк.; 3) нутқ фаолияти феъллари; *айтмоқ*, *демоқ* ва бошқ. Бу феълларининг семантик қўлланилишида ички чегара (чегарага интилганлик, тугал нуктага интилганлик) мавжуд ҳисобланади.

Чегараланмаган хусусиятли феъллар чегараланган хусусиятли ва лимитатив нейтрал феъллардан ўзларининг якуний нуқтаси йўқлиги билан ажралиб туради. Д.М. Насилов чегараланмаган хусусиятли феъллар хусусида фикр юритаркан, шундай дейди: “чегараланмаган феъллар нотрансформатив воқеликни акс эттириб, яқкаю-ягона «сифатий» аспектualликни амалга ошириб, бир фазали структурага эга бўлади. Улар процесснинг медиал фазаси соҳиби ҳисобланади” [3; 137]. Чегараланмаган хусусиятли феълларга: 1) а) субъектнинг юриш ҳаракат усулини билдирадиган *судралмоқ*, *кезмоқ*, *дайдиммоқ*, *тентирамоқ*, *пилдирамоқ*, *санқимоқ*, *дингилламоқ*, *изгиммоқ*, *лапангламоқ*, *лўккилламоқ*; б) субъектнинг макондаги мақсадсиз ҳаракатини билдирадиган *кезмоқ*, *дайдиммоқ*, *тентирамоқ*, *санқимоқ* феъллари; 2) нутқ фаолияти феъллари: *гапирмоқ*, *сўзламоқ*, *вайсамоқ* ва ҳ.к.; 3) ҳолат феъллари: *ухламоқ*, *ўйламоқ* ва бошқалар қиради.

Лимитатив нейтрал феъллар гуруҳига: 1) а) субъектнинг макондаги ҳаракати ва йўналма феъллари: 'юрмоқ', 'сузмоқ', 'бормоқ', 'учмоқ'; б) интенсив ҳаракатни билдирувчи 'чопмоқ', 'югурмоқ' феъллари: 2) ҳолат феъллари: *ётмоқ*, *турмоқ* киради.

Ўзбек тилидаги феълларнинг акционал хусусияти грамматик шаклга ҳам таъсир этиши аниқланди. Жумладан чегараланмаган хусусиятли юриш-ҳаракат феъллари морфологик баҳсда аналитик шакл ҳосил қила олмайди. Улар гапда фақатгина равишдош вазифасида субъект ҳаракати тарзини, усулини ифодалаб келади. Масалан: *Дадам нўрим шимнинг почасини қайириб ҳандақ ичида*

пилдираб юради (Ў.Ҳошим). Кенг, оппоқ сурп яктагининг барларини, офтобда ҳаллослаган товук қанотлари сингари икки ёққа ёйиб, секин-секин лапанглаб борди (М. Исм.). Феълларнинг акционал хусусияти барча лексик гуруҳ феълларининг грамматик қурилишга ҳар доим ҳам таъсир этмаса-да, феъл семантикасини ёритишда, феълларнинг аспектual маъноларини ёритишда ва баъзан аналитик шаклларнинг ҳосил бўлишида муҳим ўрин тутиши мумкин. Бу каби таҳлил мазкур аналитик бирикмалар ифодаладиган аспектual маъноларни аниқлашда ҳам муҳим аҳамиятга эгадир.

АДАБИЁТЛАР

1. Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка: Проблема глагольного вида в татарском языке. –Казань, 1963.
2. Лизунова Р.Д. Семантика аналитических конструкций с глаголами движения (на материале татарского и других тюркских языков). Автореф. дис. ...канд.филол.наук. -Алма-Ата, 1991, 22с.
3. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. -Л., 1989, 208 с.
4. Тихонов А.Н. К вопросу о видовых значениях прошедшего категорического в тюркских языках.// Уч.зап.НИИ. при С.М. Чув.АССР. вып. 22: Вопросы чувашской литературы и языка. -Чебоксары, 1966, С. 104-112.
5. Ҳоҗиев А. Ўзбек тилида кўмакчи феъллар. -Тошкент, 1966, 220 б.
6. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Т. I,II.- Москва: Рус тили, 1981, 1348 б.

Мирсанов Г. Об акциональности глаголов в узбекском языке. Статья посвящена анализу акциональности глаголов в узбекском языке.

Mirsanov G. Aktionsart in Uzbek verb system. Aktionsart semantics of the verb in Uzbek is determined and analyzed according to telic and atelic semantics.

А.Раҳимов

ДЕРИВАЦИЯ - ТИЛ ТИЗИМИДАГИ УНИВЕРСАЛ ҚОДИСА СИФАТИДА

Инсоннинг борлиғи билиш фаолиятида тасниф ва тавсифлаш қаракати энг асосий омил бўлиб хизмат қилади. Зотан, воъеликни идрок этиш маъсади, аввало, нъзаро льёслаш оръали умумий ва хусусийликларни ойдинлаштирган қолда, фарълашни талаб қилади. Тил қодисаларини билиш истаги кам айнан ана шу қаракат билан бошланади [1]. Кеч шубқа йнълки, билиш фаолиятининг асосий омиллари хусусида айтилган бу мулоказалар тил бирликларининг деривацион жараёнини идрок этишга кам бевосита дақлдордир. Чунки, қар лъандай даврда кам жамият ривож, объектив борлиғи ва табиатда юз берадиган нъзгаришлар, улар қалбидаги кишилар тасаввури ва тушунчасининг бойиши, илмий, маданий ва

маънавий тафаккурнинг камол топиши кабилар тил тизимида янги снълар, турли баръарор синтактик лъурулмаларга бўлган эктиёжни узлуксиз равишда вужудга келтираверади. Биролъ бу билан инсоннинг мулоъот эктиёжи асосида лънйиладиган барча талабларни лъондириб бўлмайд. Чунки инсон мулоъот жараёнида маълумот алмашиш билан бир лъаторда, борлиғи нисбатан ижобий ёки салбий муносабатда бўлиш, образли мушоқада юргизиш асосида номлаш, тасвирлаш имкониятига кам эга. Ана шундай талаблар туфайли тил бирликлари мулоъот жараёнида хилма-хил қосилалар сифатида намоён бўлади. Тилдаги айнан ана шундай лъонуниятларни нърганиш зарурати ясадиш, шаклланиш

жараёнини доимий равишда содир бўлиб турувчи кодиса сифатида фарълаш заруриятини вужудга келтиради.

Деривация термини ва кодисанинг айнани ёринда кун тартибига лъйилишининг асосий сабаби кам тилнинг ривожланиш жараёнини белгилашда асосий омил бўлиб хизмат қиладиган ясаиш, шаклланиш жараёни ва бунинг олимбатида юзага келадиган структур-семантик ва грамматик ўзгаришларни чуқур идрок этиш, унинг тилдаги бошқа кодисаларга бўлган муносабатини белгилувчи умумий ва хусусий лъонуниятларга эгалиги билан ажралиб туришини аниқлаш, ва нисбат, деривация жараёни натижасида юзага келадиган иккиламчи функцияга эга бўлган қосилаларнинг тил ва нутъ тизимида муносабати масаласини ўрганиш каби вазибаларни рўйбга чиқариш билан бевосита боғлиқдир.

Маълумки, деривация кодиса тилшунослик фанига илмий билиш фаолиятининг зарурий имконияти сифатида ўтган асрнинг 30 йилларида чех тилшуноси Е. Курилович томонидан илк бор истисмолга киритилган эди. Бирок тил бирликларининг шаклланиш, ясаиш жараёнини талво эувчи кодисаларини деривация термини билан боғлиқ қолда фаол тадбир этилиши ХХ асрнинг 60-70 йилларига тўғри келди. Аниқроғи, бунда Е. Куриловичнинг «Деривация лексическая и деривация синтаксическая» номли ишининг рус тилига таржима қилиниши, дериватологик тадбиротлар қўламининг янада кенгайиши учун замин қозирлади.

Е. Курилович деривация терминини «шаклланиш», «тармолланиш» деган маънода тушунгани қолда, мазкур кодисанинг икки турини, яъни лексик ва синтактик деривация турларини фарълайди. Олимнинг этирофига, лексик деривация кам, синтактик деривация кам сўз сатқиди юз берадиган жараёндир. Лексик деривация асосида у деривация жараёни натижасида асос ва қосила нисбатидидаги семантик тафовутланишнинг вужудга келишини тушунади. Синтактик деривацияни эса синтактик функцияси ўзгарган луғавий бирликларнинг асос структура оръали англашиладиган мазмуний салмоғи, деб таърифлайди [2]. Мазкур таърифдан англашиладики, синтактик деривациянинг воъеланиши хусусидидаги ўоянинг негизини муайян семантик узвийликка эга бўлган, бирок деривация жараёни натижасида асос ва қосила нисбатидидаги вазилавий тафовутланишнинг

юзага келиши ташкил этади. Масалан, **тош-тошчи** сўзлари воситасида ифодаланган синтактик деривацияда отнинг сифатга «қўчиши» оръали асос ва қосила нисбатидидаги функционал тафовутланиш қозитилади.

Е. Куриловичнинг синтактик деривация назарияси ўтган йиллар мобайнида кенг миллиёсда ижодий бойитилди ва ривожлантирилди. Кейинги йилларда бу борада олиб борилган изланишларда асос маънонинг кенгайиши ёки торайиши оръали юзага келадиган қосиланинг гап ва бошқа нутъ бирликлари таркибидида юзага келиши этиборга олинган қолда, бу кодиса сўз бирикмаси, гап ва матн структурасини ўрганишга кам тадбир этилди. Бунда синтактик деривация жараёнини муайян таянч структура асосиди иккинчи бир қосила структуранинг шаклланишига олиб келувчи морфологик, синтактик ва семантик омиллар билан боғлиқ қолда тадбир этишга этибор лъаратилди. Хусусан, И.П.Распопов, С.Н.Сичёв, У.Л.Чейф томонидан олиб борилган тадбиротларда гапда синтактик деривациянинг воъеланишида морфема ва феъл туркумига мансуб элементларга этибор лъаратилган бўлса, Н.Хомский, В.С.Храковский, О.И.Москальская, Л.Н.Мурзин, Н.Л.Турниёзов, Ъ.Х.Яхшибоев ларнинг тадбиротларида эса бу масала таянч ва қосила синтактик структуралар нисбатидидаги муносабатни юзага келтирувчи трансформация, транспозиция, конверсия, контаминация, компрессия каби лингвистик кодисалар билан боғлиқ қолда ўрганилди. Бундай илмий изланишлар деривация жараёнини тил ва нутъ тизимларига хос янги-янги қосилаларни вужудга келтирувчи нзига хос серъирра кодиса сифатида этироф этилиши учун замин қозирлади [3]. Лъайд этилганлардан маълум бўладики, деривация термини асосиди ифодаланган кодиса тилшуносликда дастлаб нта тор маънода, яъни биргина сўз ясаишига нисбатан лъўлланган бўлса кам, кейинги йилларда олиб борилган илмий изланиш натижалари деривация тил ва нутъ сатқларига хос қосилаларнинг вужудга келишини ифодалувчи универсал кодиса эканлигини тасдиқлайди. Шундай экан, ясаиш жараёнини талво эувчи деривация кодисасига доир навбатдидаги илмий тадбиротлар унинг ана шу серъирра хусусиятидан келиб чиқилган қолда олиб борилиши лозим. Бунда, шубқасиз, деривация қосилаларни вужудга келтирувчи лингвистик лъонуният ва воситалар тавсифи, шунингдек, улар хусусиди лингвистик манбаларда билдирилган мулоказаларни этиборга олиш

кодисанинг умумназарий асосларни ишлаб чиلىшда муқим ақамиятга эга бўлади.

Бироль канузгача «мавжуд лингвистик адабиётларнинг кўпчилигида тил ва нутъ бирликлари кескин фаръланмайди, баъзи тадъильотларда эса уларнинг дифференциал белгилари кўрсатиб ўтилса-да, барча бирликларнинг лингвистик табиати, асосан, тил нутъаи назаридан изоқланади» [4]. Бу мулоқаза, шубҳасиз, тилнинг асосий ривожланиш лўнуниятларини белгиловчи дериватив кодисаларни ўрганишга қам дахлдордир.

Маълумки, деривация сўзи юнонча, *deivatio*-фаръланиш, ясаиш деган маънони билдиради. Н.Љ.Турниёзов мазкур терминни, дастлаб, тор маънода, яъни сўз ясаш кодисаси билан маънодош қолда талъин этилишининг сабаби деривация сўзининг луғавий моқияти билан боғлиқ қолда изоқлайди. Хусусан, унинг ёзишича, деривация сўзи «Французча-русча луғат»да *deivation*- а) ажраиш, тармоъланиш; б) четлаштириш; в) сўз ясаиши; г) айланиб ўтиладиган йўл; д) фарълаш каби маъноларни ифодалаш учун хизмат ўйлади. Кўринадики, деривация сўзи юлорида келтирилган маънолари ичида биргина «сўз ясаиши» тушунчаси грамматик эътиборга молик. Ана шунинг учун қам тилшунослик фанининг қозирги бослўичига ўадар «деривация» атамаси фальатгина лексик планда, яъни сўз ясаиши мазмунида ишлатилиб келинган [5].

Авалло шуни таъкидлаш жоизки, деривация термини замирида ўз ифодасини топадиган ясаиш жараёни ўзига хос интегратив моқиятга эгаллиги билан қам характерланади. Айнан ана шу моқият ясаиш жараёни билан алоълдор сатқларга дахлдор қосилаларни бир умумий деривацион тизим сифатида бирлашишини таъминлайди. Ясаиш асосида акс эъувчи интегративлик, Е.Куриловичнинг изланишларида сўз сатқидаги лексик ва синтактик хусусиятлар билан тафовутланувчи жараёни деривация кодисаси сифатида бирлаштирилиши орълали қам ўз ифодасини топади. Деривация тамойиллари тилшуносликка кириб келган илк даврларда муъладам ишлатилиб келинган сўз ясаишининг лингвистик манбаларда деривация термини билан маънодош (синоним) терминлар сифатида ишлатилиб келинишида

қам айнан ясаишга хос интегратив моқият асос бўлган. Хусусан, лингвистик терминларнинг изоқли луғатларига эътибор ўаратадиган бўлсак, деривация терминининг «аффикслар ёрдамида янги сўз ясаиши» [6], баъзан эса, «аффикслар ва аффикслар ёрдасисиз сўз ясаш» [7], сифатида изоқланиши шундан далоат беради.

Бироль кейинги йилларда ясаиш, шаклланиш жараёни асосида умумий моқиятга эга бўладиган деривация ва сўз ясаиши ўртасида дефференциал белгилар қам юзага кела бошлади. Бунинг асосий сабаби, юлорида гувоқи бўлганимиздек, ясаиш кодисаси билан боғлиқ тамойилларнинг сўз бирикмаси, гап ва матн каби нутъ тизимини талўзо эъувчи бирликларга тадъиль этилиши, илмий билишнинг бу жабқасида ясаиш билан боғлиқ кодисаларнинг динамик ва статик характерлар асосида тафовутланишига олиб келди. Шунинг учун қам, тадъильотларда деривация термини асосида сўз ясаиши билан бир ўаторда «гап, сўзнинг шакллари, сўз бирикмаси, фразеологизмлар, бўғин, такт ва ниқоят матнгача бўлган ясаиш, шаклланиш жараёнининг» тушунилиши эътироф этила бошланди. Айни пайтда бу деривацияни тил бирликларининг «ясаиш, шаклланиш жараёнини ўрганувчи таълимот» сифатида, сўз ясаишини эса, «дериватологиянинг ички кўриниши, бўлимларидан бири» сифатида бутун ва бўлак тамойиллари асосида тафовутланишига олиб келди [8].

Љайд этилганлардан англашиладики, қозирги тилшуносликда деривация жараёни амал ўиладиган лингвистик қудуд ва бунинг асосида юзага келадиган қосилалар ўз характерига кўра икки сатқ билан узвий боғланади. Хусусан, булардан биринчиси, асосан тил тизимида дахлдор бўлиб, сўз ясаиши кодисаси натижасида юзага келадиган луғавий номинатив қосилалар бўлса, иккинчиси, тил бирликларнинг нутъ занжиридаги муайян таянч структура асосида иккинчи бир қосила структуранинг шаклланишини талўзо эъувчи синтактик дериватлардир. Шубҳасиз, бу парадигмада семантик деривация оралиқ учинчи аъзо сифатида қам лексик, қам синтактик қосилаларнинг семантик шаклланиш жараёнини акс эттиради.

АДАБИЁТЛАР

1. Сафаров Ш. Прагматингвистика. –Т., 2008. С. 8.

2. Курилович Е. Деривация лексическая, деривация синтаксическая// Очерки по лингвистике. – М., 1962. С. 61.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. С. 129
4. Хайруллаев Х. Нутъ бирликларининг поғонали муносабати. – Самаръанд, 2008. 3-б.
5. Хайруллаев Х. Нутъ бирликларининг поғонали муносабати. – Самаръанд, 2008. 3-б.
6. Турниёзов Н.Љ. Ўзбек тили деривацион синтаксисига кириш.- Самаръанд, 1990. С.5.
7. Кожиев А. Ўзбек тили сўз ясалиши. – Тошкент, 1989, С. 31.
8. Розенталь Д.Э., Мельникова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976, С. 92.

Рахимов А. Деривация - как универсальное явление в системе языка. Статья посвящена истории появления теории деривации.

Rahimov A. Derivation as a universal phenomenon in the language system. The article reflects the history of foundation of the derivation theory. The author studies the derivation as a universal phenomenon in the language system.

И. Сиддикова

ПРИНЦИПЫ СЛОВАРНОЙ МИНИМИЗАЦИИ СИНОНИМИЧЕСКОЙ МИКРОСИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

I. Актуальной проблемой общей и прикладной лингвистики является словарное описание сущностных характеристик языковой системы (синонимия, полисемия, омонимия, вариантность) [А.М.Бушуй, 1981, с.181]. При этом заслуживает самого пристального внимания опыт, накопленный в различных национальных словарных школах [Т.А.Бушуй, 1993, с.3-7; R.M.Martin, 2008, с.14-15]. Рассмотрим итоги российских словарников в минимизации синонимических средств русского языка.

Определение понятия синонимии с наибольшей полнотой отражено в трудах А.П.Евгеньевой. Ср.: «Синонимами следует считать слова, обозначающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по значению слова, которые определённым образом соотносены в данное время в языке и служат детализации и различению тонких смысловых оттенков понятия или выражению экспрессивных, стилистических, жанровых и иных различий. Синонимы – объективно существующая в языке лексико-семантическая категория, прекрасно осознаваемая всеми говорящими (и пишущими) на данном языке и поэтому определённым образом используемая в речи» [А.П.Евгеньева, 1966, с.29].

Проанализируем два типа синонимических словарей русского языка, которые составили В.Н.Клюева (1961) и З.Е.Александрова (1975).

II. Краткий словарь синонимов русского языка В.Н.Клюевой (КССК).

Приведем типичные образцы синонимов в КССК:

Бездомный – бесприютный

Эти слова объединяются значением – «не имеющий крова, дома, приюта»; «тот, кому негде жить». «Бездомный» может иметь оттенок – «не знающий родного дома, семьи»; «бесприютный» этого оттенка не имеет. Примеры: Однажды в слободку, занесенную снегом, постукивая перед собой палками, вошли слепые, старик со старухой. Это были несчастные, бездомные старики. В половодье этот дом из года в год подмывала вода, но он, весь от крыши до основания покрытый зеленой коркой плесени, несокрушимо стоял, огражденный лужами от частых визитов полиции, стоял и – хотя у него не было крыши – давал кров разным темным и бесприютным людям (М.Г.). Настанет очень, время холодное, когда бесприютному человеку западает мысль о тепле, о теплом кафтанчике (уст.).

Беспокойство – волнение, тревога, смятение.

Эти слова объединены значением – «отсутствие покоя».

Кроме того, слово беспокойство обозначает ещё и «заботы», «хлопоты». Последнего значения другие слова этого рода не имеют. Слова волнения, тревога, смятение указывают на большую степень беспокойства или связанную с тяжелыми переживаниями (как в слове «тревога»), или же характеризующуюся особо возбужденным состоянием (как в слове **волнение** и особенно в слове **смятение**).

Примеры. В лице ее я заметил какое-то нервное **беспокойство**. Она ждала, тревожно прислушиваясь, и внезапно вздрогнула, когда

снаружи донесся к нам глухой смешанный шум (Кор.). **В волнение** радостном народ бежит за всадником, теснится (П.). – Это правда, правда, Ваня! Алеша именно такого характера. Он бы успокоился на мой счет; **тревога** бы у него прошла за меня (Дост.). Он (Мечик) посмотрел на свои тонкие исхудавшие пальцы, ноги под одеялом, скованные лубками, и старые, загнанные внутрь обиды вспыхнули в нем с новой силой, и душа его сжалась в **смятении** и боли (Фад.).

Бессмыслица – нелепость

Галиматъя	вздор белиберда
ерунда	околесица
чепуха	ахиня
чушь	абракадабра
дичь	нонсенс

Эти слова объединяются значением – «то, чего нельзя понять, что совершенно не соответствует здравому смыслу». **Абракадабра** (от латинского *abracadabra* – магическая формула) – **бессмысленный** набор слов. **Нонсенс** (заимствованное из английского, книжное) «несообразность, бессмыслица».

Отметим характер расположения словарных статей в КССК.

КССК был издан в 1956 году (М.: Успедгиз.) и содержит около 1500 синонимов; 2-е издание вышло в 1961 году: в нем уже около 3000 синонимов. Он является первым опытом создания сугубо синонимического словаря, предназначенного для специалистов – русистов.

КССК включает следующие части:

1. Список условных сокращений.

2. Вступительная статья «О синонимах и синонимическом словаре», написанная В.Н.Клюевой. В ней рассказывается о проблемах синонимии и принципах составления синонимического словаря.

Автор различает три типа синонимии: а) грамматическая, б) лексическая, в) словообразовательная. Однако тут же автором подчеркивается: «При определении синонимов мы имеем в виду только лексическую и к тому же синонимии современную, потому что в процессе исторического развития отдельные слова перестают быть синонимами, и, наоборот, те, которые прежде не были синонимами, становятся ими. Например, слово «гость» в современном русском языке перестало быть синонимом к слову «купец» ... При определении сущности синонимов сведение их к одному и тому же или близкому понятию составляет только часть характеристик, вторая же часть ее должна

заключаться в установлении отличия одного синонима от другого. Поэтому можно определить синонимы как два слова – понятия, отражающие сущность одного и того же явления объективной действительности, различающиеся дополнительными оттенками в значении и служащие не для подмены друг друга, а для уточнения мысли и нашего отношения к высказываемому.

Так как при определении синонима чрезвычайно важно выявить его отличительные оттенки, то следует указать на те области, где нужно их искать. Синонимы могут отличаться друг от друга 1) по признакам, входящим в состав значения, 2) по стилистическим признакам и 3) по признакам употребления и связанности с теми или иными словами нашей речи» (с.8).

В статье далее обсуждается, каким должен быть словарь синонимов, какие сведения должен содержать, каковы должны быть принципы отбора синонимов. Автор – составитель подчеркивает, что нельзя считать синонимами слова родовые и видовые, видовые понятия между собой, слова с той или иной оценкой и лишенные ее, слова разных социальных планов и слова, имеющие специфическую дополнительную окраску значения.

В этой же статье излагаются вопросы, касающиеся состава словаря и структуры словарных статей.

3. Словарная часть (от «А» до «Ю»).

4. Индекс алфавитный, т.е. перечень всех синонимов, анализируемых в словаре.

5. Индекс синонимических рядов, т.е. перечень всех синонимических рядов, приведенных в словаре. Перечень дан в алфавитном порядке первых букв доминант.

Для КССК были отобраны наиболее употребительные слова-синонимы из толковых словарей русского языка. В отличие от словарей синонимов, изданных раньше, КССК содержит больше сведений о синонимах: кроме пояснений приведены также и оправдательные примеры, а в отдельных случаях дается и этимология. Словарные статьи расположены в алфавитном порядке первых букв доминанты, а способ расположения слов – гнездовой.

Как правило, словарные статьи содержат следующие элементы: 1) слово-доминанта (заглавное слово), 2) лексические синонимы, 3) пояснение значений и оттенков значения синонимов, содержащее в необходимых случаях и указания на их грамматические и лексико-семантические особенности, 4)

стилистическая характеристика, 5) иллюстративный материал, включающий в себя а) цитаты из различных источников и б) указание источников цитат. В качестве примера приведем две словарные статьи:

Думать, мыслить, размышлять.

Эти слова объединены значением – «совершать мыслительный процесс». «Думать» - слово наиболее широкого значения, означает – совершать любой мыслительный процесс. «Думать» - ещё не значит делать какие-нибудь умозаключения. Напротив, «мыслить» (слово книжного стиля) - это сопоставлять мысли и делать из них выводы. «Размышлять» - думать о чем-нибудь определенном, стараясь прийти к каким-нибудь выводам.

Примеры: Я думал уж о форме плана и как героя назову (П.). Жить – значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать: всякая другая жизнь-смерть (Бел.) – Я много жила одна; по неволе размышлять станешь (Т.).

Слушать, внимать. Эти слова объединяются значением – «воспринимать слухом разные звуки, шумы, речи». «Внимать» отличается от «слушать» стилистически: это слово поэтического стиля. Примеры: Человеку даны два уха, чтобы слушать, и один язык, чтобы говорить (С.-Из.). Окончив труд дневных забот, я часто о тебе мечтаю: Бродя вблизи пустынных вод, Вечерним выстрелам внимаю (Я.).

Вышеприведенные словарные статьи состоят из небольшого количества элементов, так как характер синонимов не требует больше информации и сам синонимический ряд состоит всего из двух-трех членов, не обладающих оттенками (как автор – составитель указывает, «окрасками») значений.

Ценность КССК заключается в том, что, во-первых, он является первым опытом подобного рода, во-вторых, в нем правильно поставлены основные принципы разработки материала, в-третьих, отбор слов-синонимов является весьма удачным, в-четвертых, иллюстративный материал верно отражает значение и правильное использование того или иного синонима, в-пятых, выделены доминанты синонимических рядов.

Разумеется, он не лишен некоторых недочетов, появление которых следует считать закономерным, ибо подобные краткие словари не могут полностью осветить всех затронутых автором вопросов по синонимии и т.д. Среди таких недочетов можно отметить следующие: 1) отсутствие грамматической характеристики синонимов, включая их семантические

валентности, 2) отсутствие знака ударения на заглавных словах – синонимах, 3) отсутствие перечисления значений синонимов, 4) наличие устарелых слов– синонимов и т.д.

Новое, исправленное и значительно дополненное, издание является более усовершенствованным трудом.

III. Словарь синонимов русского языка
З.Е.Александровой (ССА).

Приведем типичные образцы синонимов в ССА:

Бесприкословно; без (всяких) отговорок, безоговорочно (разг.)

Бесприкословный; безоговорочный (разг.)

Беспрепятственно; свободно без помех, без задержки;

безвозбранно (книжн.); невозбранно (уст.)

Беспрепятственность, свобода

Беспрепятственный, свободный;

безвозбранный (книжн.); невозбранный (уст.).

Беспринципно, непринципиально

Беспринципность, непринципиальность

Беспричинно, немотивированно, неизвестно почему, без (всякой) причины, без (всякой) повода ни с того ни с сего; за здорово живешь (прост.) Ср. необоснованно.

Беспричинность, немотивированность. Ср. необоснованный.

Беспричинный, немотивированный. Ср. необоснованный.

Беспутно: разгульно, бесшабашно (разг.); непутево (прост.).

Беспутный; разгульный, бесшабашный (разг.); забулдыжный, непутевый, непутный, (прост.).

Беспутство, разгул, разгулье (разг.)

Бессвязанно, несвязанно, отрывочно, путано.

Бессвязанность, несвязанность отрывочность, обрывочность.

Бессвязанный, несвязанный, отрывочный, обрывочный, разорванный, спутанный, путаный (ни складу ни ладу в чем).

Бессемейный 1. одинокий, безродный, один как перст, без роду и племени. 2. в знач. сущ.: одиночка, бобыль (разг.).

Бессердечно, бездушно

Бессердечность, бессердечие, бездушность, бездушие, черствость, очерствелость.

Отметим характер расположения словарных статей в ССА.

ССА отличается от КССК не только своим объемом (в ССА девять тысяч синонимических рядов), но также презентацией материала и самой целью назначения. Он впервые был

издан в 1968 году, 4-е стереотипное его издание вышло в 1975 году (М.: РЯ) под ред. Л.А.Чешко.

В словаре даны слова-синонимы и синонимичные им словосочетания, составляющие синонимические ряды, во многих из которых даются указания на имеющиеся особенности употребления синонимов в речи, а также стилистическая характеристика синонимов. Словарь носит практический характер и рассчитан в первую очередь на писателей, журналистов, переводчиков, а также лиц, изучающих русский язык за рубежом.

Большое практическое значение этого словаря заключается прежде всего в том, что в нем собран большой практический материал. Сюда включаются лексические, грамматические и фразеологические синонимы, образующие достаточно представительно синонимическую систему языка.

В ССА имеются следующие части:

1. Вступительная статья «О синонимах и словаре синонимов русского языка», включающая в себя разработку таких вопросов, как общие проблемы создания словарей синонимов и проблемы определения сущности синонимии. В отношении последней автор-составитель придерживается следующего мнения: «Наиболее распространенным (нередко называемым традиционным) пониманием синонима является следующее: синонимами признаются слова, выражающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по своему значению, которые отличаются один от другого или оттенками значения, или стилистической окраской (и сферой употребления), или одновременно обоими названными признаками» (с.5).

В вступительной статье даётся краткий обзор русских синонимических словарей и их типов, включая и анализируемый ССА. Статья написана редактором словаря Л.А.Чешко.

2. Вступительное слово «От авторов», в котором говорится о том, что в основу ССА легла картотека, составленная в течение ряда лет во время переводческой работы. Кроме того, автором-составителем особо подчеркивается специфика этого практического пособия и трудности, встречавшиеся при составлении синонимических рядов.

3. Статья «Как пользоваться словарем».

4. Список сокращений.

5. Словарная часть (от «А» до «Я»).

Материал в словаре расположен в алфавитном порядке первых букв доминант, а также и других членов ряда. Каждый член ряда,

таким образом, встречается в двух местах в ССА: в отдельной ссылочной статье, расположенной в порядке алфавита, со ссылкой на заглавное слово (доминанты) ряда и в самом ряду. Такое расположение синонимов не касается синонимов-словосочетаний: они помещены в словаре лишь в соответствующем ряду.

Словарные статьи содержат следующие элементы:

- 1) заглавное слово (доминанта),
- 2) синонимический ряд, состоящий из двух или более членов,
- 3) стилистическая характеристика,
- 4) грамматическая характеристика,
- 5) лексико-семантические валентности (не у всех синонимов),
- 6) перечень значений синонима (доминанты),
- 7) пометы и указания различного назначения.

В качестве примера для большей наглядности приведем две словарные статьи:

Думать 1. Мыслить, размышлять, раздумывать, предаваться размышлениям (или раздумью), задумываться; мозговать, мерекать, кумекать (прост.); помышлять (уст.); мекать (уст. прост.); раскидывать умом (или мозгами); шевелить мозгами (прост.). / думать думу; думать думушку (народно-поэт.)/. 2. см. предполагать (I). 3. см. задумывать. 4. см. заботиться (I). 5. см. подозревать.

Слушать 1. выслушивать, прослушивать; внимать (уст. поэт.); склонять (или приклонять) слух к кому - чему (уст. книжн.) / доверчиво, с увлечением: развесить уши (прост.) 2 см. подчиняться.

Если сравнить эти две словарные статьи с приведенными в разделе КССК, то сразу обнаружатся явные различия между их структурой и составом. Таких различий в основном четыре:

- 1) отсутствие в ССА пояснений к синонимам,
- 2) отсутствие в ССА иллюстративного материала,
- 3) перечень значений и оттенков значений синонимов и
- 4) наличие синонимов – словосочетаний, включая фразеологизмы.

Вместе с тем ССА обладает явными преимуществами по сравнению с другими синонимическими словарями:

1. Компактность.
2. Большой языковой материал, охватывающий все стили русского языка и принадлежащий к активной широкоупотребительной лексике.

3. Практичность, проявляющаяся в его компактности, в хорошо разработанной структуре словарных статей.

ССА не лишен некоторых недостатков, среди которых можно назвать следующие:

1. Отсутствие семантических валентностей у синонимов.

2. Отсутствие полной грамматической характеристики.

3. Неполнота синонимических рядов.

Первые два замечания касаются всех синонимов, а в отношении третьего необходимо отметить частный характер такого явления. Например, в словарной статье «громко» перечислены все лексические синонимы, но пропущены словосочетания «во весь голос», «во весь рот», «во все горло», «во все глотку», «во всю гортань». Упомянуто лишь одно словосочетание: «во всю ивановскую».

В целом же, ССА является ценным справочным пособием, опыт создания которого до сих пор заслуживает внимание.

Краткое рассмотрение словарного опыта систематизации синонимии русского языка позволяет сделать следующие обобщения:

1. Разработка программы словаря синонимов русского языка представляется исключительно сложной.

2. План собирания и изучения синонимов весьма разнообразен: изучаются синонимические явления с точки зрения языка,

его структуры, особенностей синонимии индивидуального стиля писателя.

3. Словарь синонимов можно составить только тогда, когда ясно, что обозначает термин «синоним», когда составители располагают достаточно полным собранием фактов, обозначаемых этим термином.

4. Постоянное развитие и пополнение синонимии является одним из основных и решающих внутренних законов языкового развития.

5. Синонимами следует считать слова, обозначающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по значению слова, которые определенным образом соотнесены в данное время в языке и служат детализации и различению тонких смысловых оттенков понятия или выражения экспрессивных, жанровых и иных стилистических значений. Иначе говоря, синонимом в полном смысле слова следует считать такое слово, которое определилось по отношению к своему эквиваленту (к другому слову с тождественным или предельно близким значением) и может быть противопоставлено ему по какой-либо линии: по тонкому оттенку в значении, по выражаемой экспрессии, по эмоциональной окраске, по стилистической принадлежности, по сочетаемости, а следовательно, занимает свое место в лексико-семантической системе литературного общенационального языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Под редакцией Л.А.Чешко. – М.: Русский язык, 1975. – 600с.
2. Бушуй А.М. Заметки о фразеологической системности (словность, деривация, кодификация) // *Studia Russica*, IV. Budapest, 1981. – С. 181-222
3. Бушуй Т.А. Фразеологическая синонимия в русско-национальном словаре // *Вопросы фразеологии и словообразования*. – Самарканд: СамГУ, 1993. – С. 3-7
4. Евгеньева А.П. Основные вопросы лексической синонимии. Очерки по синонимике современного русского литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН, 1966.
5. Ключева В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1961. – 399с.
6. Martin R.M. *Toward a Systematic Pragmatics*. – Amsterdam: North Holland, 2008. – 440p.

Сиддильова И. Рус тили синонимик микротизимининг минималлаштириш тамойиллари. Мальолада рус луфатшуносларининг рус тилидаги синонимик воситаларни луфатда минималлаштиришдаги малакаси умумлаштирилади. Бунда асосий этибор материални танлаш ва интерпретация лилишга ларатилган.

Siddikova I. Principles of vocabulary minimization of synonymic micro system of the Russian language. The experience of Russian lexicographers in the sphere of minimizing synonymic means of the Russian language is generalized. Special attention is paid to the choice and interpretation of the material.

ТИЛ САТҲЛАРИ ВА УЛАРНИ ТАШКИЛ ЭТУВЧИ БИРЛИКЛАРНИНГ ЎЗАРО МУНОСАБАТЛАРИ ХУСУСИДА

Сўнгги йилларда мамлакатимиз тилшунослигида ҳам жаҳон тилшунослиги андозаларига асосланган фундаментал тадқиқот ишлари вужудга кела бошлади. Мазкур ишларда, шубҳасиз, умумий тилшунослик доирасида қўлга киритилаётган ютуқлардан ўринли фойдаланилаётганини ижобий баҳолаш лозим. Маълумки, ҳеч бир фан фақат ўз қобиғида иш олиб боролмайди ва бу орқали бирор муваффақиятга ҳам эришиб бўлмайди. Шу боис жаҳон тилшунослигида қўлга киритилган ютуқлар барча тиллар тараққиёти учун бир хилда хизмат қилмоғи лозим. Шундай бўлгач, тилшунослик фанининг фундаментал назариялари ҳар бир хусусий тилшуносликнинг тараққиёти учун муҳим аҳамият касб этиши табиийдир. Бу ўринда академик И.И.Мешчаниновнинг қуйидаги сўзларини алоҳида таъкидлаш зарур деб ўйлаймиз: «Умумий тилшуносликнинг муаммолари алоҳида олинган тилларнинг конкрет материални ўрганиш орқали ҳал этилади» [1. 7].

Мамлакатимиз тилшунослари томонидан кейинги йилларда яратилган тадқиқот ишларининг аксарияти жаҳон тилшунослигида долзарб бўлган масалалар талқинига бағишланмоқда. Бундай ишлар жумласига қуйидагиларни киритиш мумкин: «Ўзбек тилининг мазмуний синтаксиси», «Функционал синтаксисга кириш», «Ҳозирги ўзбек тилида қўшма гапларнинг шакл-вазифавий (формал-функционал) талқини», «Эргаш гапли қўшма гап конструкцияларида семантик-сигнификатив парадигматика», «Ўзбек тилида предикатив синтагманинг трансформацияси», «Ўзбек тили систем лексикологияси асослари», «Ҳозирги ўзбек тилида гап бўлақларининг семантикаси ва грамматикаси», «Ўзбек тилида матннинг прагматик талқини», «Когнитив тилшунослик», «Прагмалингвистика», «Қиёсий тилшуносликнинг назарий асослари», «Тил қурилиши: таҳлил методлари ва методологияси», «Тил нормасининг тарихи ва назарияси», «Матн лингвистикаси» ва бошқалар.

Мазкур тадқиқот ишларида семантик синтаксис, функционал таҳлил, тил бирликларининг парадигматик ва синтагматик муносабатлари, трансформацион назария, нутқ бирликларининг прагматик омиллар қуршовидаги талқини, қиёсий тилшунослик ва

унинг долзарб муаммолари, тил меъёри, когнитив тилшунослик асослари, прагмалингвистика ва унинг вазифалари каби долзарб масалалар хусусида баҳс юритилади. Бу, албатта, асосан анъанавий лингвистик (аникроғи, мантикий-лингвистик) тамойиллар қолипида тадқиқот ишлари олиб борилаётган тилшунослигимиз учун собит қадам бўлди. Бироқ фан ҳар доим тараққиётда бўлгани боис, тилшунослигимиз олдида ҳали ўз ечимини кутаётган масалалар ҳам оз эмас. Ана шундай муаммолардан бири тил ва нутқ бирликларининг поғонали муносабати илмий талқинидир.

Шуни алоҳида таъкидлаш лозимки, сатҳ тушунчаси дастлаб америкалик файласуф-материалистлар томонидан тадқиқотлар кун тартибига қўйилган эди. Бошқача айтганда, мазкур тадқиқот ишларида структур сатҳ тушунчаси қўлланилгани кузатилади. Бироқ бунда бу тушунча ҳали лингвистик маънода эмас, балки жонли мавжудотларга нисбатан ишлатилиб, биологик маъно касб этган (Г.Ч.Браун, Р.В.Селларс) [2.4]. Сатҳ тушунчаси кейинчалик дескриптивистлар томонидан лингвистик таҳлил босқичи маъносида истеъмолга киритилди. Мазкур тушунча шундан сўнг таҳлил поғонаси ёки даражаси тарзида методик нуқтаи назардан қўллана бошлади.

Шубҳасиз, сатҳ тушунчаси поғонали муносабат тушунчаси билан узвий боғлиқ. Аммо сатҳни турлича тушуниш мумкин. Шу боис дескриптивистларнинг бу борадаги мулоҳазалари ҳам ўзига хосдир. Масалан, америкалик таниқли дескриптивистлардан бири Г.Глисоннинг қуйидаги фикрларига эътибор берайлик: «Структура языка имеет несколько уровней. В целях наиболее успешного рассмотрения каждый из них должен быть четко отграничен от всех других. Тем не менее они не являются совершенно независимыми друг от друга. При анализе каждого более высокого уровня структуры следует исходить из единиц более низкого порядка. Так, определяя морфему, лучше всего исходить из фонемы. ...каждый уровень зависит отлежащих ниже, но описывается вне зависимости от вышележащих. Каждый из уровней структуры языка должен быть описан отдельно, хотя лингвистический анализ их ведется более или менее одновременно» [3. 108].

Америка дескриптивизмининг кейинги босқичи вакиллари— структурализм намоёндалари (З.Харрис, Дж.Л.Трейджер, Ю.А.Найда, Н.Хомский ва бошқалар) сатҳ (level) тушунчасини тил бирликлари билан боғлаб, поғона тушунчасини ҳам тадқиқотлар кун тартибига киритадилар.

Прага тилшунослик мактаби вакиллари томонидан бажарилган тадқиқот ишларида сатҳ тушунчаси анча мукамал талқин этилди. Мазкур мактаб намоёндаларининг лингвистик назарияларида, америкалик структуралистлардан фарқли равишда, тил бирликлари таҳлили уларнинг нутқда бажарадиган функциялари билан узвий боғлиқ ҳолда олиб борилди. Бундан ташқари, улар маъно тушунчасидан (лингвистик ва грамматик) йироқлашмадилар. Бунда Н.Трубецкойнинг дастлаб 1939 йилда немис тилида чоп этилган «Фонология асослари» (1960 йилда рус тилига таржима қилинган), А.Мартиненинг «Умумий тилшунослик асослари» асари, В.Матезиуснинг гапнинг актуал бўлаклари ҳақидаги таълимоти, В.Скаличка ҳамда Л.Новакларнинг фонология муаммоларига оид қатор тадқиқот ишлари муҳим аҳамият касб этди ва ҳозирги пайтда ҳам мазкур ишлар тил системаси ва структурасини ўрганишда дастуриламал бўлиб қолмоқда.

Н.Трубецкой фонологик сатҳ бирликларининг мукамал тавсифини бериш учун жаҳоннинг икки юздан ортиқ тилига мурожаат этди ва ўзининг ғоят муҳим аҳамиятга эга бўлган фонологик таълимотини яратди. Олим фонема ва морфема ўртасидаги муносабат талқинини мохирона бера олди ва бунинг натижасида морфонология тушунчасига биринчилардан бўлиб асос солди.

А.Мартиненинг лингвистик назарияси асосида функционал таҳлил муаммоси ётганлигини кўрамиз. Мартиненинг функционал таҳлил назарияси жаҳон тилшуносларининг барчаси томонидан тўлиқ тан олинганлиги билан ажралиб туради. Мазкур назария, асосан, тилнинг морфематик ва сўз сатҳи бирликлари талқини, уларнинг функционал қимматини ёритишда муҳим аҳамиятга эга.

В.Матезиуснинг гап сатҳи унсурларининг семантик-функционал талқинига бағишланган гапнинг актуал бўлаклари назарияси ҳам ҳозирги кунгача ўз қимматини йўқотгани йўқ. Айни пайтда ҳам гап компонентларининг тема-рематик муносабати масаласи талқинига бағишланган монографик тадқиқотлар бажарилмоқда (И.П.Распопов, Н.А.Слюсарова

ва бошқалар). Тилнинг фонематик сатҳи бирликлари функционал таҳлили бобида Прага тилшунослик мактабида улкан тадқиқот ишлари амалга оширилди. Бу борада Н.Трубецкой, Р.О.Якобсон, В.Скаличка, Л.Новак каби тилшунослар катта ютуқларга эришдилар.

Тил сатҳлари ва уларнинг ўзаро муносабатига доир француз тилшуноси Э.Бенвенистнинг мулоҳазалари ҳам илмий жиҳатдан салмоқли аҳамият касб этади. У тил материалининг лингвистик таҳлили учун сатҳ тушунчасининг аҳамияти катта эканлигини таъкидлайди ва бунда берилган материални сегментлаш яхши натижа беришини эслатиб ўтади. Тил материалининг сегментланишининг сўнгги босқичида фонемалар қолишини, агар шундан кейин ҳам таҳлил давом эттириладиган бўлса, фонемаларнинг дифференциал белгилари ҳақида маълумот олиш мумкинлигини кўрсатиб беради. Бундан ташқари, Э.Бенвенист энг кичик сегментлар фонемалар эканлигини, дифференциал белгилар эса сегмент мақомига эга эмаслигини ҳам атрофлича ёритади [4.129-131].

Тил материалини сегментлаш муҳим аҳамиятга эга эканлиги изоҳ талаб қилмайди, чунки мазкур таҳлил воситаси орқали тил бирликларининг ўзаро муносабатинигина эмас, балки уларнинг ўзлари тегишли бўлган сатҳ доирасидаги ўрнини ҳам белгилаш мумкин. Масалан, фонематик сатҳ бирликларини тил материалини сегментлаш орқали белгилай оламиз. Бироқ мазкур операцияни субфонематик сатҳ (фонеманинг дифференциал белгилари) унсурларига нисбатан қўллаб бўлмайди, зеро, улар муайян фонемаларнинг ички дифференциал белгиларини тақозо этади, холос. Субфонематик сатҳ унсурларини таҳлил жараёнида бошқаси билан алмаштириш мумкин. Мазкур усул тилшуносликда **субституция усули** деб аталади. Албатта, субституция усули ҳам маълум мақсадда қўлланилади. Масалан, бирор фонеманинг ўзига хос дифференциал белгиларининг нутқ жараёнида бажариши мумкин бўлган функционал қимматини аниқлашда мазкур усулдан фойдаланиш яхши натижа беради. Демак, сегментланиш хусусияти субфонематик сатҳ унсурларига эмас, балки фонемаларга хосдир.

Бироқ фонемани тил материалининг сегменти тарзида ўрганиш унинг муайян объект таркибидаги ўрнини аниқлашимиз учун аҳамиятли бўлса ҳам, бу орқали унинг функционал фаоллиги хусусида мулоҳаза

юрита олмаймиз. Уни ўзидан катта бирлик сатҳида ўрганганимиздагина функционал киммат ҳақида фикр билдиришимиз мумкин ва бир пайтнинг ўзида фонемадан катта тил бирликлари морфема ёхуд сўз хусусида ҳам баҳс юрита оламиз [4.131-135].

Баъзи сўзлар борки, улар бир йўла тилнинг уч хил бирлиги талабларига жавоб бера олади. Масалан, у графемасини олайлик. Мазкур элемент фонематик, морфематик ва сўз сатҳларининг ҳар бирининг элементи вазифасида талқин этилиши мумкин. Бироқ уни морфема деб, ёки сўз деб талқин этганимизда тилнинг кичик сатҳи бирлиги мақоми нейтраллашади деб тушунмаслигимиз керак. Бошқача айтганда, уни морфема тарзида ўрганганимизда фонематик сатҳ бирлиги морфематик сатҳ бирлигининг таркибига кираётгани, у билан поғонали муносабат ташкил этаётгани ўз кучини тўлиқ сақлайди. Шунингдек, у морфематик сатҳ бирлиги сифатида сўз таркибига кираётганида ҳам морфема ва сўз ўртасидаги поғонали муносабат тўлиқ сақланади. Бундай вазиятда фақат шунга эътибор беришимиз керакки, айтилган пайтда тилнинг фонематик, морфематик ва сўз сатҳлари бирликларининг ифода материали бир хил бўлади, холос.

Равшанки, тилнинг сўз сатҳи доирасида воқеланувчи поғонали муносабат таҳлилига етганимиздан сўнг, поғоналилиқ ҳодисаси мақоми кескин ўзгаради. Зотан, энди тил бирлиги – сўз билан нутқ бирлиги – гап ўртасида иерархик боғланиш вужудга келади.

Шу нарса эътиборга молики, гап тилнинг барча сатҳлари бирликларининг ўзаро кесишиши объекти саналади. Бунда фонематик, морфематик ва сўз сатҳларининг ҳар бири реал қўлланиш учун имкон топади. Гап таркибида келаётган ҳар бир сатҳ бирликлари ўз-ўзлари билан **дистрибутив**, юқори сатҳ бирликлари билан эса **интегратив** муносабат ташкил этади [4.136-137].

Муайян тил бирлигини, масалан, сўзни кичик бирликларга сегментлаш шу бирликнинг конститутив (ташкил этувчи) унсурлари ҳақида маълумот беради. Конститутив унсурлар, албатта, таҳлил этилаётган бирлик сатҳидан кичик сатҳга тегишли бўлади. Демак, бу жараён сегментланаётган бирликнинг формаси хусусида маълумот беради. Шу бирлик таркибида жамланиб унинг таркибий қисмини ташкил этаётган кичик сатҳ бирликлари маъно ифодаси билан боғлиқ бўлади. Бошқача айтганда, муайян бирликнинг интегратив хусусияти маъно ифодасини беради. Катта

бирлик ичида кичик бирликлар маълум қоидалар (фонетик, грамматик) асосида ўзаро бириколмас экан, бу ўринда интеграция тушунчаси нолга тенг бўлади. Бу ҳақда сўз юритганида Э.Бенвенист Ф.де Соссюрнинг қуйидаги мисолини келтиради: «Белгининг ифодаловчи ва ифодаланувчи жиҳатларини кўп пайтларда гавда ва руҳ қоришувини тақозо этувчи инсон (шахси) билан қиёс қилишадилар. Бироқ бундай қиёс унчалик ўринли эмас. Бунда бирор қимёвий қоришувни мисол келтириш мақсадга мувофиқроқ бўларди. Масалан, кислород ва водород қоришувидан иборат бўлган сувни олайлик. Агар мазкур унсурларни алоҳида оладиган бўлсак, уларнинг бирортаси ҳам сув хусусиятига эга бўлолмайди» [4.137]. Бу тил бирлигининг интегратив хусусияти ниҳоятда муҳим аҳамиятга эга эканлигидан далолат беради, албатта.

Тил сатҳлари бири иккинчиси билан узвий боғлиқ бўлса ҳам, уларнинг ҳар бири ўзича бир хил бирликлар макропарадигмасини жамловчи нисбий автоном механизмларни тақозо этади. Бироқ реал қўлланишига кўра мазкур автоном механизмлар бирликлари ўзидан катта автоном механизмлар таркибига кирмоғи лозим. Бу жараёнда улар иккинчи сатҳ учун қурилиш материали ҳамда унинг интегрантлари вазифасини бажаради. Бошқача айтганда, ҳар бир автоном механизм бирлиги ўзидан катта бирлик сатҳида тил бирликларини интеграциясини ташкил этади. Масалан, фонематик сатҳ бирликлари – фонемалар морфематик сатҳ бирлиги – морфема таркибига кирганда ундан кичик бирликлар интеграциясини ҳосил қилади [5.146-147].

Бу тарздаги тил бирликлари муносабатини нафақат фонематик, морфематик сатҳлар доирасида, балки морфематик ва сўз сатҳлари, сўз ва гап сатҳларининг ўзаро боғланишида ҳам кузатамиз. Бу, ўз навбатида, тил бирликларининг функционал қиймат касб этиши уларнинг ўзаро муносабатига узвий боғлиқ эканлигини кўрсатади. Тил бирликлари уч хил: парадигматик, синтагматик ва иерархик муносабатда бўлади. Бироқ мазкур муносабатларнинг ҳар бири ўзига хос хусусиятларга эгадир. Агар парадигматик муносабат тил бирликларининг ўзлари тегишли бўлган сатҳ доирасидаги муносабатини тақозо қилса, синтагматик муносабат муайян сатҳ бирликларининг иккинчи сатҳ ичида бир-бири билан боғланишини намоён этади. Бунда шу нарса характерлики, фақат муайян бир сатҳга тегишли бирликларгина муносабатга кириша олади. Масалан, фонема фонема билан,

морфема морфема билан ёки сўз сўз билан синтагматик боғланиши мумкин. Аммо шуни ҳам айтиш керакки, синтагматик муносабат иерархик муносабатнинг шаклланишига олиб келади. Гап шундаки, фонема фонема билан ёки морфема морфема билан ўз сатҳлари доирасида муносабатга кириша олмайди. Бунинг учун уларга ўзларидан катта сатҳни ташкил этувчи қўлланиш объекти лозим бўлади. Бу эса бир пайтнинг ўзида сатҳлараро муносабатнинг, яъни иерархик муносабатнинг шаклланишига ҳам олиб келади. Демак, синтагматик ва иерархик муносабатлар бир-

бири билан узвий боғлиқдир. Зотан, тил бирликлари горизонтал қатор бўйлаб ўзаро боғланган тақдирдагина ўзларидан катта бирлик билан поғонали муносабат ташкил эта олади.

Шуни алоҳида таъкидлаш лозимки, тилнинг ҳар бир сатҳи бирликлари ўзича алоҳида системани тақозо этади. Уларнинг иерархик муносабат доирасига кириши ва бошқа сатҳ бирликлари билан боғланиши система тушунчасини кенгайтиради ва яхлит тил системаси ҳақида тасаввур ҳосил қилади.

АДАБИЁТЛАР:

1. Мещанинов И.И. *Общее языкознание. К проблеме стадильности в развитии слова и предложения.* – Л., 1940.
2. Солнцев В.М. *О понятии уровня языковой системы // Вопросы языкознания, №3, 1972.* – С.4.
3. Глисон Г. *Введение в дескриптивную лингвистику.* – М., 1959.
4. Бенвенист Э. *Общая лингвистика.* – М., 1974.
5. Головин В.Н. *Язык // Общее языкознание.* – М., 1979.

Хайруллаев Х. Уровни языка и взаимодействие их единиц. Статья посвящена актуальной проблеме языковедения – лингвистике текста и речи. В статье анализируется один из актуальных вопросов современной лингвистики – проблема уровней языка и определения составляющих его единиц.

Khayrullayev Kh. Level of linguistics and interaction its units. Article is devoted to an actual problem interaction - linguistics of the text and speech. In article one of pressing questions of modern linguistics - a problem of levels of speech and definition of units making it is analyzed.

А.Яхшиев

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИАЛОГА

В современных лингвистических исследованиях диалог, как монолог и полилог, разрабатывается весьма активно. Аспекты изучения языка диалога достаточно разнообразны. Особенно важна информация о языке диалога для интерпретации разговорной речи, ибо диалог (например, отраженный в контексте художественной прозы) представляет собой ценный источник сведений о действующих закономерностях построения и развития живой разговорной речи.

Диалог – особая разновидность текста, обладающего своими специфическими характеристиками. Они проявляются как в структурно-композиционной организации диалога, так и в его языковом комплектовании. На необходимость изучения диалогической речи ещё в 1915 году обращал внимание Л.В.Щерба, который писал: «Подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге. В

диалоге куются новые слова, формы и обороты» [Л.В.Щерба, 1915, Приложение, с. 4].

Диалогическая речь понимается обычно как «два или несколько предложений, произнесенных разными лицами» [Н.Д.Херингер, 2007, с. 176]. Это толкование представляется достаточно ёмким и точным, ибо «диалог как языковая категория есть обмен такими высказываниями, которые естественно порождаются одно за другим в процессе разговора» [Н.Ю.Шведова, 1960, с. 281].

В целом, изучение диалогической речи до сих пор проводится явно недостаточно: одни языки лучше обследованы (русский, английский), другие привлекаются для анализа диалога эпизодически, неравномерно. Поэтому целесообразным представляется обобщить те направления в изучении диалогической речи, по которым получены достаточно существенные результаты.

Прежде всего следует констатировать следующее: лингвистика диалога (монолог, полилога) отличается в настоящее время разнообразием анализируемых текстов, методов и приемов интерпретации, в результате чего в значительной мере изучен языковой статус диалогического (монологического, полилогического) контекста. В частности, углубленным рассмотрением характеризуются такие особенности диалога, как типология, структура, деривация составляющих диалог структурных компонентов, способы оформления диалогического контекста, соотношение диалога с окружающим широким контекстом и др. Здесь важно учитывать следующее: «от темы как исходной точки развёртывания сообщения зависит при актуальном членении высказывания вся полнота обеспечения нового в конкретном фрагменте коммуникативного процесса, хотя в её содержании небольшого объёма информация уже известна и она явно уступает реме - ядру высказывания, т.е. новому, собственно содержанию высказывания» [А.М.Бушуй, 2004, с. 27].

Продуктивно разрабатываются на материале диалога как общие, так и частные аспекты. Отметим наиболее существенные из них.

Прежде всего - это диалог как коммуникативная единица текста. Здесь анализируются: диалог как единица текста, коммуникации и разговорного языка; лингвистические и экстралингвистические факторы построения диалогической речи в свете дихотомии «язык и речь»; реплика как единица диалогического контекста, представляющего собой особое единство; диалог как способ организации многосубъектной социально-речевой деятельности, сферы его активного использования; семантико-композиционное строение диалога в соответствующем языке; структура различных типов вопросно-ответных диалогических единств и структурно-семантическая организация связей в них; взаимодействие диалогических реплик; лингвистические, логические и психологические предпосылки определения типа диалога; средства оформления речевого контакта в диалоге и характер их взаимодействия; способы внутреннего и внешнего «скрепления» диалогических реплик; связи реплик-реакций с репликами-стимулами; текстообразующие функции диалога, например, формообразующая роль диалога в

конструировании художественного целого [J.Vogt, 2007, с. 10].

Исключительным многообразием отличаются связи, проявляемые в диалогическом контексте. Проведенные по этой проблеме исследования позволяют обобщить довольно обширную информацию, характеризующую такие разновидности организации и средств выражения диалогических связей: логико-смысловые связи в диалогах определённого жанра, например, в научных диалогах; связи монологических реплик с диалогом, например, в пьесах и др. [W.Schneider, 1999, с. 14-15].

Изучается диалог и как форма интеракции. При этом анализируются ирония, инсинуация, аллюзия как речевые акты, логические операции в реализации интенции в ходе диалога, аксиологический уровень диалога.

Из общей проблематики изучения диалога следует особенно выделить отдельные диалогические типы и типологию диалогов носителей данного языка в целом. Углубленное рассмотрение диалога в типологическом аспекте позволяет дать системную интерпретацию наиболее устоявшихся в коммуникативном процессе типов; раскрыть коммуникативную значимость тематики в развитии диалогической речи; выявить действие прагматических факторов в распределении коммуникативных ролей (подборы соответствующих партнёров) в диалоге и характер отбора материала для диалогических текстов применительно к различным коммуникативным ситуациям; показать их деривационные особенности, специфику композиционного структурирования и т.д. [A.Buscha, 1997, с. 119].

Данные о структурировании диалогической речи соотносятся в подобных исследованиях с выявлением характера последовательности составляющих конкретный диалог реплик. У последних раскрываются модели построения, которые рассматриваются с учётом основных особенностей речевых актов. В итоге таким образом были изучены на материале ряда языков (немецкого, английского и др.) следующие типы диалогических текстов: функционально-семантические типы реплик-реакций в диалоге; отрицательно-побудительные типы диалогических единств; побудительно-ответные типы диалогических единств; диагностические типы, выражающие согласие-

несогласие; диалогическая речь, содержащая совет или рекомендацию.

Полученная таким образом полная информация о лингвистической природе конкретного типа диалогических единств позволяет проводить последующее их изучение в сравнении с другими типами. Это даёт возможность вскрыть специфические особенности отдельных диалогических типов, например, по признаку их актуализации в разножанровых текстах, скажем, в художественной прозе и драматургии, в научных текстах, а также установить типы нейтрально-бытового диалога. Соответственно выявленная типология диалогических единств может рассматриваться в пределах текстов одного жанра в диахроническом аспекте. Это, например, анализ типов диалога, отмечаемых в текстах разных веков.

Всесторонне изучена к настоящему времени структурная композиция диалогического типа, его отдельных составных частей. Здесь актуальным представляется изучение в первую очередь отдельных диалогических фрагментов. Это лексико-семантические отношения между диалогическими репликами различных типов и способы их эксплицитного выражения; структура реагирующей (второй) реплики или реплики-реакции диалогического единства; лингвистическая характеристика фрагмента (компонента) диалогического единства (различные реплики): их синтаксическая структура и др. [Н. J. Heringer, 2007, с. 348-350].

Особый аспект составляют экспериментально-фонетические исследования диалога, способствующие выявлению и интерпретации таких характеристик: интонационные свойства диалогического текста в процессе организации спонтанной речи; временная структура диалогического текста на уровне звука, синтагмы, фразы из «смыслового куска» текста; просодические средства ритмизации диалогической речи; интонация и её функции: коммуникативная, стилистическая; установление роли пауз при дифференциации стилистических разновидностей диалога, например, при членении в устном диалоге официально-деловой и непринуждённой речи.

Можно выделить также комплексный аспект обследования языковых и текстовых особенностей диалога. Оно основывается на данных различных уровней, рассматриваемых в их единстве. Подобный подход позволяет глубоко изучить различные проявления

природы диалогического (полилогического) текстопорождения.

Исследования диалога в этом направлении характеризуются, например, одновременным анализом таких данных: синтаксические, лексические и просодические особенности различных диалогических единств; синтаксические и фонетические особенности реализации в диалоге конкретной части речи, например, частиц [А. М. Бушуй, 2005], описание их грамматико-семантических, иллокутивных (оттеночных), функциональных и дистрибутивных свойств в диалогах различного типа. В связи с этим А. М. Бушуй [2005, с. 34] замечает: «Частицы (известные в грамматиках современных языков под терминами логические, логико-смысловые, конъективные, модальные, выделительные и т.д.) привлекают к себе внимание как своеобразное средство организации текста, его смысловой структуры. Они выполняют в предложении самые различные функции (сигнализируют логическое ударение у сопровождаемого ими слова, актуализируют новое в контексте и др.), без учёта которых невозможно достижение надлежащей точности восприятия высказывания. Это универсальное средство маркирования логического предиката (ремы). Без него любое толкование структуры логико-грамматического уровня предложения будет неполным».

Разумеется, здесь важно учитывать еще и другие параметры. Скажем, это соотношение морфологического и лексического уровней в диалоге, например, состав лексических актуализаторов (в виде лексем с темпоральной семантикой) временных значений (презенса и др.) диалогической речи [P. Klotz, 2006, с. 117-118].

Продуктивно разрабатывается на материале диалога, в частности, и такой комплексный аспект, как ф о н о с т и л и с т и ч е с к и й. Полученные при этом данные позволяют проводить дифференциацию диалогического текста на основе общих и различительных свойств фонетико-стилистической разновидности. Здесь можно отметить также выявление фонетических (например, просодических) характеристик, которые специфичны для основных стилистических вариантов диалогической речи [T. Müller-Alfred, 2007, с. 124-125].

Комплексное изучение диалога часто строится на основе изучения лингвистического, социологического и социо-психологического аспектов. В результате этого сведения о

природе диалога пополняются следующей информацией: коммуникативные рамки, ориентированность на партнёра, смысловая и тематическая взаимодополняемость соотносящихся в диалоге реплик, моделирование реплик, раскрытие их базовых схем, соотношения отдельных монологических актов в общем контексте конкретного диалога, принципы лингвистического комплектования и структурно-композиционного построения реплик разных типов и др.

Важным направлением комплексного исследования диалога следует признать сравнительно-сопоставительный анализ различных языковых и структурно-текстовых данных. Объектом подобного рассмотрения диалога, осуществляемого на различных языках, избираются, например, грамматические особенности. Скажем специально анализируется категория времени в диалогах разноязычных текстов, например, русского, немецкого и французского языков [H.J.Weber, 2006, с. 208-209].

Важным объектом исследования диалога является характеристика его лексических особенностей. При этом проводится систематизация в виде различных классификаций слов, отмечаемых в диалогической речи, выявляется характер распределения в диалоге отдельных классов слов; рассматривается семантическая специфичность употребления в диалоге отдельных слов; устанавливается роль различных лексических единиц в деривационном построении и развитии диалогической речи; определяются способы выражения эмоционально-экспрессивного значения в диалоге, принципы создания в нем образности [M.Schwarz, 2006, с. 101-102].

Отдельный аспект изучения диалога составляет грамматический. Он отличается многообразием объектов рассмотрения. Отметим, в частности, такие из них: грамматический потенциал различных частей речи, например, частиц; члены предложения, их характеристика, частотность распределения в диалогическом контексте и коммуникативная нагрузка в диалогической речи и др.; употребление различных типов предложения в диалогической речи, например, сложных предложений (ср. бессоюзных); простые предложения полных и неполных форм с рассмотрением, в частности, характера их структурно-семантической соотносительности; вопросительные предложения в диалоге,

например, их синтактико-стилистическая характеристика [H.J.Weber, 2006, с. 201-202].

В задачу синтаксического рассмотрения диалогической речи входит также анализ специфических особенностей компонентного расширения реплик отдельных типов. При этом установлено, что синтаксическое расширение обуславливается типом диалогических реплик. Это было обнаружено, в частности, при анализе на материале немецких диалогов 1) реплик-ответов на общий вопрос, 2) ответных реплик на вопрос с вопросительным словом и т.д. [W.Schneider, 1999, с. 302-303].

Изучение грамматических категорий, реализуемых в диалогической речи, призвано раскрыть их коммуникативные нагрузки, что служит объективной основой для выработки лингво-методических рекомендаций по достижению учебной интенсификации разговорной речи применительно к соответствующей категории обучающихся.

Для достижения наибольшей полноты информации по каждому из аспектов рассмотрения диалога целесообразным представляется опора на статистический обзор материала [W.Schneider, 1999, с. 304]. В силу трудоемкости подобного анализа статистические исследования весьма редки. Примером результативности статистического анализа является описание немецким языковедом А.Буша эллиптических предложений в диалогических текстах (немецкой художественной литературы), что позволило углубленно раскрыть тенденции развития диалогического конструирования к языковой экономии [A.Buscha, 1997, с. 99-100].

Эффективностью отличаются также количественные подсчеты, призванные установить частотность употребления различных слов диалога или монолога в целом, отдельных диалогических типов применительно к разным ситуациям, условиям протекания речи и т.п.

Вышеотмеченные аспекты изучения диалогической речи достаточно убедительно свидетельствуют о том, что к настоящему времени уже вполне сложились теоретические основы общей лингвистики диалога. В итоге достаточно разносторонне раскрыты его основные языковые и речевые закономерности. Данные о фонетических, грамматических, лексических и других особенностях диалога способствуют дальнейшему изучению и его композиционной организации, текстообразующего потенциала и функций в

художественном повествовании, а также в процессе разговорной речи.

Проведенные исследования по лингвистике диалога во многом способствуют выяснению релевантных свойств диалога как одной из единиц построения текста, отражающего весьма специфический коммуникативный отрезок. Это позволило провести систематизацию различных типов диалогических контекстов, показать их внутренние и внешние характеристики, особенности функционирования, способы отражения в текстах различных жанров [J.Vogt, 2007, с. 242-244].

Состояние изученности лингвистической природы диалога может рассматриваться к настоящему времени как вполне удовлетворительное. В целом существует уже вполне сложившаяся теория лингвистической интерпретации диалога, а также монолога, полилога и соотносимых с ними текстовых построений. Подобный вывод является безусловно оправданным, если исходить из общей оценки прежде всего фонетических, грамматических, лексических и ряда других языковых аспектов интерпретации диалога в свете общей теории текстопорождения: «Для понимания же любого текста (высказывания) релевантными будут, исходя из интегрированной теории, три компонента его информационной структуры: 1) дескриптивный компонент, т.е. однозначное описание коммуницируемого явления; 2) мирообразующий компонент, определяющий установки коммуникантов по отношению к

высказыванию; 3) перформативный компонент. В соответствии с этими тремя видами информации можно различать также перформативные, мирообразующие и дескриптивные описания явлений. Анализировать же явления можно в целях построения их классификации минимум с двух точек зрения: 1) различения деятельности, события и состояния, то есть производимой каким-либо лицом/объектом деятельности или переживаемого им события, и, как следствие, изменения состояния; 2) различения недискретных и дискретных явлений (т.е. явлений: продолжительных, мгновенных или периодических, квазипериодических и непериодических)» [А.М. Бушуй, 2003, с. 22].

Итак, об отдельности диалогического контекста особенно убедительно свидетельствуют уже полученные сведения о таких характеристиках, как интонация и другие просодические средства; ритмика диалогической речи; лексические особенности различных диалогических единств, активизации в них отдельных разрядов слов; синтаксис диалога, структура его предложений и словосочетаний; способы реализации в диалоге отдельных частей речи; временная система диалога; стилистика диалога; внутренняя иерархия диалогического контекста, состав реплик, характер их моделирования; эмоционально-экспрессивное и образное содержание диалога и др.

В качестве отдельного направления изучения диалога можно выделить анализ его ф р а з е л о г и и.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушуй А.М. Текст как лингвистический объект // *Преподавание языка и литературы*. – Ташкент: 2003. – № 4. – С. 19-24.
2. Бушуй А.М. О функциональном подходе к определению актуальной структуры предложения // *Преподавание языка и литературы*. – Ташкент: 2004. – № 1. – С. 27-34.
3. Бушуй А.М. Определение роли частиц в предложении // *Преподавание языка и литературы*. – Ташкент: 2005. – № 6. – С. 34-40.
4. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Изд-во АН, 1960. – 337с.
5. Щерба Л.В. Восточно-лужицкое наречие, т.1. – Петроград: 1915. – XXIV, 194с. Приложение: 54с.
6. Buscha A. Zu Fragen der Verkürzung im dialogischen Text // *Probleme des Deutschunterrichts für Fortgeschrittene*. – Leipzig: 1997. – S. 90-100.
7. Heringer H.J. *Deutsche Syntax Dependentstil*. – Bd. 1. – Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2007. – 394 S.
8. Klotz P. *Grammatische Wege zur Textgestaltungskompetenz*. – Tübingen: Niemeyer, 2006. – XIII, 372 S.
9. Müller-Alfeld T. *Deutsche Grammatik*. – Düsseldorf: ECON, 2007. – 355 S.
10. Schneider, Wilhelm. *Stilistische deutsche Grammatik*. – Basel-Freiburg-Wein, 1999. – 484 S.

11. Schwarz M. *Einführung in die Kognitive Linguistik*. – Tübingen: A. Francke Verlag, 2006. – 338 S.
12. Vogt, Jochen. *Aspekte erzählender Prosa. Eine Einführung in Erzähltechnik und Romantheorie*. – Opladen: 2007. -394 S.
13. Weber H.J. *Dependenzgrammatik*.-Tübingen: Gunter Narr, 2006.-362 S.

Яхшиев А. Диалог умумлингвистик талъинининг асосий аспектлари. Мальолада диалог умумлингвистик талъинининг асосий аспектлари текст яратилиши ва унинг грамматик таъминланиши калъидаги энг янги назариялар асосида тақлил лъилинади.

Yachschiew A. Grundaspekte der linguistischen Interpretation des Dialogs. Es wird die Aspekte linguistischer Interpretation des Dialogs im Lichte der neuen Theorie der Textbildung und deren grammatische Sicherstellung untersucht.

F. Kayumov

SINTAKTIK PARADIGMATIKA TUSHUNCHASI VA UNING TALQINI XUSUSIDA

Tilning murakkab sistema ekanligi paradigma tushunchasi bilan uzviy bog'liqdir. Zotan, sistemani tashkil etuvchi til birliklarining har biri muayyan assotsiativ butunlikning a'zosi hisoblanadi. Boshqacha aytganda, fonematik sath birliklari ham, morfematik sath va so'z sathlari birliklari ham til sistemasining o'ziga xos makroparadigmalar tarzida mavjuddir. Mazkur makroparadigmalar, o'z navbatida, mikroparadigmalar bo'linadi. Masalan, fonematik sath birliklarining unlilar va undoshlar paradigmalariga, morfematik sath birliklarining o'zak va affiks morfemalar paradigmalariga, so'z sathi birliklarining esa mustaqil hamda nomustaqil so'zlar paradigmalariga bo'linishi va makroparadigma ichidagi mikroparadigmalarni taqozo etishi fikrimiz dalili bo'la oladi.

Yuqoridagilar bilan bir qatorda shuni ham aytish kerakki, eslatib o'tilgan makroparadigmalar shunchaki fonemalar, morfemalar yoki so'zlarning tasodifiy uyushmalarini emas, balki jiddiy o'xshashlik belgilariga ko'ra jamlanayotgan birliklarning o'ziga xos qatorini tashkil etadi. Bu jihatdan tilning har bir sathi a'zolari, o'z ichki oppozitsiyalaridan tashqari uning boshqa sathlari a'zolariga nisbatan ham oppozitsion holatda turadi. Buni fonematik sath a'zolarining ma'no ifodalay olmasligi, morfematik va so'z sathlari a'zolarining ma'no ifodalashi, morfematik sath a'zolarining sintagmatik qatorda mustaqil qo'llana olmasligi, so'z sathi birliklarining esa sintagmatik qator doirasida mustaqil pozitsion mavqega ega ekanligida bema'lol kuzatish mumkin. Biroq hozirgi tilshunoslikda paradigmatika tushunchasi sintaktik strukturalarga nisbatan ham qo'llanmoqda. Bunda fonematik, morfematik hamda leksik paradigmalardan farqli ravishda, so'z birikmalari, gap va hatto, gapdan katta nutq

birliklarining paradigmatic munosabatlari xususida ham ilmiy mulohaza yuritilmoqda.

Sintaktik paradigmatika tushunchasiga barcha tilshunoslik maktablari vakillari bir xil munosabatda deb bo'lmaydi, albatta. Masalan, F.de Sossyurning ilmiy g'oyalariga asoslangan tilshunoslik maktablari vakillari qariyb bunday tushunchani tadqiqotlari kun tartibiga qo'ymayotgani, undan foydalanmayotganini kuzatamiz. Buning asosiy boisi sintaksis bilan morfologiya o'rtasidagi oppozitsion holatning neytrallashtirilayotganidadir. Bu esa o'z navbatida, sintaksis bilan morfologiyaning, aniqrog'i, ularning kategoriyalari o'rtasidagi qarama-qarshilikning mo'tadillashuviga sabab bo'lmoqda [1,107] va buning natijasida **sintagmatika** tushunchasi sintaksis bilan, **paradigmatika** tushunchasi esa morfologiya bilan qiyos qilinmoqda.

Praga tilshunoslik maktabi g'oyalarida morfologiya bilan sintaksis alohida mustaqil sathlar sifatida talqin etilib, paradigmatic munosabat faqat morfologik birliklar uchun, sintagmatic munosabat esa sintaktik birliklar uchun xarakterli ekanligi ta'kidlanadi [1,107]. Amerika strukturalizmi vakillari tadqiqotlarida esa, asosiy e'tibor til birliklarining sintagmatic munosabatiga qaratiladi. Buni N.Xomskiy va boshqalarning transformatsion nazariyalarida bevosita kuzatish mumkin. Lekin bunda (strukturalistlarning keyingi tadqiqotlarida) sintagmatic munosabat doirasida paradigmatic munosabat belgilari kuzatilishi mumkinligi ham e'tiborga olina boshladi [2,632]. Masalan, tayanch struktura asosida shakllangan hosila strukturalar (transformalar) paradigmasi buning dalili bo'lishi mumkin. Shu bois **sintaktik paradigmatica** tushunchasining iste'molga kiritilishini bevosita transformatsion nazariya bilan bog'liq deya olamiz.

Albatta, sintaktik paradigmatika tushunchasi ko'p jihatlariga ko'ra, masalan, invariant strukturalar, tayanch va hosila strukturalar va ularda ma'no mushtarakligi kabi masalalar, transformatsion metod bilan uzviy bog'lanadi. Biroq, shunday bo'lishiga qaramay, transformatsiyani sintaktik paradigmalar shakllanishidagi birdan-bir metod deb tushunmaslik kerak. Buni D.S.Uort ham ta'kidlagan edi. Uning fikriga ko'ra, sintaksisning sistem xarakterining tavsifini berishda transformatsiyadan boshqa qulayroq va sermahsulroq metodni topish qiyin. Lekin mazkur metod sintaktik strukturalarning sistem tabiatini talqin etishda foydalanish mumkin bo'lgan asosiy usullardan biridir, xolos [3,62].

Darhaqiqat, sintaktik paradigmatika hodisasi shakllanishiga ko'ra nafaqat transformatsiya, balki tavsifiy (deskriptiv) metod bilan bog'liq bo'lishi ham mumkin. Buning dalilini matn shakllanishining derivatsion xususiyatlarida kuzata olamiz. Bu esa, o'z navbatida, sintaktik paradigmatika hodisasini yangi bosqichga ko'tarilishga olib keladi. Boshqacha aytganda, sintaktik paradigmalar talqini bunday vaziyatda nutq doirasida amalga oshiriladi. Masalan, muayyan murakkab sintaktik qurilma tarkibidagi mustaqil gaplar paradigmasi yoki abzats sathidagi murakkab sintaktik qurilmalar, mustaqil gaplar, ilovali qurilmalar paradigmaları va boshqa sintaktik strukturalar paradigmaları fikrimiz dalili bo'lishi mumkin.

Shuni ham aytish kerakki, hozirgacha mavjud ishlarning aksariyatida sintaktik paradigmatika hodisasi nutqdan tashqarida olingan sintaktik strukturalar misolida o'rganilib kelinmoqda. Masalan: **Notiq ma'ruza o'qidi – Ma'ruza notiq tomonidan o'qildi – Notiq o'qigani ma'ruza edi.**

Keltirilgan misollarda haqiqatan ham sintaktik paradigmatika hodisasi shakllanmoqda. Bu o'rinda muayyan ma'no ifodasining berilishi turlicha sintaktik shakllar orqali voqelanayotganini ko'ramiz. Biroq mazkur sintaktik strukturalarning barchasi nutqdan tashqari holatdadir. Shu bois ular orqali faqat nutqda iste'molga kiritilishi mumkin bo'lgan, ayni paytda esa abstrakt holatdagi sintaktik strukturalarnigina tasavvur eta olamiz. Ammo shunday bo'lishiga qaramay, bu taxlit shakllangan sintaktik paradigmaları o'rganishni ilmiylikdan xoli deb bo'lmaydi. Zotan, bunday paradigmalar vositasida ma'lum bir derevatsion jarayonda til birliklarining turli xil yo'llar bilan nutqqa ko'chirilishi uchun yaratilgan imkoniyatni ko'ramiz. Til birliklarining nutqqa ko'chirilishi masalasi esa hozirgi tilshunoslikda dolzarbdir.

Shu narsa xarakterliki, muayyan paradigma a'zolarining har safar faqat bittasi nutqqa ko'chiriladi. Bunday imkoniyat inson omili va nuqt muhiti bilan bevosita bog'liq bo'ladi. Fikr dalili uchun quyidagi misolga murojaat etaylik:

1. Kechki payt oftobning tafti qaytgach, amir Sherhoji ham qorovulxonadan chiqdi (P.Qodirov. Ona lochin vidosi).

2. Kechki payt oftobning tafti qaytdi va amir Sherhoji ham qorovulxonadan chiqdi.

3. Amir Sherhoji qorovulxonadan chiqqanda, kechki payt oftobning tafti qaytgan edi.

4. Kechki payt oftobning tafti qaytgandan so'ng, amir Sherhoji ham qorovulxonadan chiqdi.

Ayni paytda tayanch struktura va uning derevatlarini (hosilalarini) taqozo etuvchi sintaktik paradigmaları ko'ramiz. Mazkur paradigma a'zolarining har biri nutqda real qo'llanishi huquqiga ega. Biroq bu o'rinda so'zlovchi va nutq muhitining ta'siri vositasida ularning faqat birinchisi nutqiy faollik olgan. Paradigmaning boshqa a'zolari esa sintaktik derivatsiyaning shu holatdagi hosilaları sifatida zaxirada qolmoqda.

A.Berdialiyev bunday vaziyatda har xil qo'shma gaplar bir paradigmatik uyada qamralishini va ularni modellararo paradigma deyish mumkinligini ta'kidlaygi [4,27-28]. Mazkur fikr bilan qo'shilgan holda yana shuni ham aytish lozimki, yuqorida berilgan har xil modellarni taqozo etuvchi qo'shma gaplar tayanch struktura transformatsiyasining barcha imkoniyatlarini qamrab olayotgani yo'q. Zotan, ayni paytda mustaqil elementar gaplardan tashkil topgan transformalar ham shu paradigma a'zosi bo'lishi mumkin: **Kechki payt oftobning tafti qaytdi. Amir Sherhoji ham qorovulxonadan chiqdi.**

Ko'rinadiki, transformatsiya imkoniyatlari muayyan bir turga xos bo'lgan gap modellari doirasidan chiqishi ham mumkin. Buning qo'shimcha dalilini mustaqil gaplar transformaları so'z birikmasi qolipida kelganida ham ko'rsa bo'ladi: **Muhandis imorat tarhini chizdi – Imorat tarhi muhandis tomonidan chizildi - Muhandisning imorat tarhini chizishi.** Shuning uchun bunday vaziyatda "sintaktik paradigma" terminidan ko'ra "transformalar paradigmasi" yoki "derivatlar paradigmasi" terminlarining biridan foydalanish maqsadga muvofiqroq ko'rinadi. Chunki sintaktik paradigmatika tushunchasi, bizningcha sintaktik strukturalar paradigmalarining barcha turlarini qamrab oluvchi umumiy nomni taqozo etadi.

Yuqorida berilgan fikr va mulohazalar bilan bir qatorda shuni ham aytish lozimki, sintaktik paradigmatika tushunchasi tadqiqotlarimiz kun tartibiga kirib kelganiga hali

ko'p vaqt bo'lgani yo'q. Shu bois uning ilmiy shubhasizdir.
tavsifi bobida izohtalab masalalar mavjudligi

ADABIYOTLAR

1. Костинский Ю.М. Вопросы синтаксической парадигматики // Вопросы языкознания, № 3, 1969
2. Херрис З.С. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике. вып. 2. -М.: 1962.
3. Worth D.S. The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and other Slavic languages, << American contributions to the V International congress of slavists>>, Sofia, 1963, The Hague (preprint).
4. Berdialiyev A. O'zbek tili sintaktik paradigmaticasi asoslari. –Toshkent: 1991.

Каюмов Ф. О синтаксической парадигматике и её изучении. Статья посвящается научной интерпретации синтаксической парадигматики, которая является актуальной в современном языкознании. Основное внимание автора уделяется описанию синтаксических парадигм, которые имеют место как вне так и в рамках речевого материала.

Kayumov F. O. On syntactical paradigmatics and its study. The article studies the problems of scientific interpretation of syntactical paradigmatics, which is very actual in modern linguistics. The main attention is paid to description of syntactical paradigms, that occur both in speech material and outside of it.

О. Гибралтарская

СВОЕОБРАЗИЕ КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ «ЖЕЛЕЗНОЙ МИСТЕРИИ» Д. АНДРЕЕВА

Культурная парадигма начала XXI века характеризуется восстановлением объективной истории, вниманием к духовным, философским ценностям, возвращением «потерянной литературы», знакомством с ранее неизвестными оригинальными художниками, в частности с Д. Андреевым. Концепция Д. Андреева уходит корнями в новое философско-религиозное сознание начала XX века, органично связана с традициями русской классической литературы, проникнута мистическим мироощущением и пронизана тенденциями современной ему, литературы I половины XX века (те же вопросы, что у Маяковского, Есенина, Блока, но свои пути их решения). И как следствие всего этого внимание к интуитивному, внерациональному - «мирам иным», наделение языка особой ролью. Отсюда метафоры, парадокс, иносказание, двоящиеся смыслы, недоговоренность, размытые границы категорий. Оттого и актуальность: «XXI век – время Даниила Андреева» [1].

В данной статье остановимся на поэме Д. Андреева «Железная мистерия», в частности на ее композиционной структуре. Это произведение воспринимается как действо нового типа, мы же представим анализ с точки зрения строго литературоведческой. Так, исследование микропоэтики - собственно текстовых элементов в соответствии с положением И. П. Карпова: «разумно начать с композиции» [2], как наиболее ярко иллюстрирующей авторскую позицию через эволюцию главного героя. При этом следует отметить, что в исследовании композиция трактуется и в самом широком смысле: «последовательность частей произведения» [3], и в специальном, как определяющая характер построения элементов сюжета (экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка). «Композиция как содержательная форма обуславливается как закономерностями изображаемой действительности, так и мировоззрением, художественным методом и конкретными идейно-эстетическими задачами, в частности жанровыми, задачами, поставленными автором в данном произведении» [4]. Д. Андреев, поэт-мистик,

философ, считавший высшей формой познания некую мистическую интуицию, «духовный опыт», особое зрение, сверхслух, воплотил в своем художественном творчестве единую, оригинальную философскую концепцию, проникнутую мистическим мироощущением. Все его произведения «и «Русские боги», и «Роза мира», и «Железная мистерия» - это, по существу, одно и то же, но если «Русские боги» - это поэтический ансамбль, то «Железная мистерия» - это поэтическая драма, а тема все та же: многослойность мира, слитность наша с миром иным, невидимым, и преломление вот этой олицетворенной борьбы Добра и Зла в русской культуре и русской истории» [5].

Как в подлинно художественном произведении все композиционные приемы «Железной мистерии» подчинены выражению его идейного содержания. Наиболее ярко в соотношении с построением композиции выявляется эволюция идеального героя.

I, II акты поэмы-мистерии носят полностью экспозиционный характер, обрисовывая время, обстановку и атмосферу действия, которые, в свою очередь, даны несколькими значаще узнаваемыми чертами: «осенние сумерки», «гул народного множества», «то ли свет в окнах, то ли костры боевого стана» вокруг дворца Августейшего, который окружен дамами и хлыстовским «саваофом». Затем обрисованы действия в 1917 году: «Равенство - цель. // Метод - подкоп, // Взрыв, а потом - // Штурм // Кличьте метель, // Бурю, потоп, // Бунт и разгром // Тюрьм!» [6]. Сопутствующий разгром, вандализм и характерный лозунг того времени: «Кто не со мной - // Против меня - // Пролетарьят! // В бой!» (33). Так же обрисованы дальнейшие события: Временное правительство (31), казнь царской семьи (37) и своих же вчерашних союзников (41), что вылилось в гражданскую войну и поток эмиграции (41-49). И как результат всего этого: «Мозги уже вспаханы!.. Идеи - ввихнуты! (59), что знаменует начало основного действия: «Начато! Начато!...» (60).

При этом параллельно представлены иные миры, которые связаны с Прозревающим и голосом Невидимого Даймона.

В III акте, «Царствование» представлена завязка, которая связана со следующими событиями:

1) смерть первого «вождя», у которого еще осталось сердце: «Душит броня ему // Утлое сердце... // Чу: он заплакал... // Значит, конец... // Кто ж ради участи народотворца // Смеет отречься навеки от сердца?» (65).

2) уход церкви в подполье: «К л и р, унося священные реликвии: // Уходим в пустыни темные, // Хоронимся по города, - // Да будут своды тюремные, // Барак лагерей наш дом...» (71), «Протяжный крик раненого колокола, сброшенного на асфальт» (71).

3) параллельное вошество на царствование вождя, «подготовленного в лоне Гагтунгра // В магмах не гибнущего как саламандра» (65) и рождение сына Молодой Женщины, тихо напевающей колыбельную песню в глубине каменных громад (73).

Затем у этого персонажа появляется «голос» - «Голос неизвестного мальчика, затерянного в толпе» (76). Глубина каменных громад душит мальчика: «Ах, тесно в этих ущельях, // Среди человеческих волн...», но: «Зато - какое веселье, // Чуть только взойдешь на холм!» (79). Именно на этом холме мальчик встречается со своим проводником, путеводителем - «Прозревающим» и слышит голос Даймона, который открывает ему предназначение вестника: «Космос России мгновенно объемь, // Помни о нем и расти: // Толпы и толпы в заоблачный Кремль // Ты предназначен вести. (80).

Неразделимость судеб народа и вестника особо подчеркивается: «Ты и народ». Исполнить свою миссию вестник должен через превращение невыразимого: «что это? Боже, нет слов в языке» в «огненный стих». При исполнении своего предназначения вестник должен быть готов к непониманию окружающих: «Но глухи сердца их к вести», «Никто не слышит»; и должен безропотно нести «Крест одиночества» (83). Однако: «но понял бы Лермонтов, если бы жил, // Ласкал бы в слезах Достоевский» (76). Круг интересов мальчика связан с рассказами Прозревающего, который «напоминает обликом Рабиндраната Тагора», о Ведах, о Радонежском, о Эхнатоне (79).

Развитие действия связано с духовным ростом вестника: смутное предчувствие ложной сущности Афродиты Всенародной,

которое подтверждается Прозревающим как участь поэта: «В этом - закон твоей узкой тропы, // Скользкой тропы... // Страшной тропы... (114).

В период эволюции идеального героя из «Неизвестного Юноши, который еще недавно был мальчиком» в «Неизвестного» большое значение приобретает время: «На Цитадели протяжно и тяжело бьет шесть» (93). И хотя происходит очень насыщенное действие, занимающее почти целый 4-й акт, в 5-ом акте время обозначено: «вечер еще далек от перехода в ночь» (108). Затем после развития действия, связанного с обучением и проверкой «растущих кадров», их маршировкой, несмотря на крупные потери - изъятие на «Черный корабль», время: «ночь еще только приближается к перелому» (117).

Развитие действия занимает 9 актов, на протяжении которого следует обозначить следующие важные вехи:

1) параллельный:

а) спуск вождя: «сброшен с поверхности земли» (123) к Блюстительницам Кармы и спуск Неизвестного по спиральной лестнице в катакомбы,

б) последний подъем вождя к Жругру: «Настежь Друккарг!// Я - у ворот...» (135) и созерцание Неизвестным высших сфер: «Боже... Не слухом, не зреньем - // Всем существом целокупным // Вижу подножие // Неимоверного храма, - // Горы земные ничто перед ним!..

в) падение Вырвавшегося вождя «Падаю... Падаю... Глуше все глуше» и спуск Неизвестного в нижние слои Шаданакара.

2) встреча с Навной - символом Вечной Женственности России. Анализ этого персонажа через женские образы русской литературы может составить тему отдельной работы, поскольку отражает общеполитические взгляды Д. Андреева.

3) Особое значение имеет использование Д. Андреевым символики цвета, в частности синего, голубого, лазурного. Этот аспект также требует детального изучения как одна из наиболее ярких стилистических особенностей.

Эволюция Неизвестного в Экклезиаста обозначена неожиданным появлением «голоса Великого посвящающего» и примечанием автора в конце 8-го акта о значении использованного в тексте слова «Экклезиаст» - «Здесь - человек, удостоенный дара вестничества...» (198). То есть «Неизвестный, теперь Экклезиаст», в этой формуле имеется еще один имплицитный член -

«Посвящаемый», поскольку Посвящающий обращается к Неизвестному, который становится Экклезиастом. Здесь еще раз проявляется установка на участие во всем верховных, иных сил и несколько пассивную роль главного героя, который «созерцатель» (199).

Большое внимание в ремарках автора уделено звуку: три удара колокола, «удар колокола» в конце 6-го акта и первое появление «гигантских музыкальных инструментов, похожих на золотые лиры».

Кульминация произведения обозначена в трех аспектах:

- 1) зрительно: последователи Неизвестного, теперь Экклезиаста видят, что «Синею розою// Верховный святитель// Нашему другу плащ заколол»;
- 2) слуховое восприятие: «ЗВУК, никогда раньше не слышанный... это звучали золотые лиры вокруг Храма в Небесном Кремле»;
- 3) ощущения самого Экклезиаста: «Лестница в выси - и в выси...// Вижу Тебя, Иисусе!».

После кульминации развязке действия в произведении посвящен целый акт. Возможно, здесь можно провести параллель с традицией Чехова, который стремясь к предельной естественности решает все противоречия в предпоследнем акте и целый акт отводит развязке. Драматургический конфликт, утверждает он этим, разрешился, но жизнь продолжается.

В последнем акте, имеющем одноименное название с философским трактатом «Роза мира» дается четкая характеристика Экклезиаста: «Боец // величайшего боя. // Творец // высочайшего строя. // Гонец // долгожданного рая... // Слепец // от лучей Эмпирея» (292).

Экклезиаст становится Верховным Наставником, первым в этом ряду, затем «покидает сферу видимой телесности навсегда», передав эстафету и сан Верховного

Наставника Индусу - Главе Золотой Иерархии Розы Мира.

Таким образом, эволюция идеального героя, обусловленная структурой композиции представлена в произведении очень схематично и строго линейно: от рождения до «бестелесной субстанции» (в принципе физической смерти). Перед нами «житие», «автобиография». Последовательность этапов эволюции нигде не нарушена: Новорожденный (без голоса) - Голос Неизвестного мальчика - Голос Неизвестного Юноши - Неизвестный - Посвящаемый - Экклезиаст - Верховный Наставник - Бестелесная субстанция, возносящаяся вверх. При этом последняя стадия сродни причислению к лику святых: вознесение к Синклиту. Так же следует отметить, что вместо органичной связи этапов эволюции идеального героя с изменением мира наблюдается нарочитая противопоставленность окружающих событий духовному росту героя от рождения до Экклезиаста, а после - подчеркнутая отстраненность, иное «развитие жизни» Экклезиаста. Тем самым создается впечатление о различной направленности хода реальной жизни, окружающих событий и эволюции идеального героя, как свидетельство их несоотнесенности.

На наш взгляд, все вышесказанное обусловлено несколькими факторами:

- 1) самодавящая авторская идея, наиболее полно выраженная в композиционной структуре и в эволюции идеального героя;
- 2) специфика обрабатываемого материала: сверхъестественные, ирреальные видения;
- 3) тенденциозный отбор фактов и своеобразное их оформления;
- 4) на первый план во всем выдвинут содержательный аспект, подчиненный мировоззренческой концепции автора: и в отборе фактического материала (есть события, но нет действия), и в его оформлении (традиционная линейная композиция), и в трактовке идеального героя (персонаж-схема).

ЛИТЕРАТУРА:

Андреева А. А. XXI век - время Даниила Андреева // Психологическая газета. 1998, май, 10(21).

Карпов И.П. Проза Ивана Бунина. - М.: Наука, 1999. - С. 61.

Там же.

Словарь литературоведческих терминов. - М.: Просвещение, 1974.

Андреева А. А. XXI век - время Даниила Андреева // Психологическая газета. 1998. - Май. - 10(21).

Андреев Д. Л. Железная мистерия. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 25. Далее все сноски приводятся по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

Гибралтарская О. Д. Андреевнинг «Темир мистерия» асарида композиция. Мальолада рус шоири Д. Андреевнинг «Темир мистерия» асарида 1917 йилдаги октябр тўнтаришининг ўзига хос тарздаги акс эттирилиши тақлил қилинган.

Gibraltarskaya O. Composition in “Iron mystery” by D. Andreev. The article analyses peculiar reflection of the events in 1917 in Russia, shown in Daniil Andreev’s “Iron mystery”.

М.Насруллаева

ХРОНОТОП В “A ROSE FOR EMILY” У. ФОЛКНЕРА (ФРАГМЕНТЫ)

Категории времени и пространства являются, как известно, важнейшими «моделирующими средствами литературы, так как они определяют формы пространственно-временной организации произведения... - это наиболее важные содержательные универсалии текста. При этом пространство хронотопа образует фабульный план, а время сюжетный»[1].

Термин “хронотоп” (пространство и время) ввел в литературу М.М. Бахтин под влиянием идей Эйнштейна и показал, что хронотопы разных авторов и разных жанров существенно отличаются друг от друга. На культуру XX века повлияла концепция Д.У. Данна. Он пришел к выводу, что время для каждого человека имеет как минимум два измерения. В одном измерении он живет, а в другом – наблюдает. И это второе измерение является пространственно подобным, по нему можно продвигаться в прошлое и будущее.

Художественное время и пространство являются самостоятельными системами, но одновременно представляют собой сложную, единую систему, организующую литературный материал. Обращение к этой проблеме мотивировано тем, что пространственно-временная организация художественного мира XX века значительно усложнилась по сравнению с традиционными пространственно-временными парадигмами. Писатели демонстрируют виртуозную игру со временем и пространством, используя временные сдвиги, сопряжение разновременных пластов, расширяют пространственную ограниченность за счет времени. Время и пространство задают параметры художественного мира произведения. Их взаимоотношения отражают структуру авторского сознания, его миропонимание, систему философских представлений и, следовательно, их интерпретации - это поиск средств выражения авторской идеи.

Время и пространство художественного текста, в отличие от реального времени и пространства, всегда дано опосредованно - через восприятие субъективного сознания героя, автора – повествователя, “авторской маски”. Каждый из них имеет свои пространственно-временные границы, а каждый объект речи, находящийся в пределах этого сознания - свои пространственно-временные формы. Это очень хорошо видно в новелле Фолкнера “Роза для Эмили” [2]. Время и пространство играют большую роль в этом произведении. Лингвостилистические средства выражения хронотопа позволяют выстроить удивительную и потрясающую читателя историю жизни главной героини новеллы Эмили Гирсон. Почти с самого начала автор четко определяет пространство, в котором жила мисс Эмили: “It was a big squarish frame house that had once been white decorated, with cupoles and spires and scrolled seventies” (2, 37). “Дом был большой, прямоугольный, на бревенчатом каркасе, с оштукатуренными когда-то белыми стенами украшенный башенками, шпилями и витыми перилами в тяжеловесно-легкомысленном вкусе семидесятых годов” (3)

Дом - это особое пространство в тексте: “...miss Emily’s house was left, lifting its stubborn and coquettish decay above the cotton wagons and gasoline pumps –an eyesore among eyesores”(2, 37) - “один только дом мисс Эмили оскорбляет взор, упрямо и кокетливо вознося над бензоколонками отжившее свое безобразие”. Это единственный дом, который не изменился со временем. Время как бы остановилось для него.

Очень интересна одна деталь в портрете мисс Эмили: “Ее серо-стальные волосы цвета перца, смешанного с солью”. “Her hair was turning gray ...an even pepper-and-salt iron gray ...” “Длинная нить серо-стальных волос” остается на подушке и после смерти мисс Эмили; таким образом это именно та деталь, которая создает и как бы останавливает особое время главной героини, это знак её

присутствия в особом мире, который она создала, когда не похоронила убитого ею Гомера Бэррона. Она остановила его жизнь и перевела её в другую временную плоскость.

Дважды в новелле упоминается “пастельный” портрет её отца - в начале и финале - “с лицом, застывшим в глубокой задумчивости” на похоронах мисс Эмили (“craze on face her father musing profoundly above the bier”). В сущности, это “остановленное время”,

и в этой связи “долгий сон” “long sleep”, в который погружен тот, кто когда-то был Гомером Бэрроном, весьма близок изображению на портрете отца мисс Эмили с его “глубокой задумчивостью” – “musing profoundly”. И отец, и Гомер Бэррон остаются рядом с мисс Эмили – неважно, в какой субстанции, ведь она живет в своем, особом, времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенникова Н.С. *Зарубежная литература*. – М.: Владос, 1999. – С.88-89.
2. *The Mc Grow- Hill Introduction to literature*. Gilbert H. Miller, John A. Williams 2nd ed. 1995 p.37-43. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках.
3. Фолкнер У. *Собрание рассказов*. – М.: Наука, 1978.

Насруллаева М. У. Фолкнернинг “A rose for Emily” новелласида макон ва замон образи хусусида (фрагментлар). Мальолада «Эмили учун атиргуллар» новелласи мисолида Уильям Фолкнернинг ўзига хос макон ва замон яратиш мақорати тадбири тилинган.

Nasrullaeva M. Notes on the character of time and space in W. Falkner's novel “A rose for Emily” (fragments). The article studies Falkner's skills in creating peculiar space and time (on the material of his novel “Roses for Emily”).

Ф. Норбеков

«ЙЎҚОЛГАН ДУНЁ» РОМАНИДА А. КОНАН ДОЙЛ ФАНТАСТИКАСИНИНГ ЎЗИГА ХОСЛИГИ

Артур Конан Дойлнинг илмий-фантастик адабиётдаги асосий муваффақиятлари унинг профессор Челенжер ҳақида ёзилган туркум асарлари билан боғлиқдир. Мазкур асарлар адибга Шерлок Холмс тўғрисидаги детектив ҳикоялари билан бир каторда муносиб шуҳрат келтирди. Туркумга “Йўқолган дунё” (The Lost World, 1912) ва “Заҳарланган камар” (The Poison Belt, 1913) повестлари (ёки қисқа романлар), “Дезинтеграцион машина” (The Disintegration machine, 1927) ва “Ер қичкирганда” (When the Earth screamed, 1928) ҳикоялари қиради. Бундан ташқари профессор Челенжер бош қаҳрамон этиб берилган “Туманлар юрти” (The Land of Mists, 1926) повести ўзига хос ўрин олган.

А. Конан Дойл асарларининг рус тилида чоп этиган 8 жилдлик тўплами ҳақида Ф. Абрамовнинг таъкидлашича, “ёзувчини ҳеч қачон ўзи тасвирлаган кашфиёт ёки янгиликларнинг амалга ошиши ҳам унинг фантастик фаразларининг ҳар тарафлама асосланиши қизиқтирмаган”. Конан Дойлнинг илмий-фантастик ижодиётининг мақсадини мазкур танқидчи шундай изоҳлайди: “у ўз олдига катта ижтимоий ёки фалсафий

муаммоларни қўймайди. Оммавийлаштириш масаласи эса ёзувчини кам жалб этади. Ёзувчини жанрнинг романтикаси, сюжетлардаги тўқнашувларнинг кескинлиги, типик характерларни фавқулудда вазиятларга чўктириб кўрсатишга ўхшаган унинг дадил фантастик уйдирмалари ривожда ҳал этилган шароитлар жалб этади”. Бу фикрнинг сўнги қисмига қўшилиш мумкин. Лекин нима учун, биринчидан, Конан Дойл фантастикасини “илмий” деб атайди (бу ибора мақола сарлавҳасида берилмаган, аммо унинг матнида фойдаланилган)? Иккинчидан, бундан биз энди далиллашга уриниб кўрамиз, ўзининг энг яхши илмий-фантастик асарларида Конан Дойл айнан шу жиддий ижтимоий, ахлоқ-одоб ва фалсафий муаммоларни кўриб чиқишга ҳаракат қилади.

“Йўқолган дунё” повести Артур Конан Дойлнинг энг машҳур илмий-фантастик асаридир. Бу повестнинг ёзилишига саёҳатчи ва олим Фосетт билан бўлган суҳбат сабабчи бўлган. Француз зоологи, профессор Бернар Эйвельманс “Номаълум ҳайвонотлар изидан” номли китобида “Йўқолган дунё” асаридаги табиат манзаларининг Фосетт бориб кўрган Бразилия билан Боливия чегарасидаги

Риккардо Франко-Блас тоғларидагига ўхшашлигини таъкидлайди. Б.Эйвельманс Конан Дойлнинг Лондонда Фосетт билан учрашиб, саёхатчининг тоғда туширган фотосуратларини кўрганлигини айтади. Эйвельманснинг китобида Фосеттнинг хатидан куйидаги парча келтирилади: ”У Жанубий Америкада рўй берган воқеалар ҳақида роман ёзмоқчи бўлиб, мендан кўп нарсаларни сўраган эди. Шулар натижасида ”Йўқолган дунё” ёзилди ва катта муваффақият қозонди”. ”Йўқолган дунё” повестида мутлоқ ўрганилмаган ва дунёдан бўлак турган Жанубий Америка ўрмонларининг чангалзорларида вулқон ҳосил қилган ёйма тоғ тасвирланади. Бундай тоғ ҳақиқатдан ҳам мавжуд бўлиб 30- йилларнинг бошларида унга экспедиция жўнатилган эди ва тоғ чўққисини ҳеч ким забт эта олмаганди. Кейинроқ бу тоғ осмондан текширилганда К.Дойл китобида тасвирланган ҳодисаларнинг ҳеч бири ўз исботини топмаган. ”Йўқолган Дунё ” аталмиш асари биологик (ёки зоологик) фантастикага киради. Муаллифнинг илмий фарази шундан иборат: ҳали инсон оёғи етмаган, ернинг баъзи узоқ ҳудудларида қадимий фаунага хос мавжудлик шакллари - қадимий умуртқалилар (динозавр, птеродактил каби) сақланиб қолган бўлиши мумкин. Бундай фаразларни А.Конан Дойлдан бошқалар ҳам келтириб ўтган эдилар. Бу мавзу кўплаб бадиий асарларда, илмий ва илмий оммабоп нашрларда тилга олинган.

Конан Дойлнинг фаразини Б.Эйвельманс шунчаки фантастикага оид деб ҳисоблаб шундай хулосага келади: ”Кўплаб ҳайвонларнинг яшаши учун ноқулай бўлган баъзи жойлар шундай шароитга ўрганган ҳайвонлар учун қулай ва хавфсиз бўлиши мумкин. Ҳамма тарафда – ўрмон

чангалзорлари, ботқоқликлар, баланд тоғлар, ер ости чуқурликларида Йўқолган дунёлар бор бўлса керак. Бизни олдинда кўплаб янгиликлар кутади. ”. Ҳақиқатда ҳам келажакда биологик янгиликлар очилиши маълум нарсас. А.Абрамов ”латимерия” балиғи ва Комода оролидан аждарҳонинг топилганини айтиб, шундай дейди: ”Йўқолган дунё”нинг фаразларида илмий тахмин аломатлари мавжуд, бу эса адабий асарга шуҳрат олиб келиши даркор”.

”Йўқолган дунё” асарида турли даврларда мавжуд бўлган ҳар-хил ҳайвонлар ҳақида гап юритилганлиги ҳам диққатга сазовордир: Челенжер ва унинг сафдошлари умуртқалилар билан бирга улардан бошқа даврда яшаган сут эмизувчиларни (ёввойи чўчка, илон ва қушларни учратади). Бундай ҳар хил ҳайвонларнинг биргаликда яшаши мумкин эмас. Улар турли об-ҳаво шароитида ҳаёт кечириб, турлича озикланишган ва ҳайвонот дунёси эволюциясининг бошқа-бошқа босқичларининг вакиллари бўлган. Бу ерда адиб сюжетни ёрқин ва равлонли ривожлантириш мақсадида илмийлик тамойилларидан атайлаб четлашганини сезиш қийин эмас.

Ҳақиқатда ҳам А.Конан Дойл ”Йўқолган дунё” асарида муҳим ижтимоий муаммоларга эътиборини қаратмайди ва фалсафий умумлаштиришга интилмайди (бундай ҳоллар туркумга кирган бошқа асарларда мавжуд). Мазкур китобда илмий фараз саргузаштлар романтикасига боғланган бўлиб, саргузаштли сюжет орқали рўёбга чиқади. Шу билан биргаликда повест персонажлари фақатгина ёзувчи мақсадини ”бажарадиган шахслар” бўлиб қолмайди. Конан Дойл китобхонга таъсир қиладиган ёрқин характерлар яратади.

АДАБИЁТЛАР

1. Абрамов Ал. Фантастика А.Конан Дойля // Конан Дойль А. Собрание сочинений . Т.8. – М.: Правда, 1966, с.479.
2. Цит. по: Конан Дойль А. Собрание сочинений . Т.8. – М.: Правда, 1966, с.431.
3. Абрамов А. Фантастика А.Конан Дойля // Конан Дойль А. 4. Собрание сочинений . Т.8. – М.: Правда, 1966, с.481.
5. Акимов И. Следы невиданных зверей. – М.: Мысль, 1964, с.242.

Норбеков Ф. Своеобразие фантастики А.Конан Дойля в романе «Затерянный мир». В статье анализируется своеобразие фантастического метода А.Конан Дойля на примере романа «Затерянный мир».

Norbekov F. Peculiarities of A. Conan Doyle's fantastic in his novel "The lost world". This article deals with the other scientific- fantastic novels of A.K. Doyle. They tell about professor Chelenger and about his voyage

А. КАМЮНИНГ «ВАБО» РОМАНИ ТАРЖИМАСИ ХУСУСИДА

Мустақиллигимиз йилларида француз-ўзбек адабий алоқалари янги босқичга кўтарилди. Илгари ҳам айрим кичик асарлар француз тилидан ўзбек тилига бевосита таржима қилинган бўлса-да, айнан мустақиллик йилларидан йирик жанрдаги асарлар таржимаси кучайди. Франциянинг ҳам мумтоз, ҳам замонавий адабиётининг турли жанрлардаги нодир намуналари она тилимизга таржима қилинди. Булар орасида фалсафий ва тарихий романлардан тортиб, кичик жанрлардаги асарлар — эртаклар, болалар адабиёти намуналари, ҳикоялар, эсселар ва жиддий мақолалар бор.

Бироқ восита тил орқали таржима қилиш ҳам давом этмокда. Ҳозирги кунгача тажрибали мутаржимлар томонидан француз адабиётидан бир қанча асарлар рус тили орқали таржима қилиниб, ўзбек китобхонларига тақдим этилди. Шундай асарлар орасида ХХ аср нафақат француз адабиётига, балки жаҳон адабиёти хазинасига катта ҳисса қўшган адиб Альбер Камюнинг «Вабо» романи, «Бегона» қиссаси (таржимон Аҳмад Аъзам, «Ёзувчи» нашриёти, 1995) ҳамда «Исён ва санъат» («Исёнкор одам» китобидан) эссеси (Назар Эшонкул таржимаси) ҳам бор.

Биз бугун адибнинг «Вабо» романининг ўзбекча таржимаси мисолида Аҳмад Аъзамнинг таржимонлик маҳоратини таҳлил қиламиз.

Альбер Камю (1913-1960) Жазоирда оддий деҳқон оиласида дунёга келиб, 1940 йил баҳорида Францияга келади. Шу йил июнида Франция немислар томонидан босиб олинган, адиб Жазоирга қайтади ва 1941 йил кузида яна Парижга келади. Камю француз Қаршилиқ кўрсатиш ҳаракатига қўшилиб, босқинчиларга қарши курашади. Айнан шу йиллари унда «Вабо» романини ёзиш фикри туғилиб, тайёргарлик бошлаб юборилади. Роман 1947 йил ёзиб тугатилади.

Адиб «қўнғир вабо» деб ном олган фашизмни ҳақиқий вабога қиёслайди. Романда тилга олинган воқеалар ҳам гўё 40-йилларда Жазоирнинг Оран шаҳрида бўлиб ўтади. Шаҳарда вабо эпидемияси бошланади. Шаҳар раҳбарларининг маъсулиятсизлиги, врачларнинг чаласаводлиги шунга олиб келади. Бу ҳақида асарнинг русча матнида қуйидагича ёзилган:

«Однако префектура и муниципалитет призадумались. Пока каждый врач сталкивался в своей практике с двумя-тремя случаями

непонятного заболевания, никто и пальцем не шевельнул» [1].

Аҳмад Аъзам мазкур ҳолатни қуйидагича таржима қилади:

«Лекин волийлик билан муниципалитет ўйга тушиб қолди. Ҳар бир ҳаким ўз амалиётида икки-учтадан номаълум касаллик ходисасига дуч келмагунча, ҳеч ким қўлини совуқ сувга урмади» [2].

Ўзбек мутаржими рус тилидаги «и пальцем не шевельнул» фразеологик иборасини «қўлини совуқ сувга урмади» деб жуда чиройли таржима қилган. Бунинг устига юқорида айтганимиз врачларнинг чаласаводлигини матн ортидан англаб етган ва буни таъкидлаб кўрсатиш учун атайлаб «доктор» ёки «врач» сўзларини эмас, балки «ҳаким» сўзини танлаган ва тўғри қилган.

Таржимон асар персонажлари портретларини таржимада қайта яратишда ҳам маълум ютуқларга эришган. Портрет қаҳрамон масаласи билан чамбарчас боғлиқ бўлиб, асарнинг ғоявий-бадиий хусусиятини белгилловчи компонентлардан бири ҳисобланади. Ҳар бир ижодкор ўз қаҳрамонининг бадиий портретини яратар экан, дунёқараши ва эстетик савиясидан келиб чиққан ҳолда унга маълум бир маъно юклайди. Бу маъно қаҳрамон характерини тўлдиришга, уни янада яққолроқ кўрсатишга қаратилган бўлади. Шунинг учун ҳам бадиий таржимада қаҳрамон портретини қайта яратиш ҳар қандай таржимондан маҳорат ва маъсулиятни талаб қилади.

Русча матнда доктор Риэга Тарру қуйидагича таъриф беради:

«На вид лет тридцати пяти. Рост средний. Широкоплечий. Лицо почти квадратное. Нос крупный, правильной формы. Рот четко обрисован, губы пухлые, почти всегда плотно сжаты. Ходит всегда без шляпы...» (стр. 135)

Аҳмад Аъзам таржимаси:

«Кўринишидан ўттиз бешларда. Ўрта бўй. Елкадор. Юзи қарийиб чорбурчак. Бурни гўштдор, тўғри бичимда. Оғзи аниқ чизгили, лаблари дўрдоқ, доим катъий қимтилган. Доим бошланг...» (105 –бет).

Бу ерда ҳам ўзбек таржимонининг топқирлигига тан бермай иложимиз йўқ. Зеро у қўллаган сўз ва иборалар шундан далолат бериб турибди.

Солиштиринг:

широкоплечий – елкадор, лицо почти квадратное – юзи қарийиб чорбурчак, нос крупный – бурни гўштдор, губы пухлые – лаблари дўрдоқ, ходит всегда без шляпы – доим бошланг.

Таржимоннинг новаторлиги бу билан тўхтамайди. У русчалашиб кетган қаватлардаги зиналар устидаги майдонни ўзбекча ажойиб “долонча” сўзи билан беради.

Русча матн:

«Фактически и разговаривал я с ним всего раза два. Несколько дней назад я уронил на площадке коробку с мелками. Как раз вышел Коттар и помог мне их собрать» (стр.137).

Ўзбекча матн:

“Аниқ айтсам у билан бор йўғи икки марта гаплашганман. Тўрт-беш кун олдин долончада бўр солинган қутини қўлимдан тушириб юбордим. Шу пайт Коттар чиқиб қолди, йиғиштиришга ёрдам берди” (107-бет). Айрим русча сўзлар ўзбекча таржимада халқ тилида, шева тилида бериладиким, бу матнни янада жонли тушунарли чиқишига хизмат қилади.

Пилорама – аррамошин (113-бет), грузовик – юкмошин, книжная полка – раф (106-бет) ва ҳоказлар шулар жумласидандир.

Бироқ, европа тилларига хос сўзларни соф ўзбек тилида беришга интилган таржимонимиз баъзан уларни ўта архаик ёки кенг китобхонга нотаниш сўзлар билан бериб, айрим жумлаларда ноаниқликлар келтириб чиқаради. Масалан, доктор Риэннинг хотини касал, санаторияга кетиши керак. Бу ҳақидаги гап қуйидагича таржима қилинган:

“Хотини бир йилдан бери касал, эртага тоғдаги шифокияга кетиши керак” (88-бет) жумласини китобхон фақат фараз қилибгина тушиниши мумкин.

Худди шундай таржимон халқаро “полиция” сўзини ишлатишдан қочади. Натижада “полиция комиссари” “миршабия комиссари”га айланиб қолади (107-бет).

Бу сифат ғализликларга қарамай А.Камюнинг “Вабо” романи ва “Бегона” повести Аҳмад Аъзам томонидан катта маҳорат билан таржима қилинган. Таржимон она тилимизнинг бой имкониятларидан кенг фойдаланган, натижада китоб жовонларимиз жаҳон адабиётининг машхур дурдоналари билан бойитилди.

АДАБИЁТЛАР

1. Альбер Камю. Избранное. –М.: Правда, 1990, стр. 139. Бундан кейинги русча мисоллар шу наирдан олинди, қавс ичида бети кўрсатилади.

2. Альбер Камю. Бегона. Қисса ва роман. –Т.: Ёзувчи, 1995, 109-бет. Бундан кейинги ўзбекча мисоллар шу наирдан олинди, қавс ичида бети кўрсатилади.

Сайфуллоев Б. О переводе романа А. Камю «Чума». В статье рассматривается перевод романа А. Камю «Чума», выполненный с русского языка на узбекский А. Агзамом.

Sayfullaev B. About translation of the novel “Plague” by A. Camyu. This given article is about the French-Uzbek literary relations of the period of independence of the Republic of Uzbekistan. This is the Uzbek translation of the works of French autor Albert Camus.

Н. Сулейманова

ВОЗРАСТНОЙ ФАКТОР В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (ФРАГМЕНТЫ)

В настоящее время никто не сомневается, что язык как средство общения возникает и развивается только в обществе. Следовательно, **язык** – явление социальное. Поэтому с самого начала возникновения науки о языке лингвистов интересовала проблема связи языка и общества. В любом обществе язык выступает как средство накопления, хранения и передачи добытых этим обществом знаний. Поэтому общество и происходящие в нем социальные, экономические и культурные изменения не могут не оказывать влияния на различные уровни языка. В равной степени и язык оказывает значительное влияние на общество. Литературно обработанная форма любого языка, стабилизация норм его употребления оказывают значительное влияние на сферу бытового общения, способствуют повышению культурного уровня носителей данного языка, приводят к постепенному стиранию диалектных различий [1]. Появляющиеся в языке новые слова и словосочетания, новые значения слов, выражающие в обществе новые понятия, в свою очередь, помогают людям глубже осознавать окружающий их мир, точнее передавать свои мысли [2].

Прежде чем исследовать феномен языка, надо разобраться с вопросом возраста, подходящим для изучения второго, третьего и т.д. языков. Опять же народная мудрость гласит, что детям легче выучить новый язык, чем взрослым.

Хотя многие и сомневаются, определяющим в этом является степень изменения мозга, а не изменения мотивации. С одной стороны, мозг ребенка эластичен, т.е. он позволяет ему изучать множество языков, во время же половой зрелости эта эластичность исчезает. Эта позиция была поддержана случаем с *Дженни*, которая с детства содержалась в мрачной спальне, вплоть до полового созревания. Никому в семье не было

разрешено разговаривать с ней и, возможно, она наказывалась за чрезмерную шумливость, поэтому так никогда и не научилась контролировать свой голос. Несмотря на своё рвение и энтузиазм учиться, язык, который она могла выучить, имел ограниченный характер. Слова, которые она использовала, были словами ребенка, начинающего ходить. Причина этого была раскрыта: левая часть мозга, отвечающая за синтаксис, атрофировалась. Участок мозга, связанный с языком, теряет свою пластичность после зрелости, и становится очень трудно изучать новые языки. Итак, Крашен и их коллеги сделали вывод, что существует критический период в изучении языков [3].

Но хотя пример Дженни и убедителен, до конца эта теория не подтверждена. Частное не может доказать общее. И мы точно не знаем, была ли Дженни нормальным ребенком до изоляции. Мы не можем повторить опыт с Дженни так же, как не можем и отвечать за результаты.

Хакута (Hakuta) предлагает несколько другое свидетельство, которое приводят взрослые люди, изучающие язык. Она проводила исследования в разных возрастных группах и получила при этом противоречивые результаты. Например, те евреи, иммигрировавшие в Израиль, кому 40 лет, учились лучше и успевали быстрее, чем те, кому 30 лет или 20. А в группах детей от 6 до 10 лет, от 11 до 15, и от 16 до 20 были получены совершенно другие результаты. Дети младшей группы изучили английский язык лучше. Так она пришла к выводу, что возраст не играет особой роли при изучении иностранных языков [4].

Очень трудно определить критический возраст, если опираться на результаты этих исследований. Но Хакута показала, что это возможно при помощи тестов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулейманов М.Д. *Некоторые социально-психологические аспекты двуязычия // Семинар-совещания «Этнопсихологические аспекты речевого общения»*. – Москва-Самарканд, 1990, с. 40.
2. Сулейманов М.Д. *Билингвизм и проблема образования в США*. – Самарканд, 2002, с. 10.
3. elenakosilova.narod.ru/studia/zalevskaya.htm

4. Hakuta, Kenji & Lucinda Pease-Alvarez. 1994. *Proficiency, choice, and attitudes in bilingual Mexican-American children. In The cross-linguistic study of bilingual development. -Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences. 145-164.*

Сулейманова Н. Янги тилларни ўрганишда ёш омили (фрагментлар). Маълумотида чет тилларини ўрганишга инсон ёши омилининг таъсири тадқиқ қилинади.

Suleymanova N. Age factor in language learning. The article analyses the influence of age factor to learning foreign languages.

Ш. Мухитдинов

СВЯЗАВШИЕ ЕВРОПУ С АЗИЕЙ

В Самарканде прошла международная научно-практическая конференция на тему "Роль и место русского языка, литературы и культуры России в истории цивилизаций Востока и Запада".

Ее организаторами выступили Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и Самаркандское общество преподавателей русского языка и литературы (СОПРЯЛ).

В работе конференции приняли участие ученые-лингвисты из десяти стран мира: России, Казахстана, Таджикистана, Чешской Республики, Польши, Латвии, Греции, Азербайджана, Армении, Украины, а также из всех областей Узбекистана.

"Такая конференция международного уровня не впервые проводится в Узбекистане - стране, имеющей глубокие традиции в развитии лингвистической науки, - говорится в поздравлении и приветствии организаторам и участникам Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Узбекистан Ф.М.Мухаметшина, - Труды узбекистанских специалистов в области русской филологии хорошо известны в России. Нас радует, что в Узбекистане интерес к России, ее языку и культуре не ослабевает, что является свидетельством объективной заинтересованности наших стран в дальнейшем развитии плодотворного сотрудничества".

В своем послании к организаторам и участникам Самаркандской конференции Президент МАПРЯЛ, академик Людмила Алексеевна Вербицкая, в частности, выразила "полную уверенность в том, что в лице русистов Самарканда и Узбекистана в целом Россия находит надежного партнера в деле распространения и развития русского языка и культуры.

Зарождение Самаркандского общества преподавателей русского языка и литературы, которое выступило инициатором и организатором данного форума, происходило на наших глазах. Нам известно, с каким успехом прошли организованные силами СОПРЯЛ научно-теоретические конференции, принявшие участников из Франции, Италии, Словакии, России и стран СНГ".

Целью конференции является дальнейшее развитие сотрудничества между Узбекистаном и Россией в области науки и культуры, совершенствование преподавания и изучения русского языка и литературы, популяризация российской ментальности, традиций и обычаев русского народа.

На конференции, работа которой проходила в четырех секциях: лингвистика, литературоведение, методика преподавания языка и литературы, русский мир в полиэтническом пространстве, было представлено 84 доклада.

Примечательно и то, что в работе конференции приняла участие заместитель исполнительного директора фонда "Русский мир" Татьяна Викторовна Бокова, которая передала организаторам конференции подарки и приветственные послания от директора фонда, известного политолога В.А.Никонова, выразившего уверенность в том, что "работа конференции даст новые импульсы развитию научных исследований в области культуры и языка, что особенно значимо для воспитания новых поколений людей в духе взаимопонимания и уважения к ценностям различных мировых культур".

В работе конференции приняли участие советник Посольства Российской Федерации в Республике Узбекистан, представитель Росзарубежцентра Т.С.Мишуковская, председатели правлений Ташкентского и Хорезмского обществ преподавателей русского языка и литературы Н.М.Миркурбанов и Р.Ж.Юлдашева, председатель правления Самаркандского русского культурного центра Ю.М.Огнев.

В рамках культурной программы участники конференции осмотрели архитектурные памятники, ознакомились с другими достопримечательностями древнего города, провели ряд интересных встреч со студентами самаркандских вузов.

МУАЛЛИФЛАР ҲАҚИДА МАЪЛУМОТ

Бушуй Т. Самаръанд давлат чет тиллар институти профессори
Сафаров Ш. Самаръанд давлат чет тиллар институти профессори
Бушуй А. Самарқанд давлат чет тиллар институти профессори
Жалилова Н. СамДУ ўқитувчиси
Маматкулов А. АнДДПИ катта ўлитувчиси
Мирсанов Г. Самарқанд давлат чет тиллар институти ўқитувчиси
Рақимов А. Самаръанд давлат чет тиллар институти доценти
Сиддикова И. Ўзбекистон миллий университети доценти
Хайруллаев Х. Самаръанд давлат чет тиллар институти доценти
Яхшиев А. Самаръанд давлат чет тиллар институти доценти
Каюмов Ф. Самаръанд давлат чет тиллар институти аспиранти
Гибралтарская О. ЎзМУ ўқитувчиси.
Насруллаева М. Самарқанд давлат чет тиллар институти ўлитувчиси
Норбеков Ф. Жиззах давлат педагогика институти катта ўлитувчиси
Сайфуллоев Б. ЎзДЖТУ аспиранти
Сулейманова Н. Самаръанд давлат чет тиллар институти ўлитувчиси.
Мухитдинов Ш. “самаркандский вестник” газетаси мухбири.

ABOUT AUTHORS

Bushuy T. Professor of Samarkand State Institute of Foreign Languages
Safarov Sh. Professor of Samarkand State Institute of Foreign Language
Bushuy A. Professor of Samarkand State Institute of Foreign Languages
Jalilova N. Post graduate student of Samarkand State Universitet
Mamatkulov A. Teacher of Andijan SIPL
Mirsanov G. Teacher of Samarkand State Institute of Foreign Languages
Rahimov A. Dotsent of Samarkand State Institute of Foreign Languages
Siddikova I. Doktor of National University of Uzbekistan
Khayrullayev Kh. Dotsent of Samarkand State Institute of Foreign Languages
Yaxshiev A. Dotsent of Samarkand State Institute of Foreign Languages
Qayumov F. Post graduate student of Samarkand State Institute of Foreign Language
Gibraltarskaya O. Teacher of National University of Uzbekistan
Nasrullaeva M. Teacher of Samarkand State Institute of Foreign Languages
Norbekov F. Teacher of Jizzak State Pedagogical Institute
Sayfulloev B. Post graduate student of the World Languages University of Uzbekistan
Suleymanova N. Teacher of Samarkand State Institute of Foreign Languages
Muxitdinov Sh. Korrespondent of News papier “Samarkandskiy vestnik”.

МУАЛЛИФЛАР ДИЪЛАТИГА!

Журналга йўлланаётган ўзбек тилидаги маълумотларга рус ва инглиз тилида, рус тилидаги маълумотларига ўзбек ва инглиз тилида мухтасар резюме (5 тагача жумладан иборат) илова қилиниши шарт. Резюмесиз маълумотларни тақририят қабул қилинмайди.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

К статьям, направляемым в наш журнал на узбекском языке, следует обязательно прилагать краткое резюме (до 5 предложений) на русском и английском языках. Статьи на русском языке должны иметь резюме на узбекском и английском языках. Статьи без резюме редакцией не принимаются.

Тақрир-нашриёт бўлими

Матн муқаррирлари	—	Э. Османова Ф. Турниязов
Техник муқаррир	—	К. Бердиев
Оператор	—	У. Насимова
Саҳифаловчи	—	Ш. Сайфуллаев
Дизайнер	—	И. Билялов

СамДЧТИ нашриёт-матбаа маркази:
Самарқанд ш., Бўстонсарой кўчаси, 93.

Босишга рухсат этилган 5.11.2008
Адади 100 нусха. Ўлчов бичими А4.
Бўйртма № 144.
Times гарнитураси. Босма тобоғи 4,5.

